

ლიტერატურის

გრძელება

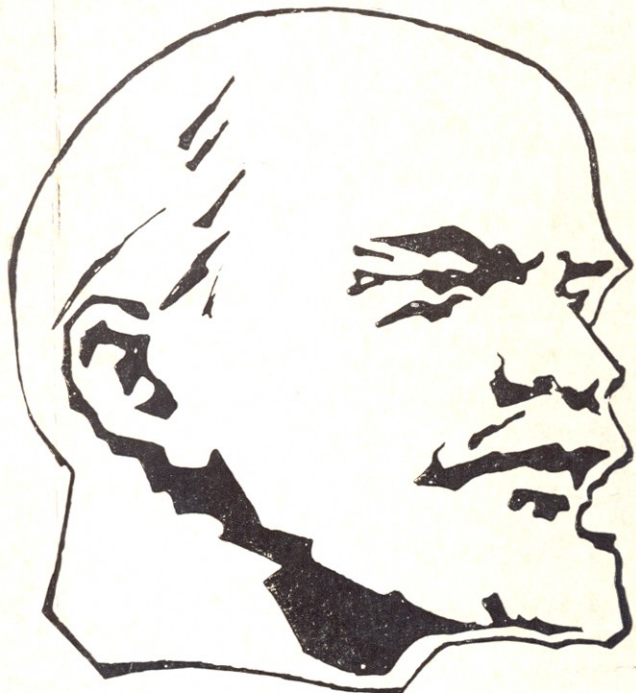
4

1977

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

Имя и дело Ленина переживут века!

Կոլա ՆԱԴԻՐԱԴՅԷ

Л Е Н И Н

Твой отчий дом, ему обязан ты...
В нем Пушкина дыханье не остыло.
Твои свободные и смелые мечты
Бетховенская сила окрылила.

И в раннем детстве сладостные сны,
И днями счастья полнилась душа,
И расправлялись крылья у весны,
Чтоб зрелость гения могла решать.

И в отчем доме, где ступала юность
Фиалками в нетронутой траве,
Узнал ты скорби материнской
бесприютность
В скупых слезах и несклоненной
голове.

Когда была потеряна надежда
И старший сын — твой брат — погиб
в борьбе,
В твоей душе запылал сильнее,
чем прежде,
Огонь борьбы, который жил в тебе.

Ты революции зажег священной пламя,
И рухнул трон народного тирана,
Ты поднял красное, трепещущее знамя,
И новым светом осветило страны.

Сегодня твой для нас бессмертный
гений
Подобен солнцу,
и его не потушить,
И на Земле со сменой поколений
В сердцах людей всегда он будет жить.

Перевод Елены ШУВАЛОВОЙ

Литературная Грузия

*Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал*

Орган Союза писателей Грузии

4
II
АПРЕЛЬ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 77
ЦК КП ГРУЗИИ

«ლიტერატურნაია გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

უძველესი ლიტერატურული-მხატვრული
და ხაზგადგომარეობის-კოლექტიური შურობა

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

№ 4

აპრილი 1977 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Издается
с июня 1957 года

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

- Тенгиз БУАЧИДЗЕ,
- Гиви ЖЕАНИЯ,
- Марк ЗЛАТКИН,
- Исидор КОЗАЕВ,
- Георгий ЛОМИДZE,
- Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
- Владимир МАЧАВАРИАНИ,
- Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,
- Гурам ХАРАИДZE
(заместитель главного редактора),
- Владимир ХОМУТОВ
(ответственный секретарь),
- Эммануил ФЕЙГИН.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

- Приемная — 99-06-59
- Главный редактор — 93-65-15
- Заместитель главного редактора — 93-13-57
- Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ

- Отдел прозы и очерка
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) — 93-31-43
- Отдел поэзии и искусства
(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43
- Отдел критики и публицистики
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) — 93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание

Постановление ЦК КП Грузии и Совета Министров Грузинской ССР «О присуждении Государственных премий Грузинской ССР имени Шота Руставели в области литературы, искусства и архитектуры за 1977 год» 4

ПОЭЗИЯ

- КОЛАУ НАДИРАДЗЕ. Ленин. Перевод Елены Шуваловой. 2-я стр. обложки.
- АЛЕКСАНДР ГОМИАШВИЛИ. Вновь зовут Германию. Перевод Михаила Синельникова. Две вершины. Лети, мой стих, в орлиные высоты... Перевод Анатолия Воронова 5
- МЕДЕЯ КАХИДЗЕ. Весна идет! О, когда бы могла... Твоя прекрасная страна. Перевод Виктории Колобовой 11

ПРОЗА

- РАМАЗ КОБИДЗЕ. Листья папоротника. Роман. Окончание. Перевод Виктории Зининой 13
- ЭЛГУДЖА МАГРАДЗЕ. Стенание. Роман. Продолжение. Перевод Анаиды Беставашвили 31

ОЧЕРК

- БОРИС ЧХЕИДЗЕ. Была такая пустыня... 49

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ГЕОРГИИ МАРГВЕЛАШВИЛИ «Горы — Парнас беспокойного духа...» 9
- «ДЕЛИТЬСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ И НОВЫМ...» (Беседа критика К. Имедашвили с писателем Ч. Амирэджиби) 52
- АКАКИЙ ХИНТИБИДЗЕ. Новейшая реформа грузинского стиха 57

К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

- СЕРГИ ЧИЛАЯ. Великий Октябрь и грузинская литература. 62

К 140-ЛЕТИЮ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

- ГЕОРГИИ ДЖИБЛАДЗЕ. Илья Чавчавадзе 70

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

- СЕРГИ ДУРМИШИДЗЕ. Казнохранитель нации 79

НАУКА

- ШОТА ДЗИДЗИГУРИ. Баски и грузины. 81
- СУЛХАН ЖОРДАНИЯ. Игра слов в языке художественных произведений 89

В МИРЕ КНИГ

- АНАИДА БЕСТАВАШВИЛИ. Встреча с Пиросмани 92

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КП ГРУЗИИ И СОВЕТА МИНИСТРОВ ГРУЗИНСКОЙ ССР

О присуждении Государственных премий
Грузинской ССР имени Шота Руставели в области
литературы, искусства и архитектуры за 1977 год

Центральный Комитет КП Грузии и Совет Министров Грузинской ССР по-
становляют:

принять предложение Комитета по Государственным премиям Грузинской
ССР имени Шота Руставели в области литературы, искусства и архитектуры
при Совете Министров Грузинской ССР и присудить Государственные премии
Грузинской ССР имени Шота Руставели 1977 года:

В ОБЛАСТИ МУЗЫКИ

Кахидзе Джансугу Ивановичу — за пло-
дотворную дирижерскую деятельность в 1975
—1976 годах.

В ОБЛАСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Санадзе Корнелию Барнабовичу — за про-
изведения, созданные в 1975—1976 годах (жи-
вописные портреты общественных деятелей, ра-
бочих и колхозников, серии пейзажей и графи-
ческих работ).

В ОБЛАСТИ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Сагарадзе Гураму Георгиевичу — за плодотворную работу в области художественного чтения и популяризации грузинской поэзии (персональные программы, концерты по художественному чтению, проведенные в 1975 — 1976 годах).

В ОБЛАСТИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Инанишвили Ревазу Константиновичу — за рассказы для детей, созданные в 1975—1976 годах и вошедшие в книгу «Далекая белая вершина» (издательство «Накадули», 1976 год).

Секретарь Центрального Комитета КП Грузии
Э. ШЕВАРДНАДЗЕ
Председатель Совета Министров
Грузинской ССР
З. ПАТАРИДЗЕ

Александр ГОМИАШВИЛИ

Вновь зовут Германию

1.

Буря прогрохотала... Лишь Рейна шумит
 Ниагара.
 Все теперь приутихло... Лишь рейнские
 воды гремят.
 И над реяньем вод, над густеющим
 чадом угара
 Мощный голос гремит: говорит
 Фердинанд Фрейлиграт.

О, Германия, сказка... Печальная
 флейта, умолкни!
 И Свобода, как призрак, предместьем
 проходит в ночи,
 Снова к бою зовет, заглушая и вопли,
 и толки,
 Барабан побежденной республики...
 Флейта, молчи!

Голод. Светобоязнь. Бонапартов ли
 ворон прокаркал:
 В молодую республику, словно разлить
 орды,
 После стольких громов, после молний,
 пылавших так жарко,
 Ворвалась буржуазная «буря в стакане
 воды».

«Нойе рейнише цайтунг», отважных
 сзывавшая к бою,
 Замолчала, мертва... Всюду травят
 гонимого льва.
 Только слово «Прощайте!» в изгнание
 унес он с собою,
 В этот горестный час позабыты иные
 слова.

Города и поля, скалы Рейна, прощайте!
 В разлуке
 Вас забвенью не сжечь. Поражения
 горечь — в груди...

В час прощанья друзья неразлучные
 вскинули руки.
 Маркс шагает по Лондону. Годы
 борьбы — впереди.

— Так простимся же! Буря, прощай!—
 Вновь снимается с места
 Стан изгнанников... Медленно
 двинулись тучи в поход...
 Слышишь: снова к борьбе призывают
 слова «Манифеста»,
 Длится битва идей. Новой битвы
 Германия ждет.

2.

Ель на севере дальнем застыла,
 закована в льдины,
 Словно снежная ель, поседеешь,
 состаришься ты...
 Вновь припомнишь поэта, прочтешь
 «Путевые картины»,
 Вновь увидишь знакомые и дорогие
 черты...

— Погляди на восток, всходит вечное
 солнце не там ли?
 С постоянством таким же на песенных
 крыльях паришь.
 Вся душа твоя—песня...О, Гейне,
 Германия, Гамлет,
 Снова — «быть иль не быть». Дни
 сомненья. Горящий Париж.

Что ж ты вымолвишь, Генрих, ты,
 встретивший бурю, не пяться,
 Ты, отбросивший флейту, едва загремел
 барабан.
 Ты, будивший отчизну, мятуж
 прославлявший и натиск,
 Вдохновеньем объят, вечным хмелем
 борьбы обуян?

И рождается песня, несется, взмывая
и рея,
И достойна она и судьбы, и отваги бойца.
Да к чему бы и петь, если сабли она
не острее,
Если песня твоя не быстрее
пулевого свинца.

Есть крылатые песни, то — клекот
орла на утесах,
Есть чуть слышные песни, их взлет —
на вершок от земли,
Их в унылые годы немало, немых,
безголосых,
Словно хрип Нибелунга, убитого
в горной щели.

Так бывает, когда в диких щелях,
в пещерах поселен,
Стонет раненый ветер, и мчатся
ненастные дни,
И доносятся песни из темных скалистых
расселин,
Но в глубинах расселин бесследно
загинут они.

Только ты, ты один, словно меч
или меткое слово
Твоего «Манифеста», лишь ты,
словно горный орел,
Крепнул в бурях гражданских,
свой дух закаляя, и снова
Искру будущих бурь в покоренном
просторе обрел.

Рейн. На юге луна скрыта складками
облачной хмури,
И на севере тянутся те же туманные дни.
Веришь, время придет, и увидишь
ты новые бури
Мирового пожара, зажженного
от головни.

Буря прогрохотала... Лишь Рейна
шумит Ниагара.
Все теперь приутихло... Лишь
рейнские воды гремят.
И над реяньем вод, над густеющим
чадом угара,
Мощный голос гремит: говорит
Фердинанд Фрейлиграт.

3.

Вот и Лондон. Фронтоны дворцов
и высокие доки,
Зыблясь, Темза колеблет. И сажей
гранит обмело.

И спешат горожане, в своем
равнодушие жестоки.
Встречный сыт и пресыщен — всегда
безмятежно чело.

Хладнокровья печать, вечный сплин,
суета неживая.
Мглистый город огнями невиданных
оргий перестит.
Голос мыши летучей. Суда, поезда и
трамвай.
Экипажи, omnibusы мечутся
по Реджен-стрит.

Словно горный обвал, вся махина
гигантского диска
Покатилась, не сдержишь...
Плавающий качается док.
Только — город и пригород... Что же
с деревней английской?
Деревенские виды смывает
бурлящий поток.

Лишь, когда в тупиках обнаружишь
ты «гнезда вороньи»,
Те, что в скорбных стихах
потрясенный воспел Фрейлиграт,
Встретишь толпы голодных в шумящем
рабочем районе,
Ты республику павшую вспомнишь
среди черных громад!

Ты июньскую ночь, верно, помнишь...
Задымленный Лондон —
Образ времени... Ты прозреваешь
грядущее в нем.
Город глухо гремит, грохот к облаку
вскинут и взболтан,
Но мощнее — твой голос,
провидческим полным огнем.

«Поглядите, был мир покорен
торжествующим паром,
Совершившим так быстро
технический переворот,
Но родился борец, что покончит
с властителем старым,
Подождите немного, на сцену
он скоро взойдет!

Он пока еще мал... И свеченье —
подобие блика
Мерно ходит модель и свистит,
и звенит колесом.
Электрической искрой зовется
грядущий владыка,
Повелитель пока неприметен,
незрим, невесом!»¹

¹ Так беседовали в 1850 году в одну из ночей июля в г. Лондоне на Реджен-стрит Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Вильгельм Либкнехт.

4.

Гулкий зов «Манифеста» — орган,
 не умильная флейта.
 Меч грозы занесен, снова двинулись
 тучи в поход...
 Вечно голос гремит над могильным
 курганом Хайгейта,
 Длится битва идей. Новой бури
 Германия ждет.

Долго перед витриною с маленьким
 электровозом
 Ты в раздумье стоял... Здесь глазел
 и толпился народ...
 Ты грядущее видел, дивясь его
 вихрям и грозам.
 После — в споре с друзьями провел
 ты всю ночь напролет.

Через годы летит мысль,
 рожденная в этом июле,
 Век спустя отзовется, умчавшись
 за тысячи миль...
 Погляди же на скалы, в бурлящем
 оглохшие гуле,
 Здесь в аул возвращался тропой
 поражения Шамиль.

В небывалой стране, где просторы
 сияньем объята,
 Где столбы передач вдоль великих
 дорог понеслись...
 Вдаль взглянитесь!.. Уже Днепротэса
 горят киловатты
 В блеске радужных молний,
 взметнувшихся в сизую высь.

Есть упрямые темпы, неистовость
 приступа, боя,
 В динамитных разрывах вершины
 обрушился срез.
 Электричество мчится, сражаясь,
 как нечто живое,
 Над широкой рекой исполином встает
 Днепротэс!

Пусть в сражении классов, гонимы
 безжалостным валом,
 Сгинут тени сомненья... Так что же вы,
 «быть иль не быть»?
 Ветер бури метет, ваши песни уносятся
 к скалам,
 И в расселинах тонут...
 В грядущее тянется нить.

Только ты, ты один, словно меч
 или меткое слово
 Твоего «Манифеста», лишь ты,
 словно горный орел,
 Крепнул в бурях гражданских,
 свой дух закаляя, и снова
 Искру будущих бурь в покоренном
 просторе обрел.

Искры бури — и Темза, и Нил...
 Зашумит Ниагара,
 Днепр и Рейн отзовутся, турбинами
 загомонят.
 Голос мощный звучит громче клетота,
 рева, удара.
 Словно с будущим вновь говорит
 Фердинанд Фрейлиграт.

5.

Стих мой, грянь, рассеки, словно
 молния, в яростном плеске
 Мглы сырые пласты!
 Электрических солнц ореол
 Над планетой зажжен. Сотрясается
 город вселенский,
 Пусть над ним пролетит,
 хищно выпустив когти, орел.

«Нойе рейнише цайтунг» умолкла.
 В борьбе непреклонной
 Буря сломлена, загнана...
 Травят могучего льва.
 Но падет капитал, как сорвался
 с Вандомской колонны
 Медный торс Бонапарта. Ты слышишь,
 Свобода жива!

О, Германия, сказка... Печальная флейта,
 умолкни!
 И Свобода, как призрак, предместьем
 проходит в ночи,
 Снова к бою зовет, заглушая и вопли,
 и толки,
 Барабан побежденной республики...
 Флейта, молчи!

Гулоч звук барабана, в ночи
 обходящий предместья,
 И предвестье грозы облетело всю
 землю. Пора!
 Ты в борьбе мировой — первый меч,
 первый светоч возмездья,
 Карл, ты видишь, — сошлась в дикой
 схватке с горою гора.

Буря гневно дохнула, и разом
 погасли светила.
 Тьма прорезала тьму, словно
 гложет провалы провал.
 Буря, буря, греми! Гитлер, сгинь!
 Ночь Вальпургиева наступила,
 Старый мир, пропади, ты последнюю
 ночь пировал!

1963 год.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Две вершины

С мельниц каркучских гонит
 Ветер в ущелье туман,
 Словно за макриони
 Мчится, буен и пьян.
 Тихо поет Маквала,
 Льетса в ущелье свет.
 Мохевцам перепало
 Радостей много и бед.

Горы в сверкающем снеге
 Высятся здесь навек:
 Одна — Александр Казбеги,
 Другая гора — Казбек.
 Казбек облака венчают,
 Казбеги — рассветный нимб.
 Мкинвари слезу источает,
 И голос героя над ним:

«Я деву увел у каджей,
 Священный огонь добыл
 И на глазах у стражи
 Цепи перерубил.
 Враг, хоть исполнен силы,
 Гибели не избег.
 И вот — мне теперь могила
 Вершина твоя, Казбек».

Бродят над Амирани
 Тучи, угрюмы и злы.
 Вечное умирание
 Сулит ему холод скалы.

«Элгуджа! В годину бедствий
 Ты можешь спасти меня:
 Хранит еще камень Гергетский
 Следы твоего коня.
 Приди, неподвластный страху,
 Вступи со скалами в спор,

Ведь сам ты огонь — очи Мзахо —
 Сумел похитить у гор.
 Недаром рассветной ранью
 Я слышу цокот копыт»...

Так со скалы Амирани
 Голос, как гром, гремит.
 Страждет герой от стужи.
 Мохевцы не верят почти,
 Что, как в легенде, Элгуджа
 Придет, чтоб его спасти.
 Далекое, словно детство,
 Предание — глас времен...

Но — чу! — на горе Гергетской
 Слышен грохот и звон.
 Тетрони или — метели?
 Проходит за веком век.
 Над Дарьяльским ущельем
 Стоит в облаках Казбек.
 Солнце встает, сияя,
 И отступает мгла:
 Так доброта людская
 Злобу превозмогла.

Богатыри-вершины
 Снега несут венец.
 С пастбищ согнал в долину
 Элгуджа своих овец.
 Спускается с гор Маквала,
 Тени в селенье лежат,
 Ей луч посылает алый
 Солнце, идя на закат.
 Вершины в сверкающем снеге,
 И надо всем и — навек,
 Одна — Александр Казбеги,
 Другая гора — Казбек.

Лети, мой стих, в орлиные высоты...

И вот — еще год провожаем.
 Был старый и щедр и богат —
 Он нас одарил урожаем,
 Он почвы впитал аромат.
 Прошел он в труде и боренье,
 И в небо взмывает мечта,
 И новых времен приближенье
 Приветствуют наши места.

Летит Новый год словно птица.
 К рубиновым звездам Кремля.
 Светлее становятся лица
 И вдаль устремляется взгляд.
 В лесах — снеговые гирлянды,
 И реки закованы льдом.
 Торжественным звоном куранты
 Несут новогодие в дом.

Под многоголосое пенье
 Идет Новый год по стране.
 Ликует мое поколение,
 И счастье приходит ко мне.
 Нам звезды приветно мигнули,
 Снаружи — не в душах! — мороз,
 И в нынешнем радостном гуле
 Былое с грядущим слилось.

На вахте — Кавказа вершины,
 И светлую радость несет
 Грузинский рассвет — армянину,
 Грузину — армянский восход.
 По-новому солнце сияет
 И с азербайджанских небес.
 Гряду облаков задевают
 Бурильные вышки, как лес.

Долины, моря и каналы
 Курантов услышали звон,
 И звучные эти сигналы
 Сливаются с говором волн.
 И видит Москву с Волго-Дона
 Орел, в поднебесье паря.
 С каховской земли обновленной
 Доносится песнь кобзаря.

Взлети же и ты, моя песня,
 Возьми же орлиный разбег
 И бодро звени в поднебесье,
 Где высится гордый Казбек.

Хочу я, чтоб стих мой напевный
 Сквозь бурю и горный хребет
 Летел в города и деревни,
 Нес каждому дому привет.

Неси, моя щедрая песня,
 Победную новость в народ:
 Как будущего провозвестник
 Спустился к нам Новый год!
 Хочу, чтоб слова эти пели
 Кремлевских курантов звончей,
 Небесной светлей акварели,
 Безбрежнее русских степей!

Перевод Анатолия ВОРОНОВА

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ

„Горы — Парнас беспокойного духа...“

КАК-ТО Александр Межиров назвал Александра Гомиашвили «поэтом очень цельным», отметил «своеобычность» и «цельность его фигуры», от которой «веяло суровым горским характером».

Цельность — это точнейшее определение. И оно вполне применимо и к такому явлению, как соответствие природы и характера художника природе и характеру его поэзии. Ведь далеко не всегда представление, которое создается у читателя об облике автора, исходя только из его стихов, совпадает с его действительным обликом. В данном случае — а это, повторяем, явление редкое — человек вполне равен поэту, а поэт — лирическому герою своей поэзии.

Буквально с того дня, когда Александр Гомиашвили произнес свое первое поэтическое слово (а произошло это на рубеже 20-х и 30-х годов), оказалось, что тем самым «Слово предоставляется товарищу горе» — так и назывался едва ли не первый поэтический цикл А. Гомиашвили, и название это закрепилось в дальнейшем за важнейшим разделом его итоговых сборников. И если блистательный поэт предшествующей культурной формации Паоло Яшвили дал некоторым чертам своей поэзии меткую характеристику известной формулой — «Стол — Парнас мой», то Александр Гомиашвили с такой же меткостью заявил о себе: «Горы — Парнас беспокойного духа и лоно орлиного взгляда певца».

Односельчанин Александра Казбег и сосед односельчан Важа Пшавела — он с естественностью природного явления воспринял и впитал в себя излучения этих с детства боготворимых светил. Но юность и первые шаги его в поэзии совпали с вулканическими колебаниями родной почвы, и след этих социальных потрясений с неменьшей естественностью отпечатался на «лицевой стороне» его стиха. Более того, именно благодаря нерасторжимому сплаву наследственных, преемственных и современных, благоприобретенных черт и свойств поэзия Александра Гомиашвили — у истоков же своих — стала объективным (при всей своей страстности) свидетельством и самовыражением новой и неповторимой поры в судьбе высокогорной Грузии. И прав был критик Лавросий Каландадзе, подчеркнувший как-то, что и комсомол вошел в жизнь поэта не как общая идея молодежной солидарности, а как реальный факт действительности его села — как строительство первой асфальтовой дороги, начатое

1933

по инициативе старшеклассников-комсомольцев, в числе которых был и будущий поэт. А через два года — в 1928 году — он же с товарищами увидел в этих же местах — и узнал знакомую по фотографиям! — фигуру Максима Горького, направляющегося по Военно-Грузинской дороге к Тбилиси. «Максим Горький с детьми-горцами в селе Казбеги» (а среди детей были Лексо Гомиашвили и Вано Шадури!) — фотография с такой надписью должна храниться в архиве великого писателя.

...Через год совершился поэтический дебют юноши — и в грузинской советской поэзии зазвучал новый голос — поначалу дерзкий и самоуверенный, а вскоре смелый и решительный, с романтическим максимализмом вступающий и в более серьезный спор, касающийся уже «той стороны мировых баррикад» — горестной земли Германии 1933 года, покрытой язвами и струпами коричневой чумы. «Вновь зовут Германию» — публицистическая поэма молодого грузинского поэта, как раз в этом, тридцать третьем году окончившего университет, явилась одним из первых в мировой поэзии гневных откликов на воцарение фашизма в Германии. Автор — да и не только он! — не мог еще предвидеть масштабов, которые примет эпидемия коричневой чумы, и размеров зла, которое она принесет человечеству. Но поэт осмыслил это событие в контексте новейшей истории, когда со страниц «Коммунистического манифеста» была напророчена гибель мира капитала, уродливой и зловещей предсмертной маской которого выглядел фашизм. И благородные, мудрые, пророческие голоса титанов духа середины прошлого века Маркса и Гейне, их талантливую поэтического современника Фрейлигата отозвались эхом в поэме Гомиашвили как голоса надежды и веры в торжество истинной и прекрасной Германии, всей своей народной, духовной и культурной сутью противостоящей навязанному ей злу. И очень был точен Георгий Натрошвили, писавший в предисловии к одному из изданий этой гневной и пламенной поэмы: «Биография этой маленькой книжки — это и биография ее автора, всего поколения, которое он представлял. Когда эта книга была написана — войны еще не было. Гитлеровские штурмовики взяли тогда лишь Берлин. Через двенадцать лет фашистскому Берлину и самому фашизму суждено было пасть и сгинуть. Но между этими двумя датами пролегла вторая мировая война, Великая Отечественная война. В этой войне поэты были плечом к плечу с бойцами. Они сами были бойцами, и Александр Гомиашвили был вместе со своими стихами на полях сражений — в Крыму и на Северном Кавказе. А эта книжка оказалась мобилизационным листком, который сам себе выписал поэт за восемь лет до этого. И вместе с тем, маленькая книжка эта была голосом грузинского народа, пославшего на фронт полмиллиона своих сыновей — на защиту Родины и Свободы».

Итак, с 1941 года Александр Гомиашвили не только певец, но и боец Великой Отечественной войны, активный борец против фашизма.

В военных и послевоенных стихах вновь нашла выход склонность поэта к эпическим мотивам, близким ему и раньше, что сказалось в цикле мужественных баллад и сюжетных лиро-эпических стихотворений, таких как, скажем, «Дарьяльская баллада». Здесь явственно прослеживается ориентация автора на поэтическую традицию Важа Пшавела, но видна и вполне оригинальная, ярко изобразительная манера поэта новой литературной формации.

А вот в «Сказании о трехстах арагвинцах» поэт обращает взгляд в историю, вспоминая ее кровавые страницы. Но он в какой-то мере и полемичен: вслед за Ильей Чавчавадзе, с горечью отмечавшим, что грузинские исторические летописи сохранили нам лишь имена и подвиги царей и полководцев, предав забвению творцов истории из народа, он, повторив в стихах этот упрек, задается целью высветить лучом поэзии хоть один малый участок исторической эпохи, приблизив к нам имена, лица, подвиги и страсти ее рядовых участников. Эта задача и решена в этой благородно-романтической поэме.

«Дарьяльская баллада» и примыкающие к ней стихи свидетельствовали уже о зрелом мастерстве и сложившемся лиро-эпическом стиле поэта. Конечно, трудно было предположить, что вершина «его Парнаса» была еще впереди. Однако столь же трудно нам сегодня представить поэзию Александра Гомиашвили без «Матери моей обители» и «Мгновенного мира», «Акия Арабули» и «Песни юного месха», «Черной скалы» и «Соленых озер», «Гудамакари» и «Хевской невесты», «Моего Парнаса» и ряда других новейших его творений, созданных преимущественно с середины пятидесятых годов. Эти стихи были в числе первых во всей грузинской поэзии, которые без какой бы то ни было ши-

036920
2101033

роковещательной декоративности и риторического обнажения задач, а всем своим строем, своей «цельностью» и натуральной «своеобычностью» знаменовали начало нового этапа и в жизни народа, и в его искусстве.

Здесь заметны и новые грани поэтического мастерства Гомиашвили, и новые духовные качества его поэзии — какое-то задумчивое раздумье о смысле жизни, о любви, о человеке, о родине, глубокая и окрашенная светлой печалью мысль о прожитой жизни, воспоминания о детстве, юности, о поре первой влюбленности. Описание быта в этих стихах уступает место думам о бытии. Те же образы, которые еще, казалось бы, недавно жили в душе и стихах поэта, в своей непосредственной первоизданности, в бытовой достоверности, здесь как-то по-особенному преобразованы: это все те же и вместе с тем не совсем те образы, картины, видения. Появилась перспектива, сглаживающая некоторые конкретные детали, но подчеркивающая образ в его осмысленной целостности. Большая степень поэтического обобщения с привлечением более разнообразной «системы» поэтической условности почти до конца снимает в стихах Гомиашвили свойственную им порой прежде «зарисовочность».

Весь цикл новых стихов Александра Гомиашвили как бы осенен одним из лучших и «программных» его произведений — «Мать моей обители». Народно-мифологическое поверье о «хранительнице» и «покровительнице» данной местности или целого края использовано поэтом для поэтического утверждения мысли о бессмертии, которое дарует человеку кровная связь с родиной, с природой и историей родной земли. Автобиографическая конкретность стихотворения создает в нем тот первый «достоверный» и «ежедневный» план, который сливается затем с его обобщающим философским аспектом.

В лирико-философской концовке-монологе этого мудрого и истинно поэтического стихотворения «миф» сливается с «быльем», «бытие» — с «бытом»:

Я давно на встрече с детством не был,
Но несу с собой из года в год
Тот очаг, где, как горячий пепел,
Мать моей обители живет.

И именно потому, что поэт «нес с собой из года в год» это чувство родного «очага», ему «хватило сил для песни новой».

Медея КАХИДЗЕ

Весна идет!

Лучами солнца затопило поле,
все ярче прорезается трава.
Весна во всем права! И я невольно
приветливо смотрю по сторонам.
Проснувшиеся горы и долины,
под солнышком потягиваясь влать, —
в отливе сна, в приливе новой силы.
Ручьи встречаются, наперебой смеясь.
Земля и воздух — динамит желаний,
запал доверчивости в каждом сердце
скрыт.

И жаворонков перешепот дальний
в высоком поднебесии стоит.

Зерно, налившись, все исходит светом.
Весна идет,
по жилам гонит кровь.
Весна щедра — я чувствую всем телом
ее здоровый молодой огонь.
Весна! —
Ожог в глаза,
капель лучистых граней
неистовый солнцеворот таит.
Земля и воздух —
динамит желаний,
запал доверчивости
по сердцам бежит!

О, когда бы могла...

Я по ясной погоде
мотив для себя
 подберу.
Выйдем в поле,
пойдем —
Уписцихе и Рошка
в цвету.
Я от жгучего зноя
сознание теряю —
темно.

Но вернешься ли
завтра, —
тебя не спрошу
все равно.
И за что так
 безбожно
меня покарала
судьба!
О, когда бы одной
мне

во Мцхета пойти
без тебя..
Я — как сад
после града,
спаленное
солнцем жнитво,
но придешь ли
 опять —
через день —
не спрошу все равно!

Твоя прекрасная страна

Югославской поэтессе Десанке Максимович

Твоя прекрасная
 страна
меня волнует
и печалит,
и радует.
Наверно, вам
свет,
веру,
силы —
небо дарит.
И позабыть
я не вольна
реку из солнечного
 света
и умных глаз
твоих тепло,
доверчивость, —
как близко это!
И ты пытаешься
 меня

понять,
в зрачках лова
 огонь
Нас породнила
щедрость сербов
и общая
большая
боль.
Я грустным
взором обвожу
окрестности
в дымке тумана.
Мне
сердце
оплела любовь
лозой
хмельного винограда.
Уеду, но за мной —
чиста —

скользит твоя
 улыбка следом,
и вслед за ней
ступают боль
надежд и
 расстояний
беды.
Твои
красивые
поля
мне родину
напоминают..
О том,
как наша связь
 крепка —
пусть горы и сердца
решают.

Перевод Виктории КОЛОБОВОЙ

Листья ПАПОРОТНИКА

● Роман

МИНАГО недолго работал в инспекции технического контроля. Причиной тому был не только неуживчивый характер Сидамона Мереклишвили. Минаго самому не по душе была его работа. Разве это мужское дело сидеть сложа руки в забое и подсчитывать, сколько пустой породы в тонне угля?! И это в то время, когда вокруг грохочут машины, гудит конвейер... Минаго ведь хотел стать настоящим шахтером!

За полтора года Минаго сменил несколько профессий. А болезни в свою очередь словно решили атаковать его. То его беспокоили легкие, то ревматизм. Он был самолюбив и горд и не говорил о болезни товарищам. Но однажды друзья застали его в тот момент, когда он, прислонившись к столбу, едва сдерживал стон.

— Здесь тебе не больница и не санаторий, — сказали ему ребята, — работа на шахте тяжелая, здоровье крепкое нужно!

— Значит, мешаю я вам... Уходить мне, что ли?

— Конечно! Загубишь здесь себя вконец. Не дело это!

Минаго ничего не оставалось, как всерьез задуматься о своем будущем.

В ту пору Минаго, которому было всего двадцать восемь лет, и бухгалтер монтажного управления, спокойная, неторопливая Кетино Мамацашвили, уже давно встречались. Вечером Минаго с грустной улыбкой поведал ей о своей стычке с шахтерами.

— Что, выгнали? — улыбнулась понимающе Кетино.

— Выходит...

— Ничего не поделаешь, надо искать другую работу.

— Какую?

— Надо подумать.

На следующий день Минаго пошел в райком партии и попросил направить его на подходящую работу. Его назначили инструктором в отдел кадров на хлебном заводе.

Шесть лет проработал Минаго в должности инспектора, затем — начальником отдела кадров. У них с Кетино уже рос мальчуган. Минаго пользовался авторитетом, его уважали, он привык к работе, но...

Но сердце никак не могло уюмониться. Его с прежней силой тянуло на шахту, к ребятам, которых он узнал и полюбил — смелых, мужественных, скупых в проявлении чувств, но добрых сердцем и отзывчивых.

И снова он пошел в райком, и снова его направили в инспекцию технического контроля.

На этот раз Минаго взялся за работу иначе. Прошло еще несколько лет, и он сменил Сидамона Мереклишвили, который к тому времени ушел на пенсию.

И вот уже второй год Минаго избирают на шахте секретарем партбюро.

Окончание. Начало в №№ 2, 3.

За эти два года Минаго особенно привязался к Сардиону. Он ценит в начальнике шахты внимательность, знание дела, принципиальность, решительность, ум. Потому-то он и удивился, когда Сардион, не раздумывая, назначил начальником участка молодого специалиста. Минаго хорошо знал, что вновь окончивших институт на такие должности обычно не назначают. Какая же муха укусила Сардиона? Устал? Надоела работа?

Когда Теймураз и Маргарита вышли из комнаты, Сардион сел за стол, закурил.

— Ты что молчишь, Минаго?

— Думаю, чем все это кончится, в райкоме мне влепят выговор или ограничатся предупреждением.

— За что?

— За формальное отношение к использованию кадров.

— Что касается тебя, ограничатся предупреждением, выговор влепят мне.

— Ты думаешь?

— Точно! Я ведь подписывал приказ. А что ты мог сделать? Разве что вывернуть мне руку? Ха-ха-ха!

— Мне вовсе не смешно!

— Ну, знаешь, коли ты так боишься выговора, вот тебе телефон, звони, скажи, что я своевольничаю.

— Позвонить можно, только вот кого же ты тогда назначишь начальником участка?

— Этого я уже не знаю...

Сардион тяжело вздохнул, машинально погасил сигарету, так же машинально бросил ее в пепельницу и замолчал, задумавшись.

Молчал и Минаго. На шахте он давно не новичок и знает, что значит для шахты и шахтеров назначение нового начальника.

Они еще долго сидели молча, думая, разумеется, об одном и том же. Сардион снова вздохнул, достал новую сигарету.

— Ты что задумался, Минаго?

— Ты еще спрашиваешь?

— Не бойся... — Сардион встал, прошелся по кабинету. — Не так уж плохи наши дела... В конце концов, что особенного случилось? Парень этот, если я не обманываюсь, не должен быть плохим специалистом. Правда, молод еще, но ничего... В конце концов, учиться на отлично все пять лет — дело несложное. Не так ли? Ведь и теоретические знания имеют немаловажное значение... В самом деле... Но основное, на что я надеюсь, так это то, что на участке Джибранла работа налажена как часы. Да тебе ли говорить об этом, сам ты ведь знаешь это не хуже меня. Каждый шахтер там — мастер своего дела. Уже привыкли хорошо работать, помогать один другому. Забой, просеки, механизмы — в порядке. Ведь так, как, к примеру, Юло Сопромадзе ухаживает за своим комбайном, даже министерский шофер не следит за своей машиной. И задумай даже новичок разорить участок — на это ему понадобится несколько месяцев. Я тебе говорю это вполне серьезно! По инерции участок еще долго будет работать хорошо. Кроме того, мы ведь рядом. Будет парню трудно, поможем... Это наша наипервейшая задача.

— Что-то у тебя очень складно все получается.

— Так и должно быть, — уверенно произнес Сардион. — Поверь мне. Но теперь меня беспокоит другое.

— Что?

— Почему меня сторонятся шахтеры. Вот уже который день висит приказ о Джибранле. Я думал, шахтеры ворвутся ко мне, живьем съедят, но... Никто не появлялся.

— Думаешь, они примирились?..

— Как бы не так... Они легко не примирятся с этим. Я сам не могу успокоиться, а что говорить о них... Ну, так и быть... Теперь, как никогда, Минаго, мне нужна твоя поддержка. Надо устроить собрание, убедить всех, что в новом начальнике — наше спасение. Понял?

— Понял...

— Поможешь?

— А что мне остается делать?

XIII

Иорам Носелидзе приходился родственником Маргарите. Она и привела его впервые на шахту.

Пришла она как-то к Сардиону и, смущаясь, обратилась к нему:

— Есть у меня родственник, Сардион Эрастович... Получилось так, что ему надо помогать родителям... Так вот... Если вам не трудно...

- Что тебе, Маргарита?
- Может быть, возьмете его на шахту.
- Кем?
- Простым рабочим...

Сардион удивленно оглядел смущенную Маргариту и вдруг от всей души расхохотался:

— Ну и рассмешила ты меня! Теперь, когда все хотят какой-то должности, нашелся человек, который хочет работать простым шахтером, и ты еще гросишь меня за него! Ай да Маргарита, ай да рассмешила ты меня! Приводи парня, пошлю, куда он захочет. А я, грешным делом, решил было, что он хочет на мое место, ха-ха-ха!

Иорам захотел работать на участке Джибраила.

О том, что Сардион и Минаго долго беседовали с Антимозом Чахунашвили, Иорам узнал первый. Разумеется, ему как родственнику сообщила об этом Маргарита, и он поспешил к своим друзьям.

— О чем они могли целый час совещаться с этим ужом? Можно подумать, он скажет что-нибудь путное. Хотя... — сверкнул единственным глазом Герасиме. — А вдруг... его назначают начальником участка?

— Ну и повезет нам!

— Да не сделают этого!

— Почему бы нет! Стаж работы у него дай бог, и курсы какие-то закончил!

— Не понимаю Сардиона, он что—совсем сдурил? А ты, Иорам, не отходи от Маргариты, если что узнаешь, тотчас к нам.

— Разумеется.

Но Маргарите так и не удалось узнать, почему вызывали Антимоза. Эта тайна так и осталась тайной троих — Сардиона, Минаго и Антимоза. Зато, едва напечатан приказ о назначении Теймураза, Маргарита кинулась к телефону.

— Иорам, поздравляю!

— Что случилось?

— Начальником к вам назначили такого парня!..

— Когда? Кого?

— Только что. Инженер он.

— Я знаю его?

— Нет. У него, представляешь, красный диплом. Приехал из Тбилиси!..

Уж он лучше вашего Джибраила, не сомневайся!

Иорам бросился в дежурку, чтоб сообщить своим старшим товарищам эту новость.

— Что?

— Из Тбилиси? С красным дипломом, говоришь?!

— Да не мели ты чепуху! Смотри, чтоб нос тебе не расквасили в цвет того диплома.

— Чего вы ко мне пристали! — обиделся Иорам.

— В самом деле. При чем он, — сказал Герасиме. — Надо все-таки узнать поподробнее, что за птица этот приезжий.

— Ну-ка, Иорам, сбегай-ка еще раз к Маргарите.

Но Иорам запротестовал:

— Никуда я не пойду! Я же говорю вам, он молод и у него красный диплом. Если хотите знать больше, узнавайте сами. Чуть не сожрали меня.

— Откуда ты взял, что он молодой?

— Маргарита сказала.

Шахтеры переглянулись. Вдруг Архипо Цалуглишвили зло выругался и сорвался с места.

— Ты куда?

— Пойду узнаю, правду ли наболтал этот худосочный.

До возвращения Архипо шахтеры сидели молча, никто даже не закурил. Архипо вскоре вернулся бледный, растерянный.

— Ну что?

— Мальчишка, — пробормотал он и сел. — Не больше двадцати трех.

— Что ты говоришь?

— Только что они с Маргаритой пошли в общежитие. Можете пойти туда и увидеть сами.

XIV

Теймураз сидел на стуле в приемной начальника шахты и ждал, пока Маргарита приборет свой стол. Маргарита так суетилась, хлопая ящиками и поспешно собирая бумаги, словно на город напал враг и она готовится к эвакуации. Вскоре она была готова, закрыла на ключ последний ящик, поправила пышные каштановые волосы и, наконец, повернулась к Теймуразу:

ЭЛМ369230
302Ж:П101933

— Что ж, пойдем.

Теймураз, взяв чемодан, последовал за ней.

Пройдя длинный темный коридор, они спустились на второй этаж. Маргарита попросила Теймураза подождать и постучала в одну из дверей.

Никто не отозвался.

— Никандро, как всегда, нет, — произнесла она.

— Кого?

— Это наш бухгалтер. Сардион ведь велел дать вам аванс.

— Ничего, я обойдусь... Важнее устроиться с жильем.

Они вышли во двор шахты. Людей не было видно, лишь поодаль из бунжера доносился шум конвейера и грохот падающего угля.

Маргарита и Теймураз остановились возле ворот.

— Пойдем пешком или поедем на автобусе? — спросила Маргарита.

— Как хотите.

— Правда, автобус ходит каждые полчаса, но пешком можно пойти коротким путем, наши рабочие так и ходят.

— Тогда и мы пойдем пешком.

Они пошли по тропинке, которая терялась вдаль в куще деревьев. Сквозь деревья виднелись красные, зеленые и серые крыши домов.

— А вон, — Маргарита показала рукой на белое здание с серой крышей, — это наше общежитие.

«В самом деле лучше было идти пешком. И я не буду ездить автобусом», — подумал Теймураз.

— Комендант общежития — жена вашего заместителя, — сказала ему Маргарита.

— Кого?

— Вашего заместителя, Антимоза Чахунашвили. Это очень хороший человек. Жену зовут Мариам.

— Мариам... — повторил Теймураз.

— Она тоже премилая!

— Вот и отлично! — Теймураз не знал, что еще сказать.

Некоторое время они шли молча.

— Устроив вас в общежитии, я должна еще забежать к Хелтуплишвили, — сказала Маргарита.

— К кому?

— К Джибраилу. Он был начальником участка до вас.

— Что? — остановился Теймураз. — Кого-то сняли из-за меня?

— Да нет! — Маргарита улыбнулась. — Его сняли еще до вашего приезда.

— Почему?

— Он был назначен начальником участка временно. Вы не знали?

— Нет.

Маргарита огляделась в поисках места, где бы можно было присесть. Но ничего подходящего не нашла.

«Видимо, надо все-таки с ней побеседовать, — подумал Теймураз, — Чем больше я буду знать о том, что здесь делается, тем лучше для меня. А общежитие нигуда от меня не убежит!»

— Скажите, Маргарита... — обратился он к девушке, — к Хелтуплишвили вы должны идти немедленно?

— Нет... Можно не спешить... Я должна ему сказать, что завтра в три часа собрание, и он должен присутствовать.

— Что за собрание?

— На котором вас познакомят с шахтерами.

— А-а-а...

— Вы не устали?

— Вообще-то неплохо было бы немного отдохнуть.

— Вон там, в конце тропинки, как свернем, есть скамейки.

И действительно, через несколько минут они подошли к скамейкам, которые стояли в тени деревьев. Теймураз был доволен тем, что может поговорить с Маргаритой. И вовсе не подозревал, что Маргарита сама рада побыть с ним наедине и что теперь в глубине души она торжествует — нет, она еще покажет этому Джибраилу и его косоглазой жене, на что она способна!

— Значит, все-таки должны пойти к Хелтуплишвили? — повторил свой вопрос Теймураз.

— Да.

— А не лучше позвонить? У него, наверное, есть телефон.

— Конечно, есть... Установили, как только назначили его начальником участка.

— Так в чем же дело?

— Вы его не знаете... Разобиделся и не подходит к телефону. Ни он, ни его жена.

— Обиделся?

— Конечно! Думал, эта должность дана ему навечно. А все знают, что когда его назначили, Сардион предупредил, что назначают его временно. У него ведь нет диплома вообще... вам это лучше все-таки знать, противный он человек. Большой... мерзавец, скажу я вам. Будьте с ним осторожны...

— Мне-то что?

— Ничего, конечно. Все на вашей стороне. Но все-таки... На участке у него свои люди... Завтра, возможно, еще будут шуметь на собрании, защищать его, но вы не обращайте внимания...

— Хм!

— Нет, вы ничего не бойтесь.

— Я и не боюсь, но... Для чего мне чужое место?..

— Я ведь говорю вам, вы тут ни при чем. Вы приехали только сегодня, а его уже несколько дней как сняли. Дамианэ Чкониа велел.

— А кто такой Чкониа?

— Горный инспектор.

— А-а!..

— Вы ни о чем не беспокойтесь. И если завтра кто-то что-то ляпнет, Сардион знает, как поступить. А вообще вы можете не приходите на собрание.

— Нет, на собрание я обязательно приду... По крайней мере, познакомлюсь с людьми.

— Как хотите. Только на участке его не оставляйте.

— Кого?

— Джибраила. О-о, вы его не знаете, он из-за должности способен на все. Сардион вовремя избавился от него.

— В самом деле?

— Конечно. У вас будет хороший заместитель, дядя Антимоз. Он никогда не добивался должности. Никогда!.. Работает себе спокойно, на него можно положиться.

— Спасибо за совет.

— Не за что.

«В самом деле странный человек, — подумал Теймураз о Джибраиле, — как это — не подходит к телефону? Если тебя сняли, это еще не значит, что ты должен забыть об элементарной воспитанности и вежливости. Бедная Маргарита, из-за его дурости ей надо теперь идти к нему домой».

— А далеко он живет? — обратился Теймураз к Маргарите.

— На той стороне. Предоставили ему, как барину, шикарную квартиру, и он... хоть бы оценил.

— Хотите, я провожу вас?

— Ну что вы, не беспокойтесь...

— В самом деле, его поведение ни на что не похоже. Что значит не подходить к телефону!

— О-о, пусть вас ничто не удивляет! Это такой человек, такой... от него всего можно ожидать.

Комендант общежития Мариам произвела на Теймураза странное впечатление. Она поздоровалась с Теймуразом тепло, но в то же время сдержанно, спросила, как он доехал и как ему понравился город. Потом отошла в сторону, и словно ее тут и не было. Она только стояла около стены и молча улыбалась. Комендантом общежития была она, об этом говорила и надпись на дверях ее комнаты, но за нее почему-то все решала Маргарита. Это окончательно убедило Теймураза в том, что энергичная заведующая канцелярией пользуется неограниченным доверием начальника шахты.

— Теймураз — инженер, — говорила Маргарита жене Антимоза. — Он приехал сюда не время проводить, а работать. С завтрашнего дня он начальник твоего мужа. — При этих словах, надо отдать ей должное, Мариам попыталась выразить какие-то чувства, но Маргарита не дала ей этой возможности. — Не только твоего мужа, а всего участка, — продолжала она с жаром. — Слава богу, избавились от этого Хелтуплишвили. Теперь скажи-ка, кто у тебя живет в четырнадцатой комнате на втором этаже? Подожди-ка... Эта комната двухместная. Одно место занимает Геронтий Чапичадзе, второе свободно, мы его храним для приезжих, верно? Так вот... Это угловая комната, — обратилась она к Теймуразу, — большая квадратная комната. Там же душ и все что надо. — Маргарита снова повернулась к Мариам. — Сегодня уже, так и быть, пусть остается, а завтра переведи Чапичадзе куда-нибудь. Он неплохой парень, работает на калорифере, — пояснила она Теймуразу и снова повернулась к Мариам: — Так вот, завтра комнату предоставишь в распоряжение нового начальника участка. В ком-

пате есть телефон (это Маргарита говорила уже Теймуразу). Что касается белья и всего остального, я думаю, ты и сама отлично знаешь... — Мариам снова попыталась что-то сказать, но Маргарита помешала ей: — Теперь, наверное, Чапичадзе нет дома? Конечно, он же на дежурстве. Ну, бери тогда ключ и пойдём. — И Маргарита обратилась к Теймуразу: — Пойдемте.

Общежитие Теймуразу понравилось. Здесь был порядок, чистота и тишина. Ремонтировали общежитие, видимо, ежегодно. Сверкал выкрашенный красной краской пол. Стены покрашены в выдержанной зелено-желтой гамме, на окнах желтые и темно-зеленые занавеси.

В конце коридора на втором этаже Маргарита остановилась возле крайней двери, взяла у Мариам ключ, сунула в замочную скважину, долго мучилась, но так и не смогла повернуть его. Тогда она толкнула дверь и... остолбенела.

Перед деревянной кроватью валялись белые женские туфли, а на кровати крепким сном спала какая-то женщина.

— Что это? — Маргарита перевела недоуменный взгляд на Мариам.

Мариам стояла как громом пораженная, не в силах вымолвить ни слова, только руки у нее дрожали.

Маргарита всрвалась ураганом в комнату и коршуном вцепилась в спящую.

— Вставай, проклятая, вставай немедленно!

Женщина вскочила, села на кровати и уставилась на Маргариту ничего не понимающими сонными глазами. Потом, заметив Теймураза, натянула на себя одеяло. Это была Гогола Хомасуридзе, «позор всей шахты», как ее называли.

Теймураз неловко улыбнулся, вышел из комнаты и сел на стул в коридоре. А из комнаты доносился громкий крик Маргариты. В ответ не было слышно ни Гоголы, ни Мариам. Спустя время в коридор вышла Маргарита, пуницкая отгнева, схватила стул и села рядом с Теймуразом.

— Вы уж извините нас...

— Ради бога!

— Ну и бесстыжая девка!

— Что поделаешь, случается.

— Совсем распоясалась. Нет на нее управы... Да и он хорош, этот Чапичадзе, вернул ключ, словно в комнате никого нет... А там... Вы извините нас.

— Да что вы... Ну что тут такого?

— Понимаете, это самая хорошая комната... А я сегодня же доложу обо всем Сардиону Эрастовичу, обязательно доложу!

— Вот этого как раз, по-моему, делать не следует.

— А?

— В самом деле! Для чего! Да и тетю Мариам вы поставите в неловкое положение. Была бы она виновата, еще понятно...

— В том-то и дело, что ее жалко. Дура она доверчивая, вот что я вам скажу. Я еще с ней поговорю... А комнату мы вмиг приведем в порядок.

В это время открылась дверь. Бледная, как полотно, Мариам пропустила вперед Гоголу.

Теймураз не мог про себя не отметить, что она красива, а большие карие глаза смотрят смело, даже дерзко. Гогола, проявляя полное пренебрежение к окружающим, спокойно прошла мимо и скрылась за дверь в конце коридора.

— Как ее зовут? — поинтересовался Теймураз.

— Это Гогола Хомасуридзе, стрелочница. Работает на вашем участке.

— Серьезно?! — улыбнулся Теймураз.

Мариам наконец на что-то решилась. Она подошла к Маргарите и зашептала ей на ухо.

— Правильно, правильно, — сказала Маргарита и обратилась к Теймуразу: — Пока приведут в порядок вашу комнату, вы можете отдохнуть у Чахунашвили. Они живут здесь же, с другой стороны дома.

— Почему бы и нет, — ответил Теймураз. — Я с удовольствием.

— Вот и хорошо, — обрадовалась Маргарита.

Так по воле случая Теймураз Арджеванидзе познакомился со своим заместителем не на работе, а пришел к нему в дом как гость.

С тех пор как сняли Джибраила, Антимоз каждый день вынужден был приходить на шахту к началу смены и присутствовать при том, как Сардион и главный инженер распределяют работу. Потом он спускался в шахту, обходил забои, для очистки совести делал несколько незначительных замечаний молодым шахтерам, после этого шел домой — отсыпаться до следующей смены. Он по-прежнему был осторожен, осмотрителен и ни во что не вмешивался.

Увидев незнакомца, Антимоз насторожился и впрямую посмотрел на жену. Когда же узнал, что перед ним новый начальник участка, он вдруг почему-то почувствовал сожаление. Его упрашивали стать начальником, он отказался, а

теперь вот этот замечательный участок, где налажена работа, где хороший коллектив, должен достаться какому-то мальчишке!..

Теперь уже ничего не поделаешь, этот молодой человек — его начальник, он не должен портить с ним отношений. Важно сохранить за собой спокойное местечко заместителя и на за что не отвечать. Еще не известно, когда и как может пригодиться ему молодой инженер. Ведь может случиться, что Джибраил согласится работать заместителем начальника участка, лишь бы остаться на шахте. Вот когда Антимоз понадобится поддержка нового начальника! Да, гостя надо встретить как следует!

Женщины — Мариам и Маргарита — стали накрывать на стол, Антимоз же предложил Теймуразу принять душ — после хорошего душа заново на свет рождаешься, пошутил он. Теймураз принял душ, побрился и вышел к хозяйкам, которые уже ждали его за накрытым столом. И когда только Мариам успевает наготовить столько! Антимоз любил хорошо поесть, и потому в доме всегда было вдоволь еды — слава богу, зарабатывал он немало, да еще и премии получал.

За столом они сидели долго. Под конец Антимоз, уже довольно подвыпивший, встал и обратился к Теймуразу почти с теми же словами, какие недавно говорила ему Маргарита:

— Наш молодой друг! Дорогой Теймураз! Пусть сегодняшний день станет началом нашей дружбы. Твое назначение многим на нашем участке может не понравиться. Это ты должен знать. Народ у нас пестрый, неученый, к Джибраилу привыкли, он ведь тоже, как и они, не больно ученый, и они хорошо понимали друг друга. Но всему этому пришел конец. Вообще шахтеры — народ бесцеремонный. Они считают, что им нечего цацкаться с кем бы то ни было, потому что они половину своей жизни проводят под землей. Вот завтра будет собрание. Спасибо Маргарите, сообщила. Так вот, завтра все может случиться... Возможно... Но знай: мы — с тобой! И я, и Маргарита, и начальник шахты, и партком — мы все тебя поддержим. Мы давно, очень давно ждали такого человека, как ты! И вот ты приехал и должен быть с нами всегда! Такие люди, как ты, нам необходимы. Необходимы тем же шахтерам, которые поначалу, возможно, не поймут тебя и не примут. Да, мы с тобой. Будь здоров, за твои успехи, за твоих новых друзей!

В этот день Теймураз остался ночевать у Чахунашвили.

XV

Маргарита сказала Теймуразу неправду. Во-первых, никто не поручал ей заходить к Джибраилу и приглашать его на собрание, и во-вторых, это тоже неправда, что Джибраил и Иринеэ не подходили к телефону. Им просто-напросто никто не звонил.

Джибраил в самом деле провинился перед Маргаритой. Разумеется, сам того не подозревая. Он и не заметил, что эта некрасивая, невзрачная девушка только о нем и думает.

О Маргарите шутя говорили, что это она днем некрасива, а чуть стемнеет, в сумерках ее можно принять за красавицу — так она стройна и грациозна.

Сейчас как раз вечер. Синеватые сумерки скрыли бесцветные, невыразительные глаза Маргариты, ее некрасивое лицо, и теперь по улице шла девушка с гибким, упругим станом, длинными стройными ногами. Прохожие даже оглядывались, любуясь ею.

Маргарита шла к дому Джибраила. Она уже не раз приходила на эту улицу и, спрятавшись за столбом, не спускала глаз с освещенных на втором этаже крайних окон. Там жил Джибраил Хелтуплишвили.

Иногда за окном появлялась тень невысокой женщины. Это Иринеэ подходила к окну, чаще с ребенком на руках и смотрела на освещенную улицу. Но ни разу к окну не подошел Джибраил. А Маргарита все смотрела на нейлоновые занавеси, неподвижно висевшие на окнах.

По природе Маргарита не была злой и теперь не могла простить себе, почему недавно она наговорила на Джибраила новому начальнику. Что его двигало? Злость, зависть к Иринеэ, уязвленное самолюбие? Надо же было, чтоб она полюбила именно Джибраила? Но, как говорится, куда сердце летит, туда око бежит: Маргарита никого не замечала вокруг, никого, кроме Джибраила.

Вот и сейчас Маргарита остановилась за столбом, долго смотрела на неподвижные занавеси, потом, повернувшись, скрылась в темноте.

А за нейлоновыми занавесками в этот день произошло примечательное событие. Маленькая Гогуцуна принесла из детского сада серого плюшевого слона. Иринэ сначала не обратила внимания на игрушку — вообще, все эти дни она была рассеянная. Гогуцуна крихтя подняла слоненка по лестнице, внесла в комнату, положила на стол.

— Откуда он у тебя? — спросила Иринэ.

— Я взяла его.

— Где? Почему?

— Потому.

— Тебе подарили его?

— Нет, я сама взяла.

— Как же это можно? Слон ведь не твой. А если завтра дети захотят поиграть с ним? Завтра же отнеси его обратно.

— Нет.

— Гогуцуна!..

— Не отнесу. Пусть он будет здесь.

— Нельзя. Он ведь из детского сада. Это не твоя игрушка, и ей здесь не место.

— Место.

— Ешь котлету.

Гогуцуна левой рукой прижала к себе слоненка, а правой взяла котлету. Вообще-то ее не приходилось упрашивать есть.

— Мамочка, а хлеб? — удивленно спросила девочка, недоумевая, как это мама забыла про хлеб.

— Положи игрушку на стол и возьми в левую руку хлеб.

— Нет.

— Что нет?

— А если ты его возьмешь?

— Я его не трону.

Гогуцуна осторожно положила игрушку рядом на стол.

— Завтра ты сама отнесешь слоника в детский сад.

— Нет, — покачала русской головкой девочка и надула губки.

— Гогуцуна, чужим игрушкам не место у тебя дома... Хочешь еще котлетку?

Гогуцуна энергично закивала головой. Иринэ положила ей вторую котлету и, не удержавшись, поцеловала дочку в светлую головку.

Вот уже несколько дней Иринэ не находит себе места в квартире. Вообще, с тех пор как она узнала, что у Джибраила нет диплома, она часто задумывалась: а вдруг из-за этого рухнет все — счастье семьи, ее благополучие. Но, признаться, она не верила, что когда-нибудь Джибраилу в самом деле придется туго из-за неимения диплома. Было время, она еще надеялась, что Джибраил продолжит учебу. Но незаметно бежали годы, а Джибраил по-прежнему ничего не предпринимал. И вот случилось то, чего Иринэ так боялась и что в действительности оказалось гораздо обиднее и унижительнее, чем она предполагала.

В тот день, когда Иринэ вернулась с работы вместе с маленькой Гогуцуной, Джибраила дома не оказалось. Иринэ удивилась. В это время муж обычно всегда бывал дома. Она решила, что, наверное, Джибраил задержался на шахте, он всегда найдет для себя там дело. Мать с дочерью пообедали. Вскоре пришел Джибраил, расстроенный, мрачный... Все рассказал Иринэ...

Отчаяние ее было безгранично. Слава богу, девочка была дома, это сдерживало их обоих, иначе в сердцах Иринэ могла наговорить такое, о чем впоследствии сожалела бы. Иринэ взяла себя в руки, и только глаза ее, полные злости и презрения, выдавали ее внутреннее напряжение.

Иринэ росла в Кутаиси у тети с дядей. Это были богатые и влиятельные в городе люди, своих детей у них не было, и в Иринэ они души не чаяли. Даже в выборе профессии они не смогли ей перечить — Иринэ сама выбрала горный факультет. Потом появился в ее жизни Джибраил. И здесь тетя с дядей не смогли помешать ей выйти за него замуж. Когда спустя три года Иринэ сообщила им, что у Джибраила только восьмиклассное образование, дядя Каихосро и тетя Дареджан всплеснули руками. Как, в наше время — без диплома?! Но Иринэ успокоила их, во-первых, Джибраил, возможно, еще будет учиться, а во-вторых, таких людей, как Джибраил, на шахте не так уж много и с ним не могут не считаться.

Вообще, надо признать, Джибраилу «повезло» с родственниками. Вот хотя бы его брат Акакий. Ничего не скажешь, ловко устроился. С самого детства все твердили, что он слабый и хилый, он намотал это на ус и решил, чего ради он будет убиваться, работать где-то, гораздо лучше жить себе спокойно на попече-

нии старых родителей и обеспеченного брата. В год два-три раза приезжает Акакий в город к брату, привозит небольшую корзину фруктов и уезжает, нагруженный всевозможными подарками для себя и родителей.

Позавчера он приехал, как всегда, беспечный и веселый. Не заметил даже, что в доме у брата не все ладно. Ирине накрыла на стол — гость остается гостем. За обедом Ирина сказала Акакию:

— А ты знаешь, Джибраил больше не начальник участка.

— Что? — не понял Акакий, который в это время усердно макал мякоть хлеба в ореховую подливу.

— Твой брат больше не начальник участка, — проговорила зло Ирина.

Джибраил отвернулся и стал смотреть в окно.

— А чего он начальник? — спросил, не понимая ничего, Акакий. Он был твердо уверен в том, что Джибраил обязательно должен быть начальником.

— Вообще не начальник! Как ты не понимаешь! Сняли его! Сняли! — рассердилась Ирина.

— О, это нехорошо! — Акакий положил себе на тарелку куриную ножку и долил подливы. — Это нехорошо.

Джибраил по-прежнему молчал.

— Ничего, с голоду не умрем, — проронила Ирина.

— Не дай бог!.. Что же ты будешь делать, брат?

Джибраил пожал плечами.

— Вообще-то ты имеешь полное право не соглашаться. Теперь не то время... Ты имеешь право не соглашаться... Что ж теперь будет, а, Джибраил?

Вечером Ирина видела, как Джибраил протянул Акакию деньги, и тот, не колеблясь, взял их и положил в карман.

XVII

Председатель местного комитета шахты молодой инженер Терентий Чагунава мечтал только об одном — скорее бы наступил октябрь, чтоб его переизбрали. Разве это дело для инженера — распределять путевки в Цхалтубо или Саирме и отправлять детей в пионерские лагеря? В позапрошлом году, как он ни сопротивлялся, его все-таки избрали председателем. Терентий был хорошим инженером, ведал вентиляцией на шахте. Все знали, что, когда главный инженер шахты Кахабер Гурасашвили уйдет в трест, его место займет Терентий Чагунава. А Сардион и Минаго давно подыскивали хорошую кандидатуру в председатели месткома. Выбор их остановился на Терентии. На собрании они убедились, что выбор их был правильным. За Терентия голосовали единогласно. Вот и сидит с тех пор Терентий в своем маленьком уютном кабинете и занимается профсоюзными делами. И все мечтает о том дне, когда он сдаст профсоюзные дела новому председателю и вернется к своей любимой работе.

Когда Джибраила сняли, Терентий подумал было — а вдруг его пошлют на должность начальника участка? Но тут же опомнился. Нет, трусом его не назовешь. Но он отлично знал, что одно дело руководить вентиляционными работами, а другое — эксплуатационным участком с двумя стометровыми забоями, штреками, множеством механизмов и почти с двумястами шахтерств. Здесь может растеряться даже опытный инженер.

Но случилось так, что Сардион не раздумывая назначил начальником участка новоиспеченного инженера, совсем мальчика. Именно мальчика, иначе его не назовешь. Терентий вчера видел его. Тонкая шея торчит из воротника, словно тонкий стебелек в горлышке широкого кувшина. Этот младенец и не подозревает, что его ожидает. Но о чем думает Сардион?

Шахтеры с участка Джибраила пришли к Терентию — с Сардионом они и говорить не хотели. Они считали, что Терентий как председатель месткома должен защищать интересы рабочих. Местком в самом деле обязан защищать интересы рабочих. Но что он может сделать вот сейчас, в этом конкретном случае?

По правде говоря, лучший выход из положения — вернуть Джибраила. Но даже если дело передать в суд, все равно ничего не добьешься, потому что закон гласит — начальником участка можно назначить только инженера с дипломом. Дело может обернуться еще и так, что Сардиону придется держать ответ, почему у него до сих пор на должности начальника участка работал человек без диплома.

Терентий посоветовал шахтерам не терять надежды, ведь, может статься, новичок окажется настоящим львом в своем деле. Шахтеры были явно разочарованы, не такого ответа ждали они от своего председателя месткома, а Иорам Носелидзе в сердцах обозвал его бюрократом.

— Скажи-ка нам... — Герасиме зло уставился на Терентия своим единственным глазом, — а если этот, как ты его называешь, лев окажется котен-

ном и провалит нам участок и мы уйдем в другие шахты, тогда ведь вы расшевелитесь?! Скажи, ведь расшевелитесь, а?

- Дядя Герасиме, не дело оставлять родную шахту, где...
- А-а-а, говоришь, родную? Если она нам родная, помоги, пошевели немного рукой, не пряться за бумаги. Да!.. Ты мне тут не пой о рабочей совести и еще о разных высоких материях...
- Дядя Герасиме.
- Говорим мы тебе серьезно: ты местком и изволь защищать наши интересы... Тем самым ты поможешь шахте и государству. Защищай изо всех сил!.. До свидания!
- Не прошло и получаса, как Терентия вызвали к Сардиону.
- Знаешь новость?
- Знаю.
- Что собираешься делать?
- Слушай, Сардион, не понимаю тебя, как можно мальчишку, только вчера окончившего институт, назначать начальником участка? Шахтеры...
- Что шахтеры?.. Думаешь, мне самому эта история в радость?..
- Нет, я не думаю этого...
- Ну и слава богу. Я хочу, чтоб ты понял меня. Завтра собрание участка... Как видишь, следуя букве закона, я заранее довожу все до сведения профсоюза. Чего ты еще хочешь? И прошу твоей помощи. И только.
- Понимаю.

Из кабинета начальника шахты Терентий вышел мрачный. Что ему делать? Шахтеры правы, требуя, чтобы он защищал их интересы, но и Сардион не виноват. Он не мог поступить иначе. Эх, хоть бы скорее октябрь, чтоб избавиться от всего этого...

XVIII

Первым, кого увидел Сардион, войдя в клуб, переполненный рабочими, и направляясь к столу президиума, был Дианос Говетиани, тот самый Дианос Говетиани, по вине которого разгорелся весь сыр-бор. Он сидел в первом ряду, положив забинтованную правую ногу на табурет.

«Будь ты неладен! — подумал про себя Сардион. — Из-за тебя пострадал Джибраил, а ты теперь будешь стараться выглядеть добреньким и еще будешь говорить, что Джибраил не виноват, будто бы другие этого не знают...»

Увидев Сардиона, Говетиани вежливо склонил голову и попытался встать.

- Сиди, сиди, — сказал ему, проходя мимо, Сардион.
- За президиумским столом уже сидели Минаго и Терентий. Минаго выглядел усталым, на щеках проступил болезненный румянец. Терентий молча смотрел на своего начальника черными блестящими глазами, и Сардион понимал, что он хочет сказать ему. Да, все, что сейчас произойдет в этом зале, вряд ли доставит радость Сардиону, но что поделаешь. Он начальник шахты, и ему нести бремя забот о ней.

- Сардион сел.
- Джибраила не видно?
- Нет.
- Наверное, он и не придет.
- Скорее всего,
- А новичок?
- Он и Маргарита сидят где-то в задних рядах.
- Маргарита, конечно, уже заботится о нем.
- Разумеется.
- Может быть, его пригласить сюда?
- Не знаю... Наверное, не стоит...
- Хорошо.

В зале не было ни одного свободного места. Весть о снятии Джибраила всполошила всю шахту. Много было в зале и женщин, и не только работающих на шахте. Здесь были жены, матери шахтеров... Им тоже не безразлична судьба третьего участка.

Шахтеры с участка Джибраила занимали первые три ряда. Здесь были одноглазый Герасиме Цнобиладзе, Иорам Носелидзе, Архипо Цалуглишвили и Юло Сопромадзе. Они сидели рядом, негромко переговариваясь и бросая на президиум сердитые взгляды.

— Начнем, что ли? Терентий, начинай! — обратился Сардион к председателю месткома.

Терентий встал, уперся обеими руками в стол.

— Товарищи! В порядке дня нашего сегодняшнего собрания один вопрос о третьем участке... То есть организационный вопрос. Слово предоставляется начальнику шахты.

В зале раздался глухой ропот. В ту же минуту в третьем ряду кто-то поднял руку.

— Амбако, ты что-то хочешь сказать? — спросил Терентий.

Поднялся шахтер средних лет. Высокий, сухощавый, глаза блестят на черном вымазанном углем лице. Видимо, он пришел на собрание прямо из шахты. Он кашлянул в кулак, потом спокойно произнес:

— Если можно, объясните мне, что это за собрание у нас? То есть я хочу знать — это собрание участка, общее собрание или профсоюзное, или партийное. Объясните нам, пожалуйста.

Терентий, признаться, сначала растерялся и недоуменно переглянулся с Сардионом и Минаго.

— Это общее собрание, — сказал Сардион с места, — общее собрание шахтеров.

— Добро! — шахтер снова кашлянул в кулак. — Тогда давайте соблюдать порядок. Если это наше собрание, будет неплохо, если мы выберем председателя.

Терентий снова недоуменно переглянулся с Сардионом и Минаго. Сардион пожал плечами, Минаго кивнул головой.

— Как хотите, — вздохнул с облегчением Терентий. — Прошу назвать председателя.

В зале сначала молчали, потом поднял руку Архипо Цалуглишвили.

— Товарищи, выберем председателем Антимоза Чахунашвили. Что ни говори, он с нашего участка, к тому же имеет отношение и к начальству...

— Правильно! Антимоза выберем!.. — послышались равнодушные голоса.

— Антимоз так Антимоз. Толку от него, разумеется, мало, зато и мешать нам не будет...

— Кто за то, чтоб председателем был избран товарищ Чахунашвили?

Шахтеры подняли руки без особого энтузиазма.

Антимоз и Мариам сидели в четвертом ряду, разодетые так, словно пришли не на собрание, а на свадьбу. На Мариам — синее шелковое платье с глубоким вырезом, Антимоз — в черном костюме, белой сорочке, импортных туфлях... А почему бы им не быть хорошо одетыми? Зарабатывал он всем на зависть, а семья — он да жена.

Антимоз с трудом преодолел запруженный шахтерами проход, поднялся на сцену и склонился в поклоне.

— Ну, сам знаешь, Антимоз! — крикнул кто-то из заднего ряда. — Чтоб и волки были сыты, и овцы целы...

При этих словах в зале раздался дружный хохот. Даже Сардион и Минаго не смогли сдержать улыбки. А Терентий, так тот вообще закинул голову и захохотал, как ребенок. Антимоз побагровел, серые глаза его стали узкими от злости. Но он взял себя в руки и как ни в чем не бывало оперся обеими руками о стол и попросил назвать секретаря.

Секретарем выбрали Гугули Баакашвили.

— Товарищи, — начал Антимоз. — Вы уже знаете о порядке проведения сегодняшнего собрания. Мне кажется, мы должны утвердить этот распорядок.

— Утверждаем, — послышались редкие голоса.

— Тогда позвольте мне передать слово начальнику шахты Сардиону Эрастовичу Рачвелишвили.

Сардион неторопясь встал, оглядел зал.

— Товарищи, должен признаться, что я стою перед очень трудной задачей. Но ее мне облегчает то обстоятельство, что мы, слава богу, знаем друг друга не один день. И вы сами отлично понимаете, чему я могу радоваться, что горчит меня, точно так же, как я знаю, что может радовать или огорчать вас. Что поделаешь, не всегда наши мечты и желания осуществляются. Не всегда в жизни все получается так, как мы того хотим, мы это должны были уразуметь еще тогда, когда избрали трудную профессию шахтера, и если мы сегодня...

— Погоди, Сардион! — раздался вдруг бас из среднего ряда. — Извини, но разве профессия шахтера для всех всегда трудная?

— Нет! — откликнулся кто-то. — Для некоторых что на шахте, что в кондитерской работать — одно и то же.

— При чем это?

— Ты что вокруг да около ходишь?

— Думаешь, мы дети?

— Этот тыфяк Голегани поломал ногу, а вы снимаете Джибраила! Где справедливость!

— Сам ты тюфяк. — вспыхнул Голетиани, повернувшись всем телом в ту сторону, откуда раздалось в его адрес нелестные слова.

— Да замолчите вы, дайте человеку сказать!

— Знаем, что он может сказать.

— Джибраила верните на свое место!.. Немедленно!..

— Товарищи! — позвонил в колокольчик Антимоз. Видно, роль председателя пришла ему по вкусу. — В таких условиях мы не можем продолжать собрание.

— Знаем!

— Да ты стой, помалкивай!

— Мы тебя в председатели выбрали, мы и уберем!

— Смстри ты на него!

Сардион стоял, спокойно дожидаясь, пока в зале угомонятся. Когда смолкли голоса, он глубоко вздохнул.

— Товарищи! Криком дело никогда не делалось. Для чего мы собрались здесь? Подумать, обсудить все сообща!

— Обсудить, говорншь, подумать?! Вчера уже написал приказ, а сегодня призываете нас думать и обсуждать?!

— Так уж и скажите, что все здесь решается без нас!

— Мы шахтеры, мы никому не позволим сесть нам на голову!

— Не позволим!

— Кто тюфяк — я или тот, кто обзывается, мы это скоро увидим, скоро!

— Скажите, почему вы не пожалели этого человека? Я говорю о Джибраиле!

Сардион по-прежнему спокойно ожидал, пока шахтеры притихнут. Но зал гудел, как растревоженный улей.

Не вытерпел Сардион, стукнул кулаком по столу и грозно засверкал глазами.

— Тише! Что это такое, в конце концов! Дайте же наконец возможность говорить.

Зал тотчас стих, но в ту же минуту поднял руку Герасиме.

— Дай мне сказать...

— Повремени, — оборвал его Сардион. — Поскольку я уже начал говорить, я договорю, а потом возьмешь слово ты, Герасиме. Или я говорю хуже тебя?..

— Ну почему ты должен говорить хуже меня, можно...

— Тогда дай мне сказать... Одним словом, Хелтуплишвили освобожден от должности начальника участка. Главная и основная причина в том, что он не имеет диплома. Нам нечего скрывать. Мы не раз советовали товарищу Хелтуплишвили...

— О-хо-хо! О-хо-хо! Это уже ни в какие ворота не лезет, — вскочил Архипо Палуглишвили. — Сардион, и тебе не стыдно! Больше тебе нечего сказать? Да как ты можешь говорить такое!

— Я не понимаю тебя, Архипо! — нахмурился Сардион.

— Разве не вы вернули обратно его, когда он был зачислен на курсы! «План срывается, помоги, Джибраил!» Что, не так? Ведь это было в позапрошлом году?

— Что? — растерялся Сардион. — Когда?

— Да нет, Архипо, путаешь ты! — послышались голоса.

— Джибраил тогда и сам не захотел идти на курсы.

— Не захотел сдавать экзамены.

— Да, да! — покраснел Архипо и растерянно огляделся. — Извините... Я напутал. — И сел на свое место.

Сардион покачивает головой:

— Вы будете слушать меня или нет?

— Говори!

— Итак, я продолжаю... Так вот, мы не раз советовали товарищу Хелтуплишвили подумать об учебе, уладить свои дела, были готовы оказать ему всяческую поддержку. Но так или иначе, по какой причине, неважно, дело это не получилось. Джибраил сегодня не имеет диплома. А государство наше что говорит? Работа в шахте — дело опасное и нельзя доверять судьбу шахтеров человеку, не имеющему соответствующего образования. Это правильный закон, и мы должны подчиняться ему. Обязаны подчиняться. Пока я начальник шахты — я всегда буду стоять на страже государственных законов. Так-то!

Сардион сел и вытер платком вспотевший лоб.

В зале — зловещая тишина. Минаго Чарквиани тронул Антимоза за локоть, прося слова.

— Слово предоставляется секретарю нашей парторганизации товарищу Чарквиани, — объявил Антимоз.

— Товарищи, я думаю, нет необходимости доказывать, что в судьбе третьего участка, равно как и всей шахты, мы все одинаково заинтересованы. На-

ши участки, наша шахта — это наша жизнь, товарищи! Это наша лепта в дело строительства коммунизма, это дело нашей чести и гордости. Благополучие нашей шахты — наше личное благополучие, благополучие нашей семьи. Это все мы хорошо знаем, и потому все, все без исключения, обязаны заботиться о своем участке, о своей шахте так, как родители заботятся о своих детях, чтобы воспитать их здоровыми и крепкими. Мы должны думать о завтрашнем дне нашей шахты, потому что в завтрашнем дне, я подчеркиваю, прекрасном светлом дне — смысл нашей жизни.

Все мы хорошо знаем, как исполнял свои обязанности Джибраил Хелтушливили. Отлично, товарищи! Лучше быть не могло! Ни вы, ни я не можем пожалеть слов, чтоб выразить свою признательность. Мы ценим его как отличного шахтера, хорошего начальника участка. Да, все это у него не отнимешь. Но случилось так, что сегодня мы должны расстаться с ним как с начальником участка, хотя любим и уважаем его по-прежнему. Я переживаю это не меньше вас, товарищи! И думаю, что сам Джибраил не сможет отрицать, что мы предвидели такой неприятный и для него и для нас исход дела, и только сам Джибраил мог отвести от нас эту беду. А он не захотел этого сделать. И все вы знаете это.

Почему администрация шахты вынуждена освободить от работы Джибраила Хелтушливили? Никто тайны из этого не делает. Сардион Эрастович уже сказал вам об этом. Правительство и партия заявляют категорически: я, государство рабочих, создаю все условия для того, чтобы судьба шахтера была в руках людей знающих, квалифицированных инженеров и техников. Да, товарищи! И потому наше государство затрачивает миллионы рублей, чтоб обучать молодежь, сделать из них квалифицированных руководителей. Как и во многом другом, и в этом деле хорошо видна забота нашей партии и правительства о шахтерах.

Я не спорю, с Джибраилом всем работалось спокойно и хорошо. Но взглянем на это дело с другой стороны. Вы знаете, какими темпами внедряется в наше дело техника... В наших забоях и сегодня полно машин, облегчающих труд шахтера. Вы с Джибраилом пока справляетесь неплохо с этими машинами. Но что будет завтра? А послезавтра? Никто не знает, какие еще сложные машины могут появиться в наших штреках и забоях. И что же! Кто может поручиться, что некоторые сегодняшние начальники участка смогут и в дальнейшем успешно справляться с новыми машинами? Никто, товарищи! Никто не может утверждать этого! Жизнь идет вперед семимильными шагами, и кто не стремится идти с ней в ногу, тот, несомненно, отстанет. Я говорю не потому, чтобы обидеть кого-либо, но мы все должны крепко помнить это.

Вот, товарищи, что я хотел сказать вам. Я прибавлю к сказанному еще несколько слов. Может быть, новый начальник третьего участка — кто бы он ни был — не сразу добьется успеха, будут у него трудности, с переменой начальства всегда появляются какие-то сложности, порой и конфликты... Мы не должны бояться правды. Мы готовы и к этому и должны тут прямо заявить: в этом деле руководство шахты опять-таки надеется на вас, и только на вас, товарищи! Мы не сомневаемся в том, что вы со свойственной вам прямотой и доброжелательностью поддержите молодого начальника участка. Научите кое-чему его, научитесь чему-то сами. И мы снова сможем гордиться делами нашей шахты!

Миного Чарквиани сел, тоже вытирал носовой платок и вытер лоб. Дышал он глубоко и тяжело, хотя старался, чтоб окружающие не заметили, что он устал.

Антимоз снова обратился к залу:

— Может быть, есть желающие выступить?

Некоторое время зал безмолвствовал. Шахтеры сидели подавленные, стараясь не смотреть на президиум. Вдруг в первом ряду поднял руку Дианос Голетиани.

— Можно?

— Пожалуйста! Ты что, поднимаешься сюда?..

— Нет, я буду говорить с места.

— Говори.

Голетиани попытался встать, согнулся, обхватил обеими руками перевязанную правую ногу, лежащую на табурете, и с большой предосторожностью спустил ее на пол, поморщившись от боли. Ему помогли. Он встал наконец, кашлянул.

— Я со своей стороны понимаю, что должна расти необходимость в машинах — и в тоннелях, и в забое... И всюду... Где это нужно. Но вот есть тут товарищи, которые позволяют себе оскорблять меня. Я не могу молчать и никто не заставит меня молчать! Теперь... Как случилось, что я получил тяжелый закрытый перелом ноги...

— Ты не можешь выразиться по-человечески?! — крикнул Голетиани кто-то из задних рядов.

441259
818-1110133

— А как я говорю? — искренне удивился Голетиани.

— «Получил тяжелый закрытый перелом»... Так, по-твоему, говорят маленькие люди?

— Не понимаю... — заморгал глазами вконец растерянный Голетиани.

— Скажи: поломал ногу — и дело с концом!

— Аа-а... — Голетиани потер ладонью щеку, забормотал: — Да, да, конечно... Поломал ногу... О чем речь... Вот она и сейчас еще болит. Когда смогу ходить нормально, бог знает... Но это ничего. Я должен рассказать вам, разумеется, как это случилось, что на участке нашего дорогого Джибраила...

— Да хорошо! Замолчи ты! — послышались сердитые окрики.

— Дай отдохнуть больной ноге, уложи ее снова на табурет.

— Как был тюфяком, так тюфяком и остался!

— Тюфяк!.. Я тебе... — Голетиани намеревался еще что-то сказать, но вдруг раздумал, махнул рукой и стал садиться. Снова ему пришли на помощь соседи, помогли сесть, уложить перебинтованную ногу на табурет. Голетиани наконец с облегчением вздохнул. Он прислонился к спинке стула и закрыл глаза, тем самым говоря, что ему нет никакого дела до собрания.

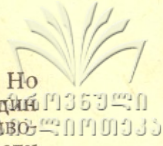
— Может быть, еще кто-то пожелает? — оглядел зал Чахунашвили.

— Я хочу! — Герасиме поднял руку и, не дожидаясь разрешения, направился прямо к президиуму, поднялся и остановился около трибуны. Он так зло тараторчил свой единственный глаз, что Сардион и Минаго переглянулись и недоуменно пожали плечами. Терентий же почему-то вскопил, налил в стакан воды и поставил его на край трибуны.

— Послушайте, люди, что я вам скажу! — Герасиме дрожащей от волнения рукой отодвинул стакан. — Я сегодня с утра готовился сказать здесь несколько слов. Но вот наши начальники так расписали все, что я растерялся, что же мне делать, молчать или нет... Ну, вы все слышали, что они говорили тут. Наука и техника, мол, машины и разные там установки... Одним словом, если их слушать, мы должны благодарить их за то, что они убрали от нас нашего Джибраила, парня, который вырос у нас на глазах, с которыми мы не боялись никаких трудностей. А теперь мы не знаем, что нас ждет завтра, и мы же за это должны и спасибо сказать нашей администрации. Почему? За что спасибо? А потому, оказывается, что завтра или послезавтра ученые, наверное, придумают машины, создадут их, пришлют нам, и вот тогда, наверное, Джибраил не сможет справиться с работой. Секретарь парторганизации так и сказал. Именно это он и внушал нам с трибуны! И оказывается, все мы, кроме администрации шахты, настолько глупы, что не понимаем такой простой истины. Не сегодня завтра Джибраил, может статься, не справится с работой. Вот их доводы. Допустим. А теперь давайте спросим у нашей администрации — что, сейчас у нас не хватает машин? Ну скажите, не хватает? Если меня спросить, их, этих машин, даже больше, чем надо! Именно эти машины и стали причиной того, что некоторые из молодых рабочих не хотят и палец о палец ударить. Ну подумайте, люди добрые, угольный пласт бурит машина, уголь срезает комбайн, вывозят уголь конвейер и транспортер, все пилы мы повыбрасывали и пользуемся только электрическими... Скажите же мне, что еще можно придумать, какие такие машины? И если эта машина еще и жевать за меня будет и, извините, ходить заместо меня в уборную, этого я уже не знаю, — а ничего другого, облегчающего труд шахтера, уже и не придумаешь. Но, допустим, все-таки придумали новые, лучше теперешних, так что, Джибраил не сможет с ними справиться? Да чушь это! Справится, пусть никто в этом не сомневается. Но дело здесь не в будущих машинах. Вовсе нет. Дело в том, что надо ведь устраивать на работу тех, кто кончает институты. У министерства тоже свои планы, и их надо выполнять. Ведь могут спросить у них, как устроена молодежь, которая окончила институт? Вот, ответят они, молодежь работает там-то и там-то. Вот где собака зарыта, при чем тут Голетиани? Ты, дорогой мой Дианос, напрасно сидишь хмурый. Не послуши ты так неосмотрительно, нога была бы у тебя цела, а Джибраил все равно бы сняли, не сейчас, так позже, я в этом теперь уверен так же, как в том, что дважды два — четыре.

Герасиме не успел сесть, как попросил слова Юло Сопромадзе. Седой, ослепший Юло неторопливо поднялся на трибуну, оглядел зал.

— Я... собственно говоря, Герасиме сказал все, едва ли можно добавить что-то. Герасиме опытный шахтер и всеми нами уважаемый человек. И к его словам нельзя не прислушаться. Я хочу лишь коснуться вопроса взаимоотношения машин, механизмов и шахтеров. Всего несколько слов. Вы все хорошо знаете специфику нашей работы. Мы проходим комбайном по угольному пласту, выгружаем уголь и укрепляем обнажившуюся кровлю. Потом второй раз добываем уголь, выгружаем его и снова укрепляем кровлю, затем в третий раз все то же. Подождите... Дайте сказать... Я знаю, что все вы хорошо знаете это. Но дайте мне сказать. Эту технологию утверждало человек двадцать, начиная

от главного инженера треста, кончая нашим Бердзенишвили. Отлично. Но что случилось всего две недели назад у нас в нижнем забое? Мы прошли один раз комбайном пласт, прошли второй раз, в то же время, разумеется, вывозили уголь и укрепляли свод как положено, когда мы подступили к пласту в третий раз, мне говорят: тебя зовут к телефону Джибраил. Иду. «Начинаешь?» — спрашивает. «Начинаю». «Не начинай». — говорит он мне. «Почему?» — «Приду и все объясню». Оказывается, что случилось? Именно перед самой третьей сменой он проверил забой, и в одном месте ему не понравилась кровля. Может подвести, подумал он. Не прошло и десяти минут, мы собрались в забое. Так вот, что я вам должен сказать. У меня, вы знаете, единственный ребенок, так вот, клянусь вам этим единственным ребенком, что никто, не заметь этого Джибраил, не увидел бы в этой кровле ничего подозрительного. Мы и так, и этак, а Джибраил все на своем: нет, говорит, кровля может подвести. Ничего не поделаешь, вызвали дежурных крепильщиков, стали укреплять кровлю. Затем... вы знаете, что там случилось. Через полчаса кровля обрушилась, и не будь она уже укреплена как положено, еще неизвестно, чем бы все это кончилось. Не так? — обратился он к залу.

— Верно! Так и было! — раздалось из зала.

— Мы должны молиться на Джибраила!

— А они?..

— Эх!..

— Товарищи! — продолжал Юло Сопромадзе. — Дорогие товарищи! Мы слышали, что на место Джибраила назначен какой-то молодой инженер. Дай бог счастья тому молодому инженеру, но... дело так не пойдет. Это шахта, товарищи, и все мы здесь шахтеры. Главное здесь не теоретические знания, по теории, кстати, мы должны были пустить комбайн в третий раз, не укрепляя заново кровлю... Главное здесь опыт и чутье... Дай бог этому молодому человеку в скором будущем стать министром, мы будем только рады, но у нас... Пусть пока походит по участку, изучит его, познакомится с людьми. А так — не знаю, что получится... — покачал головой Юло и спустился с трибуны.

Снова встал Сардион.

— Я внимательно выслушал наших уважаемых Герасиме и Юло. Разумеется, Юло Сопромадзе прав, когда говорит, что одни теоретические знания ничего не стоят. Нужен опыт. Большой опыт. Кто из нас не знает того, что молодым специалистам порой трудно бывает освоить до конца горное дело. Нередко случается и такое, что инженер оставляет практическую работу и переходит на службу в аппарат. Но это не значит, что мы должны раз и навсегда закрыть перед молодыми инженерами дорогу на шахту. Нет, товарищи! Наоборот, чем больше инженеров будет на шахте, тем лучше. Уважаемый всеми нами Герасиме напрасно относится с недоверием к инженерам и специалистам. Что касается трудностей, они у нас будут, разумеется. Но мы должны преодолеть их общими усилиями. Именно сейчас мы должны помочь друг другу. Нас ли, шахтеров, учить этому! Кто лучше нас знает, что такое дружба, помощь, товарищество. Но что касается слов Герасиме о том, что у высших учебных заведений и министерств свои планы, это верно, и наша обязанность помочь им в выполнении этих планов. В конце концов, все это делается опять-таки для нашего благополучия. И мы поможем им. Тут двух мнений быть не может.

Сардион сел.

— Пусть выступит Иорам Носелидзе, — раздался голос из средних рядов.

— Что?! — вскочил Иорам и чуть не вцепился в горло того, кто выкрикнул эти слова. — Я не просил слова!

— Иди, иди! — крикнули ему снова. — Выступи от лица шахтерской молодежи.

— Тебе так хочется говорить, ты и говори! — огрызнулся Иорам.

— Если можно, я скажу несколько слов! — поднял кто-то руку в четвертом ряду.

— Говори! Слово предоставляется товарищу Мемарнишвили.

— Я с места скажу. Мне кажется, наш начальник упрощает дело, когда говорит, что нас ждут трудности. Никто не знает и не может предполагать, как пойдет дело. Все вы хорошо помните, наверное, историю с шестой шахтой в позапрошлом году. Там молодой инженер чуть было не развалил...

— А на четвертой шахте? Забыли?..

— Нас ждет то же самое!

— Наш новый начальник, если он в самом деле хороший парень, должен начать с работы крепильщика.

— Я два года орудовал лопатой!

— Дайте же сказать! — повысил голос Мемарнишвили, который до сих пор стоял, прикрыв глаза и ожидая, пока в зале утомонятся. — Кроме того, я же понимаю, где находится сейчас наш новый начальник? Скрывается. Или вы

его прячете? Пусть покажется. Должны же мы посмотреть на него!.. Вот что я хотел сказать...

— Знаем мы, почему он прячется!..

— Это скорее всего какой-то мальчишка!

— Знаем, какие львы приезжают к нам из Тбилиси в конце августа.

— Покажите нам его, может быть, он нам и понравится!

— Товарищи! — позвонил в колокольчик Чахунашвили, наклонился и прошептал на ухо Сардиону: — Можно мне два слова?

Сардион кивнул головой.

— Товарищи! — обратился Антимоз к залу. — Кто-то из вас в начале собрания крикнул мне, чтоб я вел собрание так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Я бы мог сказать тому товарищу несколько не очень-то приятных слов. Но я думаю, сейчас мы должны позабыть свои личные обиды. Все мы так возбуждены, взбудоражены последними событиями на шахте, что можем наговорить друг другу лишнее, а потом будем жалеть об этом. Поэтому, на мой взгляд, лучше воздержаться. Что касается нашего дела... Я должен прямо сказать, что ошибаюсь товарищи, которые думают, что новый начальник скрывается от нас. Ничего подобного! Правда, трудно сказать сейчас, как поведет дела на участке товарищ Арджеванидзе, это покажет будущее. Но я уже сегодня могу сказать, что наш новый начальник толковый, образованный, одним словом, положительный человек. Я познакомился с ним вчера и могу сказать, что те, кто сегодня отнесся к нему с недоверием, завтра раскаются... Я все-таки в людях разбираюсь. Кстати, можете спросить и мою Мариам... Вчера товарищ Арджеванидзе гостил у нас...

— И в самом деле, лучше спросить Мариам...

— Вчера был у него в гостях, говорит... слышите?..

— Когда же Антимоз успел пригласить его?

— Ну уж этому Антимоза учить не надо!

— Хорошо, вчера он был у тебя, а сегодня он где?

Минаго Чарквиани встал и подошел к трибуне.

— Товарищи! Некоторые из вас совсем уж, извините меня, потеряли разум. Можно подумать, что вместо нового начальника участка к нам пришел диверсант... Что касается нового начальника участка, он вовсе не прячется, он сидит сейчас среди нас и слушает наш... откровенный разговор. Вон товарищ Теймураз Арджеванидзе, — и Минаго протянул руку к последнему ряду, где рядом с Маргаритой сидел, смущенно улыбаясь, молодой инженер.

Сидящие в зале шахтеры, все как один, повернулись, и сотни глаз усталились на Теймураза.

...Накануне утром Минаго с Сардионом больше часу беседовали в кабинете. Минаго сомневался, стоит ли приглашать Теймураза на собрание. Он хорошо знал, что молодой инженер ничего лестного о себе не услышит. Шахтеры народ грубоватый, могут запросто обидеть, а Теймураз-то молод, зелен, испугается, махнет на все рукой и уедет.

Поначалу и Сардион так думал, но потом все-таки решил обязательно пригласить Теймураза на собрание. Лучше пусть он сам все услышит и сделает свои выводы.

— Почему ты так решил? — удивился Минаго.

— Я хочу, чтоб Теймураз с самого начала знал, как смотрят шахтеры на такого зеленого специалиста, как он. Лучше знать правду — это мое твердое убеждение. Если он испугается правды и убежит, туда ему и дорога. Такой человек нам и не пригодится. А если он поймет все верно — тогда... Пожалуйста! Действуй, дружок, по своему усмотрению, а мы тебе только поможем...

— А вдруг наши наговорят лишнего, ты ведь их знаешь...

— Что?

— Вдруг они оскорбят его?

— Лично его? Не думаю! Ты не прав, Минаго, такого у нас еще не было. Наши ребята никогда не обижали, не оскорбляли незаслуженно нового человека. Я ручаюсь за них. А если будут говорить, что он неопытен, что ему еще надо как следует познакомиться с шахтой, пусть говорят! Арджеванидзе же пусть слушает и мотает на ус.

— В самом деле, так лучше.

Так они и порешили. Сардион велел Маргарите пойти к молодому инженеру, узнать, как он устроился, не надо ли ему чего-нибудь. Велел также тонко намекнуть ему, чтоб он не думал, что шахтеры примут его с распростертыми объятиями.

Маргарита сама, едва был издан приказ о назначении Теймураза, решила, что она пригласит Теймураза на собрание. А после наказа Сардиона она, окрыленная, помчалась к чете Чахунашвили, позавтракала там вместе с Тейму-

разом, потом предложила побродить по городу. Хитрый Антимоз тотчас понял, что Маргарита выполняет наказ Сардиона. Он тоже поддержал Маргариту, сказав, что, правда, город у них небольшой, но красивый и очень уютный, что он сам охотно походил бы с ним по улицам любимого города, но вот жаль начинается смена и ему надо быть на шахте! А Маргарита замечательный попутчик, о лучшем и мечтать нечего.

Больше двух часов бродили Теймураз и Маргарита по улицам города и его окрестностям. Теймураз был вынужден еще раз выслушать, что у Джибраила на участке свои люди, которые примут в штывки нового начальника участка. Почему? Известно, старый друг лучше новых двух. Тем более Джибраил сумел завоевать сердца простых шахтеров.

Теймураз, таким образом, был подготовлен ко всему. Поэтому все, что он слышал на собрании, его не очень удивило и огорчило. В одном он убедился: у Джибраила много сторонников, гораздо больше, чем он думал. В глубине души он был рад, что пришел на собрание. Он любил прямых, откровенных, смелых людей и был уверен, что с ними совсем нетрудно найти общий язык.

Теперь, когда весь зал повернулся к нему, он неловко заерзал на месте, почему-то покраснел, смущенно улыбнулся и опустил голову. Но того, что случилось после этого, он и не мог даже представить себе.

В зале на несколько минут воцарилась могильная тишина. Шахтеры пристально, с нескрываемым любопытством и удивлением разглядывали его. Потом все, точно по команде, повернули головы к трибуне.

Теймураз увидел, как побагровел Сардион. Минаго Чарквиани сидел не шелохнувшись, пряча глаза от шахтеров. Терентий нервно пригладив ладонью волосы.

В первых рядах кто-то кашлянул.

— Извините... Можно мне? — подал голос Аквсентий.

— Говори, Аквсентий! — сказал ему Антимоз.

— Скажите, приказ об этом молодом человеке, извините, не знаю его имени и отчества, приказ о его назначении уже подписан? — не вставая с места, спросил Аквсентий.

— Подписан, — сказал Сардион. — Со вчерашнего дня начальником третьего эксплуатационного участка назначен инженер Теймураз Арджеванидзе. Знакомьтесь.

— Добро! — встал на этот раз Аквсентий. — Чего же вы заставляете нас говорить зря. Что скрывать, наш новый начальник участка, видать, очень молод, но слышал я, что царю Ираклию было четырнадцать лет, когда он участвовал в первом походе. Так что, добро, что касается нас, мы, как сможем, поможем, а остальное — на вашей совести. Что, не прав я, товарищи? — повернулся Аквсентий к залу.

— Прав...

— Верные слова.

— Поживем — увидим...

В зале зашумели, встали со своих мест, некоторые, не дожидаясь, пока собрание объявят закрытым, пошли к выходу. Теймуразу особенно запомнилось то, что на него уже почти никто и не обращал внимания.

Через некоторое время зал опустел. И только в президиуме молча сидели Сардион и Минаго, да в последнем ряду Маргарита и Теймураз. А в первом ряду, перед самым президиумом, дремал Дианос Говетиани.

XIX

Когда все разошлись, Минаго и Сардион почувствовали, как они устали за эти несколько часов. Не прошла даром нервная напряженность последних дней. Они поднялись со своих мест и, не сговариваясь, направились в кабинет Сардиона. Здесь они поудобнее устроились в глубоких креслах, и более получаса ни один из них не проронил ни слова. Каждый думал о своем. Первым очнулся Минаго, он потянулся, потер руки и заговорщически взглянул на Сардиона.

— Я хороший парком, не так ли, Сардион?!

— С чего ты взял?

— Сейчас я пойду с тобой, и мы вместе пообедаем. А может быть, пойдем ко мне?

— А что у тебя на обед?

— Особенного ничего. Что-нибудь найдется...

— Тогда пошли ко мне. Жалко Теолинаэ, все одна да одна...

— Что ж, пошли!

Сардион встал, выключил свет. Теперь уже комнату освещал только красный отсвет звезды, горевшей на бункере. Сардион и Минаго вышли в канцелярию, Сардион закрыл дверь на ключ и повесил ключ на стену. Друзья

осторожно спустились по лестнице и вышли во двор. Было прохладно. На огромном шахтном дворе — ни души. Лишь в конце двора в ночной мгле вдоль чернеющего бункера кто-то катил вагонетку. В огромных конусообразных перерикониках алели небольшие костры — это горела пустая порода. Вечерний ветер донес оттуда теплый запах серы.

Сардион и Минаго по-прежнему молча прошли двор и вышли на безлюдную улицу.

— Что-то тебе сегодня не до разговора, а, Сардион? — прервал наконец молчание Минаго.

— Эх!

— Не говори, я вот иду и думаю, а что если не сегодня завтра перестанет гореть звезда на бункере!.. Спросят-то в первую очередь с нас!

— Это точно!

Сардион, пройдя несколько шагов, остановился, повернулся к Минаго.

— И все-таки уж очень у нас избалованная молодежь, — Сардион покачал головой. — Взять хотя бы того самого Джибраила. Смотри, каков, а? Даже на собрание не пришел!.. Я-то не сообщал ему, но уверен, что, сообщив я ему, он все равно не пришел бы. А почему, спрашивается? Нашелся мне великий специалист, которого незаслуженно оскорбили, унизили! Чертов гордец!

— Был бы он на собрании, все равно ничего не изменилось бы.

— Я знаю. Но человек должен быть проще, должен легче смотреть на вещи. Не надо забывать и о своих товарищах. Сколько раз на протяжении этих лет я увещевал его: слушай, парень, уладь дело с аттестатом, кончай десятилетку, а там уж мое дело. Нет, не захотел!.. Вот и сидит теперь дома в одиночестве. Мы-то были другими. Помню, было мне столько, сколько сейчас Джибраилу, мы с Теолинэ только обвенчались. Я тогда работал как раз начальником участка. Нет, я не хватал звезд с неба. Но работать, признаться, мог лучше многих опытных шахтеров. Так вот, однажды вызывают меня в трест. Управляющим был тогда Герваси Апахидзе. Слышал, наверно, — замечательный человек, хороший руководитель. Здоровый был дегина!.. Косая сажень в плечах!.. Так вот!.. Вхожу. Сидит. Смотрит на меня. Как дела? — спрашивает. Ничего, — отвечаю. В самом деле ничего? В самом деле. Хорошо! Есть у тебя человек, способный заменить тебя? Найдется. Кто? Такой-то и такой-то. Доверяешь? Да. Ну и отлично. Сдай свои дела и приходи снова ко мне! Удивился я, но даже не посмел спросить, в чем дело. Пришел я к нему снова, уже сдав дела. И что ты думаешь? На второй шахте был у нас конвейерный штрек. Ад настоящий. Кровля сырая, вся в трещинах, внизу — по колено вода, грязь. Столбы кривые. Меня и сейчас в дрожь бросает, когда я вспоминаю тот штрек. Так вот! Апахидзе дал мне двух парней из деревни и говорит — за две недели штрек должен быть похож на проспект Руставели в Тбилиси. Так вот и послал он меня — начальника участка, восходящую звезду шахты — в ад. И что же? Я не проорнил ни слова. Поработали мы на славу, лицом в грязь не ударили. Две недели не выпускал я из рук пилы! Огромные столбы на собственном горбу волочил. Теперь скажи: как бы поступил на моем месте Джибраил Хелтуплишвили?

— Джибраил неплохой парень, Сардион! Ты-то уж это знаешь.

— Неплохой, говоришь! Что ж, не спорю! Видишь, как мне трудно!.. Такой огромный участок я вынужден отдать желторотому птенцу. Знаешь ведь, каково мне! Знаешь! Так приди, поддержи меня, помоги!.. Что дороже, в конце-то концов, должность или человечность твоя!..

— Разумеется, человечность!

— И что же! — Сардион махнул рукой.

— Придет он.

— Ты думаешь?

— Уверен.

— Эх!..

— Джибраил-то придет, только вот!..

— Что?..

— Не понимаю, к кому мы идем обедать, к тебе или ко мне?

— А в чем дело?

— Мы уже прошли мой дом, да и твой позади!

— Ха-ха-ха! — от души рассмеялся Сардион. — Заговорил я тебя. Что ж, пошли обратно, до моего-то дома несколько шагов!..

СТЕНАНИЕ

● Роман

СМЕШЕНИЕ

«Сойдем же и смешаем там языки их так, чтобы один не понимал речи другого». (Бытие, 11, 7).

«Почему дано ему имя Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли». (Бытие, 11, 9).

«Грузин продавали в рабство, и смешались нравы и обычаи, и большинство поступало на манер кизилбашей¹ и грешило перед христианскою верою». (Вахушти Багратиони).

Правление царя Ростом в Картли (1632—1658) способствовало падению грузинских нравов.

Ростом был сыном Давида X — Даут-хана. Он прибыл из Персии вместе с Ростомом Саакадзе, который, по характеристике «Картлис цховреба»², был человеком выдающимся и пользовался уважением у кизилбашей. Шах назначил Ростом полководцем, дал ему большое войско и послал с ним Хосро-Мирзу в качестве правителя Картли. Этот Хосро-Мирза с помощью Ростом Саакадзе взойшел на картлийский престол и объявил себе царем Ростом-ханом.

Царь Ростом щедро одарял перешедших на его сторону грузинских князей. Его безграничная щедрость и богатые дары возымели свое действие. В ка-

¹ Кизилбашами называли персов.

² «Картлис цховреба» — древний свод летописей и исторических хроник.

Продолжение. Начало в № 3.

честве небольших подачек грузинские князья получали заморские одежды, и которым раньше не имели особого тяготения. В «Картлис цховреба» сказано: «Царь Ростом раздавал грузинам полотняные халаты в качестве малых даров, тогда как прежде грузины не были привередливы в одежде и не засматривались на наряды... Тогда грузины были наивны и неопытны, беззащитны пред хитрыми уловками кизилбашей... А этот Ростом-хан был человеком умелым, ловким и опытным... И с той поры стали изменяться нравы и обычаи: все стали сребролюбцами и корыстолюбцами, получали имущество и вотчины из рук хана, одевались, как кизилбашы. Грузинские князья и вельможи обогащались благодаря шаху и по его грамотам получали владения. Он (Ростом-хан) построил дворец на персидский манер, красивый и нарядный, (завел) богатое убранство, изысканные угощения, щегольство и роскошь, и стали все подражать нравам кизилбашей, и умножались во дворце разврат и греховность...

Осмелели басурмане и дерзко стали обращаться с грузинами праведными и честными, а растленных и паскудных весьма почитал царь Ростом и спрашивал и выслушивал их, а тех, которые были праведны и чистосердечны и творили дело правое, не почитал и называл плохими людьми. Так и пребывали они днем и ночью в пирах и блаженстве, а о душе никак не заботились: приводил царь певцов и музыкантов, и по душе были эти оргии грузинским вельможам, и они тоже заводили музыкантов и прислужники и не стыдились блуда и греха.

И научились грузины пить и есть по-кизилбашски, и стыдно им казалось не щеголять на пиру, а пиром править...

Чревугодию и пьянству поклонялся он и за выпивкой раздавал богатства немалые. И не заботились о душе миряне, а помышляли лишь о роскоши и плотских утехах, и даже само духовенство и высшие священные чины отвернулись от доброго и смешались с мирянами, ибо и они стали чревугодниками и сластолюбцами. И восхваляли они друг друга за блуд и распутство. Тем временем ослабла вера и развратился порядок церковный, ибо никто не помышлял о духовном, а все заботились только о плоти». («Картлис цховреба», стр. 418—425).

Вот какое вредное семя было посеяно и взшло, и расцвело на золотой ниве былого грузинского могущества.

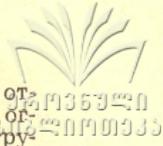
К сожалению, страны христианского мира слишком равнодушно взирали на поругание единой Грузии, не принимая близко к сердцу чужой беды. Крайне долго и лениво заключался союз между Грузией и Россией. И все-таки грузинские цари с надеждой смотрели в сторону единой России, тем самым вызывая еще большую ярость своих могущественных соседей.

Еще в 1555 году, согласно заключенному соглашению, Грузию разделили между собой два хищника. По договору Картли, Кахетия и Самцхе-Саатабаго отошли к Ирану, а Имеретия, Гурия, Одиши и Абхазия — к Турции. Шкуру разделили, а хозяев шкуры не спросили. Правители Грузии отнюдь не считали для себя обязательным признавать непреложным соглашением, заключенное между наглыми захватчиками. Однако беда заключалась в том, что между самими грузинами не было единства. Страна в этом переполохе распалась на отдельные владения, была искромсана на лоскутья. Завоеватели натравливали князей друг на друга и охотно поддерживали их в междоусобной борьбе. Двуличные феодалы перестали подчиняться царю, и жернов судьбы Иверии завертелся в обратную сторону.

1632 год в истории Грузии был отмечен тем, что шах Ирана объявил о назначении в Грузии своего наместника. С этого времени и до самого 1744 года в Картли правили цари, принявшие магометанство, и назывались наместниками шаха — вали.

В 1676—1688 годах в Картли царствовал Георгий XI, сын Вахтанга V, Шах-Наваза. Царь Георгий явно противился шаху и готовил восстание против него. Это не укрылось от шахского взора, и он отстранил Георгия от власти и на его место посадил внука кахетинского царя Теймураза I Эрекле (Ираклия). Ираклий I царствовал в Картли с 1688 по 1703 год. В 1703 году Георгий XI поклялся шаху в вечной верности и снова вернул себе картлийский престол. Владыка Ирана вернул Георгию царский титул, но оставил его при себе в Иране как государственного деятеля, а на картлийский престол посадил его племянника Вахтанга, сына Левана. Это был хорошо известный в грузинской истории царь Вахтанг VI, который царствовал в Картли с 1703 года в звании джаниши-на — заместителя и наместника царя.

Грузины издавна пользовались большим почетом при шахском дворе, держа первенство среди наиболее приближенных к шаху персон. Но проникновение грузин в органы правления Ирана особенно усилилось в XVII веке. Начиная с того времени, грузины часто назначались главнокомандующими иранских войск, начальниками личной шахской охраны, правителями отдельных провин-

ций, моуравами персидской столицы — одним словом, они занимали весьма ответственные военные, административные и судебные посты. Однако этим не ограничивалась деятельность грузин в столице Ирана. Как свидетельствуют грузинские историки И. Джавахишвили, С. Джанашиа и Н. Бердзенишвили, известные поэты Зураб-бег, Фазлали-бег, Шармазан-бег, Зейнал-бег, Каихосро-хан, Алихан-бег, будучи по происхождению грузинами, создавали на персидском языке свои поэтические шедевры и были высоко оценены в стране, избалованной обилием первоклассных поэтов. И грузины-художники оставили свой след в изобразительном искусстве Ирана, славившегося великолепными мастерами колорита, исполнителями монументальных панно и изящных миниатюр. Историк времен самого грозного и могущественного повелителя Ирана Шах-Аббаса I — Искандер Мунши по этому поводу замечает: «Сиявуш-бег (грузин по происхождению) добился величайшего успеха. У него была особенно тонкая кисть. Он был большим мастером выписки деталей и непревзойденным рисовальщиком, во владении пером и в изображении гор трудно отыскать равного ему. Так же безусловно живописал он группы людей — пиры и застолья».

Первое десятилетие деятельности Давида Гурамишвили в период его жизни на родине и последующего переселения в Россию тесно связано с царствованием Вахтанга VI, которому тоже пришлось покинуть Грузию и обосноваться при русском императорском дворе в ожидании лучшего будущего для своей отчизны.

После бегства из лезгинского плена Давид Гурамишвили свою жизнь крепко связал с Вахтангом VI и его сыном Бакаром и доверился их политическому чутью, их целям и задачам. Вахтанг VI — литератор и общественный деятель, самоотверженно преданный своему отечеству, со дня воцарения вел огромную культурно-просветительную работу на государственном и общественном поприще. Он очень недолго управлял страной, однако успел за этот короткий срок сделать много полезного. Прежде всего, сместил с постов тех, кто выдвинулся при Ираклии I, а затем, как это обычно бывает, обласкал тех, кто прежде был в опале, и возвратил им «напрасно отнятых крестьян и отобранные земли». Высокое внимание Вахтанга VI коснулось и жизни духовенства. Он созвал церковный собор, отстранил католика, назначенного Ираклием I, и главой церкви сделал своего брата Доментия. Этой реформой он снискал сочувствие и поддержку в стране. После перестройки церкви Вахтанг VI созвал ученых мужей, велел им собрать старые грузинские, иудейские и греческие рукописи, содержащие основы права, и пополнил их собственным сводом законов «Сджули». «Уложение Вахтанга» является плодом коллективного творчества видных представителей как светской, так и церковной власти, и оно прежде всего является памятником, отражающим интересы правящих классов. Свод законов, составленный Вахтангом, разумеется, был создан для Картлийского царства, однако вскоре этой книге суждено было лечь в основу правопорядка во всей феодальной Грузии. К этому же периоду деятельности Вахтанга VI относится создание другого памятника — «Дастурламали». Эта книга объединяла действующие законы XVIII века. «Дастурламали» является уникальным памятником, отражающим правопорядок тогдашней Грузии, из которого заинтересованный читатель может почерпнуть самые разнообразные сведения о жизни страны. Книга содержит богатый материал о царской казне и царских податях. Этот свод законов дает представление о крестьянских оброках, барщине и размере государственной повинности. Здесь же нашли свое отображение и принадлежность плательщиков к разным социальным группам, аппарат принуждения и органы правосудия. Одним словом, все то, что составляло структуру и уклад крепостного строя феодальной Грузии. Эта книга была своего рода конституцией страны и основой юриспруденции.

Под началом царя Вахтанга, при помощи и содействии грузинского монаха Антимоза Иверзели, развивавшего свою деятельность в Румынии, в Картли была основана типография в 1709 году. До этого времени книги распространялись по всей Грузии в виде рукописей, а с этой поры книга уже печаталась типографским способом и стала более доступной для народа. Великой заслугой Вахтанга VI следует считать и печатание во вновь основанной типографии наряду с церковными книгами бессмертного «Витязя в тигровой шкуре». Вахтанг не забыл также и о грузинской истории. Ученому монаху Эгнаташвили он поручил завершить дело, прерванное летописцами. Группа ученых мужей, которой руководил Эгнаташвили, блестяще справилась с этой сложной и трудной задачей: была составлена история Грузии с XIV по XV век.

Во времена Вахтанга успешно творил его воспитатель, выдающийся грузинский писатель Сулхан-Саба Орбелиани. Как известно, он был не только писателем, но и большим ученым, государственным деятелем и неустанным радетелем судеб Грузии, а также автором научного словаря, который и по сей день не потерял своей ценности и значимости.

И вот перед тайно покинувшим Грузию царем Вахтангом, наследником, убежище при дворе русского монарха, предстал вызволенный судьбой из пленного плена поэт Давид Гурамишвили.

Вахтанг VI успешно направлял хозяйственную жизнь Грузии: он вернул на родину, в Картли, крестьян, бежавших в Кахетию, провел оросительные каналы, заставил земледельцев вновь заложить фруктовые сады и виноградники, заботился и о животноводстве, провел дороги, построил мосты, воздвиг дворцы и восстановил разрушенные храмы и монастыри. Царь-поэт даже немного бахвалился по этому поводу:

Реку Кцию отвел в Хунани, оросил окрестные поля,
Машаверу соединил с озером, заселил всевозможной рыбой.

(Подстрочный перевод)

На стене Сионского храма в Тбилиси и сейчас можно прочесть надпись, сделанную по велению царя Вахтанга, в которой венценосный поэт с гордостью и восторгом объявляет: восстановил и отделал врагом разрушенный Сиони. О том же самом он говорит с истинно поэтическим вдохновением в стихах: «Сиона слепил я Сиони в Тбилиси, как изваяние, а для себя — дворец хрустальный, в нем пир добрый».

Но не суждено было многострадальной земле грузинской долго заниматься мирным стрелительством. Девять лет (1703—1712) царствования Вахтанга принесли Картли огромную пользу. Но судьба Грузии и на этот раз решилась за ее пределами. В 1709 году в боях с восставшими афганцами пал предводитель иранского войска, законный царь Картли Георгий XI, тот, чьим «заместителем» являлся Вахтанг VI. На этот раз шах картлийским царем и главнокомандующим иранскими войсками назначил брата Георгия — Каихосро, а Вахтанг по-прежнему остался его наместником. В 1711 году в нескончаемых боях персов с афганцами пал и Каихосро. Тогда Вахтанг отправился в Иран, чтобы наконец получить царский скипетр и корону. Однако его враги не дремали. Ксанские и арагвские эриставы вместе с кизилбашами устроили против Вахтанга заговор. Шах, усомнившийся в верности Вахтанга, предложил ему принять магометанство, на что Вахтанг ответил решительным отказом. Тогда рассерженный повелитель Ирана на картлийский трон посадил брата Вахтанга, принявшего магометанство, Иесе, а Вахтанга оставил при себе в Иране. Не ограничившись узурпированием власти, Иесе написал шаху, что, мол, не может он спокойно и твердо сидеть на троне, пока Вахтанг не удален с шахского двора. Шах выполнил просьбу Иесе и выслал Вахтанга из столицы в далекий Кирман. Здесь жил он, как узник, под неусыпным надзором, лишенный всякой власти и удаленный от дел. Грузинские феодалы — сторонники Вахтанга приложили немалые усилия, чтобы вернуть своего благодетеля, но тщетно. Однако они не успокоились и обратились за помощью к воспитателю Вахтанга Сулхану-Саба Орбелиани. Может, Европа поможет нам, говорили они, и мы вызволим Вахтанга из кирманского плена. Именно по их настоятельной просьбе выдающийся ученый и поэт Сулхан-Саба отправился к французскому королю Людовику XIV и ко двору римского папы. Но и здесь передовую часть грузинских феодалов ждала неудача. И папа, и король были очень любезны с посланцем далекой Грузии, но вернулся он обратно ни с чем. Из Западной Европы взамен осуществления больших надежд Сулхан-Саба привез папскую буллу, полную добрых пожеланий и благословений.

Поскольку помощи ждать было неоткуда, грузинские князья посоветовали Вахтангу принять магометанство, чтобы вернуть себе трон. После тяжких раздумий и долгих колебаний, лишенный свободы и власти, царь внял, наконец, советам своих сторонников и благожелателей и в 1716 году, отрекшись от христианской веры, принял магометанство. Шах снова вернул ему картлийский престол, однако до 1719 года держал его у себя на службе, в Иране. Все это время в Картли правил сын Вахтанга — Бакар. В 1719 году многострадальный царь возвратился в свою боготворимую отчизну, но страна встретила его запустением и разрухой.

Находясь в Иране, Вахтанг VI пришел к выводу, что солнце славы и величия этого могущественного государства клонится к закату, поэтому про себя он твердо решил после возвращения на родину начать поиски новых путей. Закат иранского солнца и смертельный недуг царственного льва не укрылись от внимания соседних стран. Привыкший греть руки у чужого огня, султанский двор предложил «помощь и покровительство» единоверным Ширвану и Дагестану, дабы защитить их от «неверных». Россия, в свою очередь, своими бу-

дущими союзниками в борьбе с басурманами избрала притесненные единовольные страны и вступила с ними в тайные переговоры. Вахтанг надеялся, что с помощью русского войска он вызовет страну из-под владычества Ирана и вернет плодородные земли Верхней Картли: Самцхе-Саатабаго, захваченные Турцией.

В результате предварительных переговоров (несмотря на сопротивление карталинских феодалов) Вахтанг решил судьбу Грузии по своему усмотрению. Как только Петр Великий двинулся на Дербент, Вахтанг поднял свои войска и двинул их на Ширван, где должны были встретиться русские и грузинские полки. Вахтанг три месяца ждал появления русских, но вместо войск к нему прибыл русский посол и сообщил, что Петр отложил поход до будущего года и вернулся обратно. Вахтанг один оказался между двумя разъяренными противниками. К счастью, у шаха не хватило сил, чтобы расправиться с «изменником», как он того заслуживал. Он готов был стереть с лица земли всю Картли. И все-таки он отомстил «предателю»: отнял у Вахтанга Картли и передал кахетинскому царю Константину, в магометанстве Махмад-Кули-хану. Султанский же двор вел себя, как всегда, осторожно: упрекал Вахтанга за дружбу с Россией и, чтобы усыпить его бдительность, клялся в любви и верности. А в это время по русско-турецкому соглашению о разделе шкуры пока еще живого иранского льва Турция признала прикаспийские земли собственностью России, а взамен Россия признала за Турцией право на северо-западную часть Ирана и Восточную Грузию.

Кახетинский царь Константин оказался пронцательнее Вахтанга: он не полюбился на шахский дар, дарственную грамоту отложил в сторону, послал к картлийскому царю гонца и пригласил его на переговоры. Вахтанг созвал совет. О тайной цели совета проведаль брат Вахтанга Иесе, которому совсем не на руку были союз Картли с Кахетией и укрепление позиций Вахтанга. Он тут же отправил письмо Константину, в котором сообщал, что будто бы Вахтанг намеревается убить его, и если он дорожит жизнью, то пусть немедленно откажется от встречи с Вахтангом. Эта подозрительная весть подкреплялась тем печальным обстоятельством, что сопровождающая кахетинского царя свита на-чисто была ограблена карталинцами, и Константин пришел к выводу, что война между Картли и Кахетией неминуема.

Константин теперь уже стал размахивать дарственной персидского шаха и потребовал от Вахтанга добровольной передачи Картли. Возмущенный Вахтанг приказал собрать войско. Узнав, что Вахтанг готовится к войне, Константин молниеносно напал на Картли и осадил Тбилиси. Вахтанг обратился в бегство, Константин занял столицу Картли. Несмотря на помощь турок, приведенных все тем же Иесе, Вахтанг потерпел поражение и был вынужден тайно отправиться в Россию. Находясь в Москве, Вахтанг несколько раз пытался возвратиться себе картлийский престол, но безрезультатно.

Победа, одержанная в братоубийственной войне, не принесла благоденствия и Константину. На Кахетию вскоре напали лезгини. Произвол и грабеж, чинимый турками, непрерывные набеги и разгул легзин вынудили грузин снова собраться с силами и поднять оружие против турок. На этот раз во главе войска встали сам кахетинский царь Константин и Гиви Амилахвари. Кровопрлитное сражение произошло в 1724 году, и известно оно под названием битвы при Зедавела. Вначале победа, казалось, была на стороне грузин, однако предатель Иесе вернул назад бежавших с поля битвы турок, и их численное превосходство имело решающее значение.

После Зедавелского сражения дела грузин пошли еще хуже. Царь Константин отвернулся от Персии и примкнул к Турции. Он приблизил к себе лезгинских вождей, направил их для разбоя в Картли и, не брезгуя, получал свою долю награбленного. Турки, проведав об этом, озлились и убили его.

Затем свершилось неожиданное чудо: полководец обессленного Ирана — Тахмаси-Кули-хан сумел отбить у турок Ганджу, Шемаху и Тбилиси. Опыяненный успехом, он объявил себя шахом и потребовал у России освободить прикаспийские земли. Это известие нанесло смертельный удар по надеждам Вахтанга — с помощью русских спасти свою страну. Вахтанг отказался и от предложения Надир-шаха — возвратиться в Картли, присягнув шаху в верности. Не вернулся он и в Москву, поселился в Астрахани и в 1737 году там же и скончался.

Для Грузии это была эпоха сложных взаимоотношений с соседними странами, эпоха распада на мелкие княжества, междоусобной, братоубийственной войны, религиозной розни, эпоха самоуправства и насилия, чинимого своими или пришлыми зарвавшимися правителями. В такую пору стране иверов особенно нужен был прозорливый, умный и храбрый предводитель, способный вершить государственные дела с должной дальновидностью и мудрой рассудительностью. Нужны были крепкая рука, наточенная сабля, смелое выдвижение пре-

Данным родине людей и разоблачение двуличных, создание постоянного войска: одним словом, во главе государства должен был стать именно такой царь, ка-ким был Давид Строитель. Что же касается Вахтанга VI, то он, вероятно, был рожден знаменосцем просвещения и культуры, а превратная судьба вручила ему в руки бразды правления народом, боевое знамя и кормило страны, не дав компаса, ввергла в пучину религиозных битв и политических страстей. Не видно было спасительного берега. Поэт-царь безнадежно призывал воображаемого заступника, но его обреченный порыв был беспощадно поглощен безбрежным океаном восточного варварства. Вахтанг потерпел поражение и свою горечь излил в стихах:

Поработила меня печаль, тоска
 послужила лекарством,
 Горечь использую я как чернила,
 сердце опускаю в нее пером.

(Подстрочный перевод)

Не в такую уж далекую от нас эпоху жил Вахтанг VI, чьим современником был Давид Гурамишвили, однако в анналах грузинской истории наш герой нигде не упоминается. Это вполне понятное явление, ибо неверный свет его звезды, едва занявший в июне 1729 года, в начале июля уже погас. Молчит о нем «Картлис цховреба». В летописях и хрониках имя Давида Гурамишвили не упоминается хотя бы потому, что тогдашнему летописцу, сосредоточенному на невзгодах страны, было не до затерянного на чужбине поэта. А в гуще событий, сотрясавших могучий Север, кто мог заметить какого-то рядового война, воевавшего против Фридриха! Вот почему молчат и свои, и чужие летописцы. К счастью, этот просчет истории, этот непростительный пробел восполняет сам поэт. Давид Гурамишвили создал поэтическую летопись своей жизни, оказав этим великую услугу истории.

История жизни Давида Гурамишвили — это «большая книга стенаний» о судьбах Грузии и личной одиссея прославленного ныне поэта. В этой книге много мест, пока еще неясных, не расшифрованных, туманных. Часто лирическое отступление подменяет собой исторический факт, но, когда нет более полной биографии, рассказ автора становится драгоценнейшей реликвией и важным документом.

Как известно, в одной из частей сочинения Давида Гурамишвили описана жизнь Восточной Грузии XVIII века. Выдающийся исследователь истории грузинской литературы Корнелий Кекелидзе назвал эту часть «Бедствия Грузии», ибо содержание ее составляют описания исторических событий и критическая, документальная передача этих событий автором (заглавие взято из первой строки 163-й строфы поэмы Гурамишвили). А историки Мари Броссе и Варлам Дондуа окрестили «Давитиани» сочинением, по значению своему равным летописи, и утверждали, что из поэтического наследия Давида Гурамишвили можно черпать бесценные исторические сведения.

Для Давида Гурамишвили пересказ исторических событий имеет свое содержание, смысл и назначение. То обстоятельство, что он сохранил для потомства память о тех или иных исторических событиях, служит своей определенной цели. Однако прежде чем высказать горькую правду и сообщить ее потомству в виде очевидной истины, поэт долго колебался и раздумывал:

Рассказать о том подробней
 Не решаюсь я, родные.
 Слишком много дел позорных
 Обнаружу для страны я.

Люди добрые заплачут,
 Позлорадствуют дурные.
 Даже то, что здесь сказал я,
 Мне в вину зачтут иные.

Он часто вступал в бескомпромиссный спор с самим собой, его разум упорно пререкался с чувством человека бескорыстного, всем сердцем любящего свою родину. Многие позорящие нас дела станут очевидными, — сетовал он, — творю дело на радость врагам, — печалился он, но разве не проповедовал великий Шота, что правда способна и сухое дерево возратить к жизни. И он принял верное, хоть и тяжкое решение — сказать горькую правду:

Как солгу, какую пользу
 Принесут мои сказанья?
 Если ж буду я правдивым —
 Ждать за это мне изгнанья.
 Смерть грехи не скроет наши,
 И влекутся по преданью,

За дурной душой — дурные,
 Доброй — добрые деянья.
 Как хорошее прославить,
 Коль дурное не ругать?
 Если зло во зло не ставить,
 Что добром именовать?

Можно ль добрые поступки
У достойного отнять?
Чем оправдывать злодея,
Лучше мучеником стать!
Льстить в лицо, ругать заочно —
Добрым людям не годится.

Чем с неправдой жить на свете,
Лучше с правдой в небо взвиться,
Разве будет виноградарь
Жалким тернием гордиться?
Пусть погибнет плоть за правду,
Но душа возвеселится!

Один из параграфов законодательной книги Вахтанга VI гласит: «Кто изменяет стране и вере Христовой и, видя, что от этого страдает вера, все равно так поступает, тот становится кровавым врагом бога и государя и достоин самой суровой кары».

Официальный закон отождествляет страну с верой и измену как одной, так и другой одинаково порицает и одинаково карает: кара, как мы знаем, должна была быть самой суровой: вздеть на дыбу, отрубить голову, выколоть глаза и т. д.

Этот закон были обязаны неукоснительно соблюдать и цари, и духовенство, и простой народ. Для Грузии — суверенного государства, окруженного мусульманским миром, — он являлся средством признания и утверждения христианства как явления жизненно важного для страны. Вероотступник считался государственным изменником и наоборот. Именно это единство государства и религии и такая их неделимость внушили нашим предкам необходимость сотрудничества с просвещенной и единой Россией.

Если учесть, что даже картлийский католикос Доментий, стоявший на высшей ступени церковной иерархии, в целях захвата государственной власти и царского престола готов был отречься от христианства и признать Магомета истинным богом, то наставления Давида приобретали особый смысл и значение.

Забвение национальных и распространение персидских обычаев вынуждали Давида Гурамишвили — истинного патриота — выступать ярким заступником и пропагандистом христианства, которое служило символом национальной свободы и независимости.

Единственное средство спасения от неминуемой гибели своей родины, ее языка, обычаев, традиций и средство защиты родной земли от вражеских орд всех мастей Гурамишвили видел в христианстве. Эту веру еще больше укрепили его пребывание в могущественной христианской России и военные баталии, в которых ему приходилось сражаться плечом к плечу с русскими и украинцами против общего врага. И потому поэт старается убедить читателя в превосходстве христианства над магометанством. Он твердо и непоколебимо, подобно великому Сулхану-Саба Орбелиани, стоит в первых рядах защитников христианства. Он внушает соотечественникам справедливую мысль о том, что путь к спасению родины лежит через союз с единоверными странами, Россией и Украиной. Он беспощадно разоблачает грузинское духовенство, чья вера пошатнулась настолько, что оно уже не в силах наставлять других:

Не поверили грузины
Добродетельным словам,
И оглохли, и ослепли,
И в великий впали срам.

Пристрастились и монахи
К непохвальным их делам.
Ослабела добродетель,
Враг гнездился тут и там.

Давид Гурамишвили как образованный человек и истинный сын своей родины понимал, что основную причину упадка Грузии надо искать в ее раздробленности и раздвоении. Грузины покорно выполняли требования церкви и магометан-правителей. Людям приходилось хитрить и изворачиваться. Процветали двуличие и лицемерие.

Поскольку грузины позабыли истинную веру и согрешили, разгневанный бог сурово наказал их: земля содрогнулась, небо раскололось надвое, «грянул град», губительный для виноградников, сухой высушил землю и пашни, на нивы налетела саранча, пожравшая весь хлеб, беспорывно сверкала молния и гремел гром, но живительная влага не орошала земли. Засуха спалила траву, уничтожила фруктовые сады, пожирающие людей, «невиданные звери появились в изобилие», а людей и домашний скот напал дотоле невиданный мор, кровью и трупами наполнились овраги. Вот какую картину Грузии около 1721 г. рисует Давид Гурамишвили.

В 1721 году ему исполнилось шестнадцать лет, и он мог критически воспринять и оценить увиденное и пережитое. По нашему мнению, именно потому отсчет событий он начинает с 1721 года — года вступления в зрелость.

В тысяча семьсот двадцатом
От рождения Христова

Весть о грешном человеке
Донеслась до всеблагого.

А поскольку греховные деяния продолжали множиться и господу через посредников стало известно о кощунстве и святотатстве грузин, он не замедлил поднять против Грузии с востока и с юга ее неусыпных врагов:

И поднялся враг с востока, Беды Картли и Кахети
И явился с юга снова. Описать не в силах слово!

Давид Гурамишвили хочет убедить своих соотечественников, что обрушившийся на Грузию гнев божий является результатом их недостойного поведения. «Поднявшийся с востока враг» — это старинный недруг Грузии Иран. А под южным врагом подразумевается усиливающаяся Турция. Далее в поэме описаны набеги больших и малых горских племен, братоубийственные междоусобицы:

Вслед за тем возникла смута, От меча родного брата
На грузина встал грузин. Пал в сраженье не один.

Хотя Гурамишвили и не получил систематического образования, ограничась домашним обучением, но его литературное наследие, чудом выжившее среди «превратностей мира сего», доказывает, что он основательно приобщился к древней, а также и к современной ему духовной и светской литературе и философии. Он довольно хорошо владел греческим, изучал русский и украинский языки. Что касается заявления поэта о том, что он «сам не слишком-то учен», то его следует отнести за счет той самой скромности, благодаря которой замечательные творения грузинских зодчих, художников и золотых дел мастеров дошли до нас анонимными. Осведомленность Гурамишвили в античной философии и теологии не вызывает сомнения и подтверждается его сочинениями. Он основательно изучил светскую грузинскую литературу и, вероятно, потому с юных лет отвергал набившие оскомину мотивы соловья и розы, персидские баяты и шикасты.

Могучее, широко раскинувшее густую крону, устремленное в небо вечно-зеленое и цветущее древо поэзии Гурамишвили глубоко пустило корни в благодатную родную почву. Его «Давитиани» — это сокровищница мудрости, памятник изысканного вкуса и просвещенности. Книгу его нельзя назвать просто сборником стихов. Это перенесенная на пергамент горькая правда, затаенная печаль, вопль его отчаявшейся души. Сначала вынужденная разлука с родиной, а затем добровольные странствия — невеселая одиссея поэта, заброшенного на чужбину. тщетные поиски сочувствия и понимания, безнадежное простиранье длани к упойтельной мечте, слабый луч надежды, а затем глухая, мрачная тоска отчаяния и безверия. Горестное стеланье, призыв к физическому и моральному самообладанию и борьба до последнего вздоха.

«Пока еще ни один смертный не мог выбирать себе отчизну. И я тоже, родился под небом Грузии — на грузинской земле. Меня родила грузинская женщина и вскормила грудью кормилица-грузинка. Таково было желание моего отца и воля провидения, как он говаривал сам. Также мне не было дано права выбора вероисповедания. Христианство с его заповедями мои предки признали государственной верой, и я получил ее, как говорится, в наследство. Грузинское слово, грузинский язык, грузинские обычаи, грузинские нравы, грузинские мелодии — словом, грузинский дух я впитал в себя невольно и так же невольно произнес мое первое грузинское слово. Когда я осознал себя, то уже твердо знал, что душой и телом, духом и верой, мышлением и языком, то есть всей сутью своей я был составной и неотделимой частицей Грузии. Человек может отказать от всего, но сменить родителей и родину не в его власти. Этот вопрос решается на небесах и приводится в исполнение на земле» — таков внутренний монолог поэта.

Война между Ираном и Турцией за Закавказье, длившаяся 125 лет и закончившаяся в 1639 году, повлекла за собой упадок великой культуры, разруху и запустение. Уничтожены были пашни, разворочены оросительные каналы и ирригационные сооружения, вырублены сады и виноградники, земля грузинская полностью была опустошена. Персы разоряли и грабили покоренную страну, а жителей угоняли в центральные области Ирана. Турки не уступали им в жестокости. К разрушительным походам персов и турок добавился и производ лезгин, поощряемый магометанским миром. Враги расчленили Грузию, поработили ее трудовой люд, вызвали упадок культуры и просвещения. Как обычно, бесчинствам пришлого врага всегда сопутствует внутренняя междоусобица. Сеется недоверие, подозрительность, зависть и враждебность. Однако главной бедой все же явилось то, что враги сумели развязать братоубийственную войну между Картли и Кахетией: «Что вспахали кахетинцы, в гору двигаясь с сохой, заравняли карталинцы кривобокой бороною». Надежда на помощь России в то

время привела к тому, что грузинские войска потерпели поражение в битве при Зедавела, и усвоенные победой турецкие орды захватили и разграбили Картли.

Войско карталино-кахетинцев, тушин-пшавов и хевсуров замыслило истребить турок, укрепившихся в Горийской крепости... Там обосновались главные силы турецких войск. Битва на Зедавела должна была решить участь Грузии. В этом сражении получает первое боевое крещение и юный Давид Гурамишвили. Попытаемся воскресить в памяти этот мрачный и роковой для Грузии день, погруженный во тьму веков.

«Зедавельская долина ополчений не вмещала», — сообщает нам поэт. Сидя на белом коне, он пристально вглядывался в лица всадников, преграждавших путь захватчикам, но не замечал на их лицах ни малейшего следа тревоги. Вероятно, каждый из них знал, что находится на грани между жизнью и смертью и что скорее всего ему не суждено вернуться домой. Но ведь они защищали свою родину, свои семьи, жен и детей, и именно это воодушевляло их и придавало им сил. Другого пути к избавлению у них не было. Необходимо остановить врага, явившегося, чтобы разорить их родину, поработить их самих, отнять свободу, имущество, осквернить веру и святыню. Грузины должны были силе противопоставить силу. Грубая сила становилась теперь верховным судьей, и перед этой грубой силой должно было отступить все остальное.

На рассвете раздался гром барабанов. «Царь решился, и запели боевые трубы вкоре» Грузинские конники с саблями наголо с гиканьем бросились на врага. Такого молниеносного удара многочисленный враг никак не ожидал. Грузинская конница смела передние ряды вражеского войска, и все смешалось: звон сабель, боевые клики, стоны раненых и крики о помощи. После полудня турки стали с боем отступать к крепости. Окрыленное успехом грузинское войско окружило отступающих, намереваясь их поголовно истребить. Но случилось непредвиденное:

От рассказов этих горьких
И в гортани горько стало!
Зедавельская долина
Ополчений не вмещала.

Атакуя, войско турок
Одолели мы сначала,
Но потом разбиты были:
Нас измена доконала.

Предателями и изменниками оказались бывший царь Картли, брат царя Вахтанга VI, Иесе и брат великого Сулхана-Саба — Эрасти Орбелиани.

Незачем было сгущать краски при описании кровавого разгула и произвола победивших турецких орд, и Гурамишвили лишь скорбно восклицает:

Страшный день! Отряды турок
Проливали кровь невинных,
Обезглавливали женщин,
Чернецов, простолудинов.

Наши головы возили
На арбах в больших корзинах.
Мертвецов не хоронили, —
Грызли волки их в долинах.

Нечего было ждать пощады от турецких орд, саранчой заполонивших Грузию. И семейство Гурамишвили покинуло Горис-убани, частично расселившись в Авчала, Ламискана и Ксанском ущелье. Правда, юный поэт продолжал жить со своими близкими, но остро переживал бедственное положение отечества:

Разоренный край покинув,
В Ксанском скрылся я ущелье.

В Ламискана жил мой родич,
У него я был при деле.

Здесь же, в Ксанском ущелье, скрывался вместе со своей свитой бежавший от басурман кахетинский царь Константин. До него в окрестностях Ламискана и Оками нашел убежище и картлийский царь Вахтанг VI. А причиной всего этого было то, что, пока Константин—Махмад-Кули-хан воевал с турками, кахетинскими землями завладели лезгинь, что вынудило его сначала искать убежище в Ксанском ущелье, а затем укрыться в пшавских горах. Давид же Гурамишвили, как кахетинский князь и новобранец, в то время, по всей вероятности, находился в войсках царя Константина и вместе с ним очутился в Ксанском ущелье, где Константин приютил ксанский эристав Шанше, а затем вместе с ним и его свитой последовал в пшавское село Твалави... Наши летописцы ничего не пишут по этому поводу, однако вместо них подымает скорбный голос сам Гурамишвили:

В горы к пшавам и хевсурам
Удалился Константин.
Разместились близ Твалави
Беглых множество грузин.

Но ни жать не мог, ни сеять
В этом месте ни один, —
Что имели, то проели
И бедняк, и господин.

Спокойствия не было и в Ксанском ущелье, и здесь не удалось Вахтангу перевести дух. В одной из яростных стычек с лезгинами, когда под царем пал конь, мимо проезжал небольшой отряд — два десятка всадников, ~~добрый~~ сыном Шанше Эрстави в Схвильскую крепость. Увидев находящихся ~~в~~ в ~~блестящих~~ землянках, воины тут же бросились им на помощь и только после того, как враги были порублены, стали выяснять, кто они такие и откуда. Давид и его спутники не сразу узнали царя Вахтанга, облаченного в одежду простого воина. Лишившийся престола Вахтанг к тому времени твердо решил со всем семейством перебраться в Россию, чего он не утаил от пришедших ему на помощь соотечественников... Глубоко опечаленный несчастливой судьбой своей родины и вероломством соотечественников, царь сказал им следующее: «Правда, недостойное поведение отдельных недостойных людей поколебало мою веру, однако я убежден в духовной стойкости и мужестве нашего народа, верю в его возрождение. Эта надежда в моем сердце горит, как свеча, и по сей день не угасает. Порою все же мною овладевают страшные сомнения, и я думаю, что, может быть, мы отжили свое, осилил нас мрак и отвернулся от нас господь милостивый, с гневом обрушился на наши головы небосвод, и обречены мы на погибель, а наш цветущий край оставлен на поругание дикарям-варварам. Да пусть бы они хоть на людей походили, но их торгашеская и мелкая душонка не знает покоя, все-то им хочется кого-нибудь обмануть, совратить, осквернить... У них все показное, притворное: они завистливы, бесстыдны, коварны, двуличны, трусливы, наглы, лишены всякого мужества и всегда хотят чужими руками жар загребать. И все-таки, окруженные подобными соседями, как мы выстояли против разъяренных врагов? Что нас спасло, если до сих пор не засохло древо нашей жизни? Что помогло нам сберечь свое «я», что дало нам силу перенести печали и горести? Ведь наша земля испокон веков орошалась кровавыми дождями. Сменялись поколения, сменялись внешние враги, но эта страна не приносила нашей родине облегчения. Над землей грузинской никогда не сияло чистое небо, оно всегда сулило грозу. Враги купались в пролитой нами крови и грозили потопить нас в потоках нашей же крови. Грузию издревле считали уделом богородицы, благословенным краем, землей обетованной, и я, право, не знаю, отчего так горька наша участь. Почему ополчились против нас и внешние, и внутренние враги, как у всех нашлось время враждовать с нами? Чем мы прогневили Магомета, зачем он неустанно посылал в нашу страну своих воинов-фанатиков, беспощадных карателей, грабителей? И чем мы обидели нашего господина Иисуса Христа, отчего он не стал нашим заступником и спасителем? Ведь наш народ всегда откровенно и прямо заявлял всем о своей любви и ненависти. Ни у кого ничего мы не отнимали, никого не порабощали и никого не притесняли! Если только давали приют гонимым и поселяли их на своей земле, деля с ними по-братски все, что имели. Так неужели на это добро нужно было отвечать злом, изменой, коварством?.. Вот загадка, которой мне никогда не разрешить... Сколько бессонных ночей я провел в Кирмане и все же не нашел верного ответа на эти наболевшие вопросы. Я доверяю их вам, юноши, остающиеся на родине, вы должны решить задачу, дать ответ. Если вы сумеете залечить наши раны и явитесь для недомогающей родины истыми лекарями, тогда слава вам! И потомки благословят вас за это, и я наперед вас благословляю!» — Сказав это, царь отвернулся от слушающих его, дабы они не заметили слез, выступивших на его глазах.

После того как Вахтанг покинул Картли, с новой силой разгорелось пламя междоусобицы, беспорядка, произвола и измены, хотя вместо оставившего родину царя на сцене появились другие действующие лица. После кровавых собитий на Зедавела Картли и Кахетия двенадцать лет стонали под турецким ярмом. К разгулу турок добавлялись участвовавшие набеги лезгинских орд. Мирному крестьянину нельзя было выйти из дому без оружия, да и в своем доме он не чувствовал себя в безопасности. На косьбу, жатву и молотьбу ходили вооруженными до зубов. У кого было пропитание, укрывались в крепостях и пещерах. Обезлюдели деревни. Рушились дома и усадьбы. Прежде цветущие и любовно возделанные сады, виноградники и огороды заросли крапивой и шиповником. Памятником тех мрачных времен является и наш печальный лексикон: «насахлари» — след жилья, то место, где стоял дом, мельница, пашня, виноградник...

В память об этих злых временах лезгинского разгула до нас дошло много народных стихов и сказов. Грабители врываются в деревни, нещадно истребляли стариков, похищали юношей и девушек, уносили трудом и потом добытый урожай, угоняли пленных и опустошали все вокруг.

И кто ответит, сколько гениев было среди отроков, угнанных в плен! Каждый пленный являлся ценной добычей, которую близкие должны были выкупить (как можно дороже). Остальных ждал невольничий рынок в Алеппо, где люди торговали как скотиной.

Юный поэт остался жить в деревне Ламискана у своих родственников. Он горько оплакивал судьбу осиротевшей родины, а когда узнал, что перебравшийся в Россию венценосец забрал с собой семью, близких, знатных придворных, блестяще владевших мечом и пером, писателей-книжников, ученых и мужей государственных, он с горечью воскликнул:

Колесо судьбы обратно
Стало с этих дней вращаться,
Зацепило карталинец,
Кахов вынудило сдаться.

Петухов шакалы съели —
Курам некуда деваться:
Только ястребы напали,
Стали в ужасе метаться.

Неразумный поступок царя напомнил Давиду наставление его духовного отца священника Павле: «Нет на этом свете таких язв и недугов, против которых не было бы лекарства, только перед блажью и самоуправством царя бессильны все мази, припарки и заговоры».

Правителем Грузии турки посадили некоего Исака-пашу, который, как и все тираны, стал натравливать братьев друг на друга, чем вызвал гибельные для страны распри.

О беспощадном разгуле турецких орд в стране повествует с болью сердечной Иасе Тлашадзе: «...Не всходит больше солнце в Картли, небо заволочло тучами и туманом, турки умывают руки кровью грузин».

Петр I и не стремился оказать помощь изгнанному из Грузии Вахтангу и надежно затворил перед ним ворота своей столицы. Петр хорошо понимал, что содержание стольких знатных людей, прибывших на неопределенное время, тяжелым бременем ляжет на казну. Губернатор Астрахани Волынский без ведома царского двора обещал Вахтангу визу на въезд в Петербург, но в докладе, отправленном в Петербург, он отметил: «Хотя он и бедствует, но не оставляет своей гордости и заявляет царские претензии». А Петр предполагал так: «Поселю его со свитой где-нибудь в Сулаке, и границу мне укрепят, и сами обживутся...». Хотя право на въезд в столицу было дано, грузинам не пришлось увидеть Петербурга, и они поселились в Москве. Русская царская казна на протяжении десяти лет кормила грузин, бежавших со своей родины (хотя этой милостью и достаточно явно их попрекала). Следует подчеркнуть, что христианское милосердие тут ни при чем. Царская Россия надеялась с успехом использовать Вахтанга в дипломатических и военных спорах с Персией. Однако молниеносное возвышение Надир-шаха оставило всех в дураках. Это событие еще раз повернуло колесо судьбы царя иверов.

По мнению некоторых грузинских исследователей, поэт именно в Ламискане впрягся в семейное ярмо, на первых порах желанное, а затем быстро наскучившее ему. Историю любви поэта одни окутывают в небесно-платонические покровы, другие вовсе обходят ее. Предметом его самозабвенной любви считают дочь дворянина Гараканидзе, на которой Давид женился чуть ли не в шестнадцатилетнем возрасте.

Когда возмужал я, тогда и сбили меня
с толку,
Повстречал красивую женщину, стал
миджнуром...

ЛЕЗГИНСКИЙ ПЛЕННИК

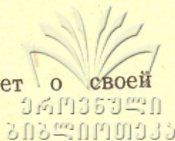
*«Всячески усиливались уловить меня, как птичку,
враги мои, без всякой причины». (Плач Иеремии).*

Начинается второе действие драмы: Давид Гурамишвили был пленен лезгинами.

Ламискана — та самая деревня, откуда был похищен Давид, и именно в этой деревне берет начало его тернистый путь. Если бы похитители знали истинную цену своей жертвы, они связали бы ее крепче, охраняли более усердно и не только не допустили бы побега, но уничтожили бы мечту о нем.

¹ Это тот Иасе Тлашадзе, который последовал за Вахтангом в Россию, затем по своей воле возвратился на родину и сопровождал в Стамбул католикоса Доментия. В поэзии он подражал Руставели, создал историческую поэму «Католикос Бакариани».

Вкусивший невзгод поэт с эпическим спокойствием повествует о своей жизни:

Расскажу я, как лезгины
Ловко мною овладели.
Разоренный край покинув,
В Ксанском скрылся я ущелье.

В Ламискана жил мой родич.
У него я был при деле:
Наблюдал я за жемами,
Ибо жатвы дни приспели.

В тот роковой день Давид поднялся на рассвете и в сопровождении двух человек отправился в поле, чтобы зарезать корову, барана и свинью — по обычаю полагавшихся жнецам, помогавшим в уборке хлеба. Жнецы должны были прийти издалека, и в ожидании их прихода Давид направился к ручью, чтобы умыться и освежиться. Ружье и саблю он прислонил к стволу дуба, и когда нагнулся к роднику и стал черпать пригоршнями воду, на него напали давно наблюдавшие за ним лезгины.

Рядом тек ручей прохладный,
Лес вокруг стоял стеною.
Человек пятнадцать пеших
Там охотились за мною.

Прислонил я саблю к дубу
И ружье, что взял с собою.
И пошел, себе на горе,
Освежить лицо водою.

Лезгины внезапно выскочили из засады, связали Давида и направились лесом в сторону Унцукуля.

По тропинкам, по трупобам
За сто гор меня угнали.
Проливал я слез потоки,

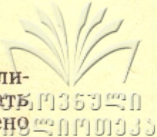
Изнывал я от печали.
Ел, давясь, баранье сало,
Пил отвар из-под хинкали.

Времена были тяжелые и мрачные: охота за людьми, работорговля у некоторых кавказских народов считались почетным и похвальным делом, и поэтому это позорное ремесло имело достаточно последователей. Кто обладал крепкой рукой и решительным нравом и мечтал стать настоящим джигитом, собирал вокруг себя банду из нескольких головорезов и обрушивался на своих собратьев или ближайших соседей. Жертвой одного из таких набегов стал и Давид Гурамишвили. Нам неизвестно, сколько мук и унижений перенес пленник по дороге в Унцукуль. «Горе мне! Зачем не умер я от горьких этих мук!» — восклицает поэт, вспоминая об этом много лет спустя, ибо в момент похищения ему было не до слез и стенаний. Видимо, похитители по одежде и оружию пленника заключили, что за него они получат богатый выкуп. Некоторое время они ждали, когда объявятся родичи похищенного, но тщетно. Не справлялся о пленнике, и ему неоткуда было ждать спасения. Сидел он в темной яме, тоскуя по дневному свету и мужественно снося невзгоды. «Всевышний, наверно, покарал меня за первородный грех людской», — думал Давид, ибо не знал за собой проступка, достойного столь суровой казни.

В истории Дагестана Унцукуль или Осокол, как называли его грузины, во времена Давида не был ничем примечателен. Название этого аула через сто лет станет известным России и просвещенной Европе. Судьба этого аула подтверждает справедливость известной фразы Наполеона о том, что деревня приобретает известность только тогда, когда вокруг нее развернутся большие сражения. Унцукуль нам известен как исходная точка долгого и тернистого пути Давида Гурамишвили, как тяжелый перевал в его судьбе. Когда исследователи касаются пленения поэта, они справедливо обращают свое внимание на события более позднего времени, связанные с именем Ильи Орбелиани, брата Григола Орбелиани, генерала царской армии. Лезгинский плен достаточно подробно описан самим Ильей в его мемуарах, которые были опубликованы Георгием Леонидзе.

Обычно лезгины для содержания пленных и провинившихся выкапывали ямы глубиной в два с половиной метра, а то и больше. Эти ямы предназначались для отсидки нескольких узников. От сырости и запаха мочи, пота и нечистот возникало такое зловоние, что находившиеся в яме пленники задыхались, проклинали день своего появления на свет и мечтали о скорой смерти. Трудно придумать более изощренную муку. Сверху ямы были завалены огромными мельничными жерновами, так что дневной свет в них почти не проникал. Из-за этого многие узники лишались зрения. Эта беда не миновала и Давида. Испытания, перенесенные в юности, сказались позднее: к старости Гурамишвили ослеп.

На сидящих в яме надевались колодки, сковывавшие любое движение рук и ног. Над ямой устанавливались караульные будки, которые еще больше затрудняли доступ воздуха, и несчастные узники задыхались. Еду — толкно и

хинкали им бросали сверху, как собакам, а воду спускали мальчишки в глиняной посуде. Ужасы дагестанских ям впоследствии суждено было испытать многим русским военным деятелям, и много печальных мемуаров посвящено пребыванию в горском плену. Пожелтевшие страницы воспоминаний хранят память о перенесенных страданиях: голод, жажда, теснота, зловоние, вопли заживо погребенных, молящих лишь о спасительной смерти. Лев Толстой в своем «Хаджи Мурате» обессмертил ужасы дагестанских ям.

В такой яме сидел и юный Гурамишвили, денно и ночью мечтавший о победе. Однажды вечером в окрестностях Унцукуля поднялся сильный ветер. Ураган был настолько сильным, что даже сидевший в яме пленник почувствовал холодное дыхание стихии. Ветер ворвался и в караульную будку, проник через щели между жерновом, завалившим отверстие ямы, и землей и беспощадно обрушился на беззащитного узника.

Вскоре ветер собрал над Унцукулем грозовые черные тучи. Оглушительные раскаты грома, многократно повторявшиеся и усилившиеся горным эхом, ослепительные вспышки молнии не предвещали ничего хорошего. С неба обрушился такой ливень, словно разверзлись хляби небесные. Дождь лил довольно долго. С гор с ревом устремились буйные потоки, грозящие снести и затопить все на своем пути. К угрожающему рокоту бешено несущихся потоков присоединилось жалобное ржание лошадей, мычание коров, бляение коз и овец, находящихся в хлевах или в открытых загонах. Им вторили собаки лаем и визгом, вскоре перешедшим в заунывный вой.

Заживо погребенный пленник тоже почувствовал приближение стихийного бедствия. Однако вместо страха его сердцем овладела радость. «Наверно, наступит конец и моим мученьям», — думал он, прислушиваясь к грохоту, треску и грому, становившимся все явственней. Давно потерявший всякую надежду узник спокойно ждал приближения смерти. Он молился и просил у господ отпущения грехов. Пока, оторванный от внешнего мира, он раздумывал о том, что происходит снаружи, в яму хлынула вода.

— Все же какая бесславная смерть мне суждена, — подумал он. Отверстие ямы было завалено огромным жерновом, сдвинуть который с трудом смогли бы шесть здоровенных мужчин... У владельца пленного в караульной будке был приспособлен ворот, и при надобности он с его помощью поднимал жернов. И в тот момент, когда жители аула готовы были проститься с жизнью, пред Давидом открылись врата рая. Водный поток повалил караульную будку, рухнувшая крыша упала на ручку ворота, и опустившееся бревно подняло тяжелей жернов. До того как яма заполнилась водой, перед пленником открылось небо. Давид собственными глазами увидел сверкнувшую в тучах молнию, но не поверил в чудо.

Тем временем яма наполнилась водой, и Давид всплыл наверх, поток сначала выбросил его из ямы, а затем понес вниз к оврагу. Давид инстинктивно стал бороться со стихией. Он сразу схватился за оголенные наводнением корни куста и некоторое время держался на поверхности. От холодной воды все тело его заледенело, однако он так крепко впился в узловатое корневище, что никакая сила не смогла бы оторвать его рук. Разбушевавшаяся стихия внезапно унялась, вода спала... И только тогда понял Давид, что беспощадная стихия, которая иногда бывает добрее, чем человек, спасла его, и своим освобождением он обязан природе. «Бегом пустился я с гор Дагестанских». Он знал, что надо скорее покинуть эти места, если он хочет быть свободным. Из его потрескавшихся ступней сочится кровь, но он упорно продвигается вперед в надежде на скорое избавление. Ведь вырвался же он из ада, в котором был заживо погребен! Теперь он надеется на темную ночь. Если он уйдет от погони, то обретет свободу. Враги сначала кинутся к коровам и овцам, когда же они хватятся беглеца, он уже будет далеко, и они не догонят его. Да и кто станет его преследовать в эту темную, непроглядную ночь! Уповав на спасительную темноту, Давид продвигается вперед. Он знает, что ему нужно идти все время под гору. Дагестан расположен высоко, его аулы, разбросаны по склонам Кавкасиона. Родина же Давида начинается ниже Кавказского хребта, поэтому он и стремится вниз.

Стало светать. И когда над головой беглеца, измученного блужданием по горным расщелинам и оврагам, возшло светило, неутомимое в вечной погоне за землей, он с облегчением вздохнул: «Теперь я спасен, легче будет найти дорогу».

Караульные, обнаружив бегство узника, пустились за ним в погоню. Отыскать беглеца было несложно. Опытные тюремщики сразу догадались, что он направится в сторону родных краев. Закованного в колодки беглеца, как хурджин, перебросили через седло, крепко прикрутив к луке, и доставили в таком виде в Унцукуль. На сей раз его поместили в более глубокую и надежную яму. Сам он ничего не чувствовал: когда его ударили по голове дубиной, он потерял сознание. За побег его нещадно избили. Он лежал на дне сырой и темной ямы, обесиленный жаром, исполненный досады и печали.

Обреченный, он просит у бога помощи или смерти, но напрасны были его мольбы: смерть мешкала, а надежды на избавление не было никакой.

Яма была предназначена для содержания нескольких узников, однако Давид и здесь не повезло: в яме он оба раза оказался один. «Как я был в плену лезгинском бесконечно одинок! Безоружному, больному, мне помочь никто не мог», — сетует поэт.

Но физические страдания оказались не властны над любовью поэта к свободе, не дрогнул он и перед жестокой карой, его гордого духа не сломила адская яма. Давид уверовал, что во сне ему явился сам господь и научил, как вырваться из плена. Теперь его не страшат дикительские и злобные стражи. Окровавленными голыми руками он начинает рыть землю под огромным жерновом, покрывающим яму, и роет до тех пор, пока не сбрасывает камня вниз.

С быстротой барса Давид вспрыгнул на камень, выбрался из подземелья и укрылся под пологом тьмы...

Босой, голодный и холодный, без одежды и пропитания, однако воодушевленный удачей и уповающий на бога, Давид пускается в путь.

Бил во мне источник жизни,
Полный влаги желобок,
Ныне там, где был источник,
Хлынул слез моих поток.

Я молил о провожатом,
Чтоб его послал мне бог,
Чтоб враждебную границу
Перейти я, грешный, мог.

Надежда на избавление огнем пылает в его душе и согревает одинокого путника. Доверясь небесным светилам, Давид держит путь на север и ночью подступает к голым, безлесым скалам Дагестана.

Судьба для него отнюдь не святой приговор божий, которому он должен безропотно подчиняться. Вся его долгая жизнь — это непрестанная, упорная, непримиримая борьба за лучшее будущее для себя, своей страны и своего народа. Этому посвящено бессмертное «Давитиани».

Думается, что грузины вообще никогда не были фанатично верующими и слепо благочестивыми. Богобоязненными фанатиками грузины не были и тогда, когда церковное правосудие до небес вздымало жезл несправедливости. Вопрос религии всегда был тесно связан с проблемой национальной независимости Грузии, так что трудно было определить, где кончалось одно и начиналось другое.

Давид Гурамишвили — личность, которая героически встречает испытания и мужественно переносит всякий удар судьбы. Как древний эллин, он спокойно принимает суровый приговор, и если не в силах открыто восстать против всевышнего, то отводит душу в горьких, но справедливых упреках и смело бросает в лицо создателю обвинение и вызов:

«Отчего забыл ты, боже,
О своем голодном сыне?
Коль послал ему ты пищу

Здесь, в неведомой пустыне,
Почему обратно отнял
То, чем он владел огнем?»

Повторный побег оказался более удачным, если можно назвать удачей одинокие скитания больного, голодного и измученного человека. В лезгинском плену он имел хоть толокно и хинкали, а как прокормиться среди голых скал и пустынных оврагов безоружному, изможденному путнику?! К этому следует добавить опасность встречи с дикими зверями, боль в израненных ногах и прочие тяжкие испытания, наполнявшие истрадавшую душу поэта религиозно-астральными переживаниями. Страдания усиливают веру в бога, а любовь к жизни вселяет надежду. В ожидании «божьей благодати» Давид продолжает путь и двенадцать дней блуждает по лесам и весям. Он направляется к северу, надеясь благополучно миновать пределы страны, враждебной христианам. Днем он ориентируется по солнцу, ночью по луне и звездам, но судьба готовит ему новый подвох. Снова поднимается ураган. Гремит гром, небо сплошь покрывается тучами, угрожающе сверкает молния, ослепляя бедного беглеца. С неба сыплет град величиной в куриное яйцо.

Засвистел внезапно ветер,
Застучал о камни град.
Ослепляя взор огнями,
Били молнии подряд.

Негде было мне укрыться,
И, блуждая наугад,
Обмотал тряпьем я темя
И упал, тоской объят.

Но дождь и град вскоре заставляют Давида подняться и искать более надежное убежище. На счастье, при свете молнии он замечает пещеру и спешит в ней укрыться от грозы.

Давид с трудом продвигается вперед, выпавший град доходит ему до щиколоток. Оборванный и босой, он не падает духом. «Шел босой я, но отныне мне

уже не страшно было...». Не страшат его и дикие звери. Кстати, они оказались милосерднее людей и не преследовали несчастного беглеца, не пытались схватить его. Что же касается настоящих преследователей, то их обманул сам Давид. Три дня и три ночи он недвижно лежал в кустарнике, потом выходил только по ночам, а днем продирался сквозь колючки, чтобы скрыться от погони. Одиннадцать дней он передвигался таким образом. За пять дней он съел только семь диких слив. Не евший десять дней, он набрел на кусты неспелого терна и барбариса и кое-как утолил голод.

Беглец с тоской взирает на родные горы, но направляется не туда, куда влечет его сердце. Хорошо сознавая то, что преследователи станут разыскивать его именно на той дороге, он держит путь на север, надеясь там найти свободу и избавление.

...Сверкающий диск заходящего солнца метнул яркие, но уже не дающие тепла лучи в покрытые вечными льдами вершины, чьи алмазные грани ослепительно вспыхнули.

«Как удивительно сияет солнце, — подумал Давид, — уж не свет ли это очищения, божественный вестник смерти?» Беглец поднял к небу печальный взор. Вокруг стояла могильная тишина. Давид радовался избавлению от погони, но теперь его одолевал страх, что он навечно останется в этом царстве льдов. «Может, я напрасно понадеялся на судьбу», — подумал он, и по его телу пробежала дрожь. «Тебе суждено умереть среди вечных льдов», — твердил ему безжалостный голос, но воспоминание о смрадной яме, в которой он столько голодал и мучился, было сильнее страха смерти. «Лучше умереть, добиваясь свободы», — прибодрившись, заключил Давид.

Горделивый Кавкасиони, на который еще не ступала нога человека, источник, питающий горные реки, был окутан неземной тишиной. И без того невыносимый холод еще больше усиливался от морозного вихря. Проклятый ветер угрожающе завывал, и негде было укрыться от его пронизывающего дыхания. Беглец — босой, с непокрытой головой — особенно страдал от холода. Не давали покоя и преследовали мучительные воспоминания. Вот он принок к прохладному роднику, а разбойники-душегубы набросились на него, связали и поволокли за тридцать земель. Бедный путник все глубже погружался в пучину отчаянья и безнадежности. Однако раз он вступил в неравную схватку с этим безмолвным царством холода, то следовало бороться до конца! Давид собрал последние силы, преодолел цепенящий ужас и выбрался из расщелины, дышащей мраком и холодом. Здесь он снова оказался во власти видений. Теперь ему мерещилось, что он спускается по сверкающим склонам Кавкасиони и его, словно призрак, преследует черный ворон: когда беглец останавливался, ворон начинал парить над ним в воздухе. «Моей кончины ожидает эта вещая птица, которая никогда не ошибается в выборе жертвы, вцепится она своими погаными когтями в мое замерзшее тело, и мяса ей хватит впрок», — с содроганием подумал Давид. Однако он принял вызов зловещей птицы и вступил с ней в единоборство. Он как подкошенный упал наземь, притворился мертвым и некоторое время лежал недвижимо. Ворон опустился, сделал над жертвой несколько кругов, в воздухе, потом снова взвился в небо и стрелой полетел куда-то. Давид не мешкая поднялся на ноги, чтобы запомнить направление полета ворона: ведь птицы обычно вьют гнезда вблизи человеческого жилья. Он последовал в направлении, указанном птицей.

Давид молит солнце согреть своими лучами его продрогшее тело, проявить милосердие. Десятки раз обращаясь к божеству-светилу, поэт находит все новые и новые интонации: «Солнце, ты иные звезды затмеваешь неизменно. Я с невидимым тобою не расстанусь в муках плена. Обогрей меня, молю я, уж дрожат мои колени. Не бросай меня в горнило, как негодное полено!».

С истинно поэтическим вдохновением взывает Давид к небесам, просит помощи и поддержки, чтобы не сгинуть в безвестности, на чужбине. Он хочет быть погребенным в родной земле, среди родных и близких. Этот монолог Давида напоминает нам тот эпизод из «Витязя в тигровой шкуре», где Автандил обращается к солнцу с мольбой:

И опять молил он Солнце, проезжая
среди долин:
«Солнце, ты владыка мира, влестелинов
властелин!».

Невольно возникает эта ассоциация с истоками великой грузинской поэзии, кровное родство Гурамышвили с Руставели.

Ты зарю предвосхищаешь,
Предрассветное светило!

Отчего ж во мраке ночи
Ты меня не озарило?

Облегчи мне путь далекий,
И, чтоб сердце не застыло,

Сделай так, чтоб предо мною
Тинатин свой лик явила.

Трудно найти в истории мировой литературы подобный пример бедствий и злосключений, которые пришлось перенести поэту. Босой, голодный, в одной бязевой рубахе, путник брел, стараясь не сбиться с пути.

От шипов моя рубаха
Ободралась постепенно,
Не могли прикрыть лохмотья
Обнаженные колена.

На двенадцатые сутки
Вышел я к большой реке,
И, как зяблик, с перепугу
Затаился в тростнике.

На двенадцатый день он вышел к безлесому берегу реки. Здесь кончались владения лезгин. Затаившись в тростнике, Давид на противоположном берегу увидел людей, они работали на току. У него в сердце зародилась надежда, что, может, хоть на этот раз бог избавит его от постоянного страха («Не найду ли я спасенья в этом мирном уголке»). Однако показаться и заговорить с иноземцами он не решился. Он продолжал прятаться в тростнике и оттуда взирал на землю, в заветном сне обещанную ему богом. Сердце его наполнялось радостью. Через некоторое время на реке показалась лодка, в которой находилось два человека. Лодка направлялась именно в ту сторону, где затаился беглец. Давид замер от страха. Но не меньше испугались и прибывшие, увидев обриту голову беглеца. Они молча поспешили покинуть «опасное место». Дело в том, что Давиду, попавшему в плен, в первый же день прибытия в Унцукуль, по магометанскому обычаю, обрили голову. Лодочники же приняли его за одного из тех охотников за живым товаром, от которых немало натерпелись жители пограничной полосы.

Перепуганный и лишившийся последних сил Давид до рассвета оставался в спасительных зарослях: «Потеряв остаток силы, подкосились в страхе ноги. Уж не мог идти я дальше и залез в камыш убогий...».

Как только забрезжил рассвет, не спавший целую ночь, он продолжил свой путь.

Так я шел и горько плакал,
Тяжкой думою объят.
С покаянною молитвой
Брел вперед и наугад.

Вдруг возник передо мною
Плодоносный дивный сад,
Где сплошной зеленой чащей
Персик рос и виноград.

Голодный и обессиленный беглец не долго думая перелез через ограду, но ему известно, что он забрался в чужой сад.

Хотя поэт с завидной прямоотой и признается в недостаточной образованности («Темен я — псалмы Давида не умею распевать»), но только очень доверчивый и наивный читатель может принять это признание за истину. Подобные уничижительные заявления — отнюдь не редкость среди художников прошлого.

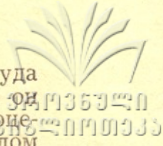
Давид превосходно знает псалтырь, Библию, догматику, ритуалы, теологию. Прекрасно знает, как говорить со всевышним, когда он кается в том, что без разрешения забрался в чужой сад:

Не взыщи за то, что грешен
Пред тобою я опять!
Мне, зловонному сосуду,

Средство дай для очищенья.
Сердце, разум мой и душу
Сохрани от прегрешенья.

За этим следует целая теологическая догматика: «Душа — доброе вино, плоть — зловонный сосуд, плоть пьяна от мирских утех...». И беглец снова низжайше благодарит господу, который, оказывается, путь преследуемого видел заранее.

Так или иначе, но тяжелое испытание завершилось. Творец убедился, что в лице Давида он имеет дело с добрым христианином, и звоном церковного колокола призвал не по своей вине сбившегося с пути блудного сына к алтарю. Вспомним о том, что бедному пленнику даже протяжный крик муэдзина казался приятным для слуха, ибо по этому голосу погребенный в подземелье узнавал о наступлении рассвета и начале нового дня. Но, конечно, совсем другим был для верующего христианина звон колокола! Этот звук воскресил его из мертвых, павший духом воспрял, сердце его радостно забилося. Он выбрался из зарослей и, воин-

стину возрожденный, поцеловал землю, с упованием глядя на церковь, откуда доносился колокольный звон. Наконец, преодолев сковавшую уста немому, он воскликнул: «Вот оно, мое спасенье! Кончен вражеский полон!». Он снова поцеловал землю. Колокольный перезвон — символ веры для него стал символом возрожденной жизни. Трудно представить, что происходило тогда в истрадавшей душе поэта!

Однако еще раз надсмеялся над ним бранный мир. С Давидом, не раз попадавшим в расставленные злой судьбой сети, приключилась настоящая трагикомедия: женские кокошники, «кички», ему показались рогами чертей. Он испугался, не посмел подойти близко и решил выждать в отдалении. Юмористический дар Давида Гурамишвили с особой силой проявляется в этом эпизоде.

Он снова вернулся в сад, наполнил карманы и пазуху фруктами и в ожидании утра забрался в густые тростники.

Комаров взметнулась туча
Надо мною в тот же миг,

И закрылся я руками,
Задыхаясь в гуще их.

Как говорится, нет худа без добра: полчища комаров изгнали Давида из тростника и обратили в бегство. Раздосадованный, доведенный до иступления, он решил: «Ухожу я, кто б там ни был, больше нет во мне терпенья. И вскочил, и быстрым шагом устремился я в селенье». Торопливо шагавший по дороге Давид заметил крестьян, молотивших на гумне зерно. Давид вспомнил несжатую полосу в Ламискана, и сердце его горестно сжалось. Но сейчас было не до сетований и вздохов. Давид же мешкая подошел к крестьянам («у любого под рубахой крестик маленький светился»). Легко себе представить, какое впечатление произвел на мирных поселян оборванный беглец, изголодавшийся, изможденный, грязный. Они приняли его за нищего и подали ему «хлеба». По этому слову Давид понял, что добрался до России, он не помнил себя от радости. Но лучше послушаем его самого:

«Лазарь, дай-ка парню хлеба!» —
Кто-то, сжалившись, сказал.
Слово «хлеб» слышав ухом,
Я, как лист, затрепетал,

Закачался на ногах я,
Пшатнулся, застонал
И, как рухнувшее зданье,
Обессиленный упал.

Вырвавшийся из когтей беспощадных разбойников, чудом спасшийся от голодной смерти, случайно уцелевший от клыков хищников и мрака пропастей беглец наконец попадает к своим собратьям-единоверцам. Он плачет от счастья, не стесняясь своего убожества, обнимает незнакомых людей и целует крест — символ веры и братства.

С бесподобным мастерством поэт описывает свое состояние.

Слово «хлеб» я знал по-русски,
Слышал я его и ране.
Услышав его, я понял,
Что на русской я окраине.

И душа, забыв о муке,
Погрузилась в ликованье,
И, как сноп, я там на землю,
Повалился без сознания.

К многострадальному пришельцу на помощь пришли русские крестьяне и выходили его. Давид бесконечно благодарен своему спасителю и сравнивает его с родным отцом. Поэт с искренним чувством говорит о заботе, проявленной о нем русскими людьми, об их внимании, обходительности, отзывчивости, гостеприимстве и сердечности.

Только теперь Давид окончательно убедился, что он спасен:

Был казак в селенье этом,
Мне ниспосланный судьбою.
Как родной отец за сыном,
Он ухаживал за мною.

Обнял он меня с любовью,
Оросил мне грудь слезою,
Толмача Январу — пшава —
Разыскал, привел с собою.

Как явствует из поэмы — пшав Январу давно перебрался на север, овладел русским языком и подружился с казаками. С его помощью казаки завели с Давидом дружескую беседу, расспросили, кто он и откуда, где находится Ламискана.

В окрестностях Терека в это время селилось много грузинских беженцев. Вероятно, поэт посетил и их, однако он не останавливается на этом подробно, а скажу, всего в трех строках рассказывает нам, куда направился дальше: «Расскажу теперь я вкратце, как я с Тереком расстался. Прибыл я в Сулак сначала,

в Астрахань потом подался. С Волги я к царю Вахтангу до Москвы с трудом добрался».

Когда произошло и как долго длилось его пленение?

Исследователи согласны лишь в одном: плен был недолгим. Это мнение можно подтвердить еще и тем, что лезгины вообще пленных у себя надолго не оставляли. Если их не выкупали, они угоняли их на невольничий рынок в Стамбул или Алеппо. И сам Гурамишвили говорит, что его торопились продать. Пленение произошло летом, видимо, в июле. Хлеб уже созрел, поскольку для его уборки были наняты жнецы, а побег из плена Давид совершил в конце того же лета: на исходе августа или в начале сентября. Поэту в пути попадаются барбарис, ткемали, терн — ими он питается. Сведения небогатые, но если в них вдуматься, то придем к следующему выводу: в горах, в альпийской зоне барбарис и ткемали можно встретить именно в конце августа — начале сентября. По мнению академика Кекелидзе, Давид сбежал из плена тем же летом (в период сбора винограда он уже находился на Тереке).

В каком же году был пленен поэт?

Исследователи склонны думать, что это произошло в 1729 году.

Прибывший в Москву поэт воздаст должные почести Вахтангу и Бакару как грузинским царям, хотя у них и нет царства и они напрасно носят скипетр, корону и царский меч. В их сердцах продолжает теплиться надежда на возвращение. Надежда, обманчивая надежда... Скольким людям изменяла она и обрекала их на погибель!

Когда Давид явился к царскому двору, Вахтанг и его свита уже шесть лет находились в Москве.

Перевод Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ

Продолжение следует

Была такая пустыня...

ПОЛЯ и пастбища
Гаре - Кахетин
(Внешней Кахетин)
довольно велики. Раски-
нутые между Гомборским
горным хребтом, Курой и
Самгори — Уджармой,

они достигают самой гра-
ницы Азербайджана. Некогда здесь, в пустынной безлюдной местности, наши
предки вырубали в огромной скале удивительную обитель Давида Гареджи.

Жители Гареджи и других окрестных деревень — скотоводы и земледель-
цы. Щедрая черноземная почва и здоровый климат здешних мест издавна при-
влекали сюда хлеборобов, виноградарей и в особенности овцеводов. Однако
всем им мешал один существенный и непреодолимый до последнего времени
недостаток: местность была не просто засушливой — безводной. И до той не-
давней поры, пока не провели сюда пятидесятикилометровый водопровод, воды
не хватало не только для полива грядок лука, но и попросту для утоления жаж-
ды. Одним словом, кроме радующего взор и слух путника маленького родника,
который появился два года назад благодаря стараниям зоотехника Отара Ча-
латашвили, ныне — заместителя директора совхоза, питьевой воды здесь не было.

Отсутствие воды очень мешало заселению и освоению этих земель. Бес-
крайние поля использовались главным образом как пастбища для рабочего ско-
та и овец, да и то лишь частично. И поныне здесь немало неосвоенных плато,
склонов холмов и гор. В высокой по колено траве не сыскать не только дорог,
но даже и тропинок. Лишь опытниейшие пастухи по признакам, известным им
одним, благодаря врожденной интуиции ориентировались в этих полях и водили
по ним отары.

Казалось бы, что изменилось за прошедшие десятилетия! Те же поля, те
же холмы, низины, необъятные просторы... Но!.. Но произошло одно знаме-
нательное событие: на пастбища пришла вода! Пришла и принесла с собой боль-
шую жизнь.

Недалеко от Сагареджо, правее русла реки Иори, необозримым кружевом
покрывает землю сеть оросительных каналов, по которым струится вкусная
иорская вода. По правую сторону оросительной системы начинается зона паст-
бищ и хлебных полей, по левую — тянутся сады, огороды, виноградники, ис-
кусственные лесозащитные полосы. По соседству с садами и виноградниками —
огромные животноводческие фермы, на которых разводят ценные породы ско-
та. Они располагаются в окрестностях районного центра, иногда у самых дво-
ров сагареджойцев.

Первое, что привлечет ваше внимание, если вы отправитесь на пастби-
ща, — широкое шоссе, построенное и введенное в эксплуатацию совсем не-
давно. Это прекрасно спланированное шоссе, пока еще не покрытое асфаль-
том, посыпано золотистым речным песком и щебнем, еще не омывыми дождями

По обе стороны от магистрали в поля отходит множество дорог, по кото-
рым в сухую погоду нетрудно ездить и легковым машинам, и тяжелогруженным
грузовикам. Любая из этих дорог выведет вас к ночной стоянке отар на паст-

бищах. На стоянке, которых здесь много, вы обязательно увидите длинное, невысокое строение, крытое либо шифером, либо черепицей, а то и жестяно, каждое из которых вмещает около пятисот голов овец. В отдельном отсеке помещения для пастухов.

На какую из дорог ни свернули бы вы с шоссе, любая непременно выведет вас к стоянке отар, а продолжив путь по этой же дороге, не разворачиваясь, вы снова попадете на шоссе.

Магистральное шоссе, как говорят местные жители, еще не оделось в «асфальтовый халат», но всех радует, что в первый же год десятой пятилетки «большое шоссе отар» построено, функционирует и, конечно, вскоре оденется в асфальт. На протяжении почти шестидесяти километров тянется оно среди густых душистых трав. Шоссе ровное и прямое. Пересекая по всей длине пастбища, оно приводит к овцеводческому совхозу, расположенному в пустынной местности, а далее, минуя обитель Давида Гареджи, соединяется с руставской и гардабанской дорогами.

— Мы должны быть благодарны за это шоссе труженикам нашего района, — говорит нам заместитель директора овцеводческого совхоза Отар Чалаташвили.

— А кому именно? — интересуемся мы.

— Построено оно по инициативе Сагареджойской партийной организации и ее секретаря Медин Мезришвили. Хорошо продуманная система дорог пробудила от векового сна чудесные земли, подарила нам новые пастбища...

Одна дальняя стоянка с несколькими старыми строениями находилась за сорок километров от Сагареджо. Называли ее «совхозом в пустыне». Эта местность и прежде считалась очень удобной для зимовки скота. Гареджийцы подвели шоссе и к этому пустынному месту.

Идет только второй год десятой пятилетки, а уже все пастбища, вся окрестность Давида Гареджи и даже столь отдаленная, как «совхоз в пустыне», живут новыми делами. Чтобы лучше понять всю прелесть и красоту здешних мест, надо поглядеть на них с вертолета. Окружают стоянки до пяти тысяч гектаров черноземных земель, которые гареджийские пастухи в этом году засеяли кормовыми.

Весной, когда на пастбищах зеленеют травы, на широко раскинувшихся низинах, словно море, волнуются от каждого дуновения ветерка всходы пшеницы, ячменя, овса, кукурузы. Не менее чарующее зрелище являют собой эти места в июле и августе, когда поспевают урожай и наступает пора сенокоса.

Еще недавно безлюдные пустыни теперь выглядят не только обитаемыми, но оживленными. За четырнадцать месяцев неусыпной заботы и трудов гареджийских коммунистов они совершенно изменили облик.

— В этих недавно поставленных финских домах живут служащие совхоза. Запланировано построить еще девять домов, — сообщает нам Вахтаг Хараташвили.

Он только вернулся с дальних пастбищ, куда пастухи на зиму гонят стада. В январе начался ранний окот, вот когда и пригодились прилегающие к стоянкам пастбища...

Минувший год оказался удачным для Вахтага Хараташвили. Он был назначен директором овцеводческого совхоза. Урожай трав выдался небывалый. Некошенные до поздней осени луга неопытному глазу могли показаться небурными полями.

— Товарищ Вахтаг, скажите, пожалуйста, сколько овец в этом году придут на зимовку?

— Зима здесь у нас довольно теплая, это прекрасно знали еще древние обитатели Давида Гареджи. Говорят, святые отцы пригоняли сюда свои отары на зимовку. В этом году гареджийцы пригнали сюда семьдесят одну тысячу голов овец, — рассказывает директор.

— А почему отар не видно?

— А что можно увидеть, стоя у конторы? Да и время для приезда вы выбрали неудачное. В такую погоду отары находятся далеко от стоянок. Сейчас они пасутся в местах, куда трудно провести их в снежное время. Труднодоступные пастбища должны быть использованы в хорошую погоду. Если хотите увидеть наших пастухов и овец здесь на стоянке, приезжайте в плохую погоду. А сейчас пожалуйте в машину.

...И мчитса машина. Через каждые два-четыре километра — рассыпанные по пастбищам овцы, поблизости — невысокие строения. Вот на сухом пригорке с закинутым на плечо посохом стоит пастух. Зорко глядит он вокруг.

ничто не ускользнет от его взгляда. Невдалеке ржет оседланный конь, слышно по лают овчарки, словно требуют пропуски, иначе и близко не подойди!

— Здесь у вас всегда так солнечно?

— Отнюдь нет, — улыбается директор. — Видели бы вы эти места в холодную пору. Снег часто до колена. Нередки и бураны.

— А чем вы будете кормить семьдесят одну тысячу голов, когда трава окажется глубоко под снегом?

— В таких случаях мы переходим на заранее заготовленные корма, — отвечает Хараташвили. — Овцы хорошо обеспечены кормами, несмотря на то, что в этом году здесь впервые зимуют отары всего района. Мы заготовили четыре тысячи четыреста тонн сена, тысячу триста тонн соломы, три тысячи тонн сенажа, около тысячи семисот тонн силоса, пятьсот тонн концентрированных кормов. По нашим расчетам и исходя из опыта прошлых лет, кормов у нас столько, что их хватит с избытком при любой затянувшейся непогоде.

— А сколько человек обслуживает все стойки?

— У нас работают до четырехсот пастухов.

Мы собирались порасспросить директора о том, где и как питаются пастухи, есть ли у них тепличное хозяйство, как вообще им живется, но он нас опередил:

— Давайте-ка поглядим теперь на наш новый «город» — город животноводов.

— Город животноводов? А где он находится?

— Взгляните на равнину, заключенную между этими холмами. Видите — виноградники, сады, огороды, дальше искусственно насажденные леса, а вон там, — он указывает рукой, — двух-, трех-, четырехэтажные дома... В нашем «городе» будет жить около трехсот семейств, есть школа, дом культуры, кино-театр, автостанция. И если вы прислушаетесь, услышите, как шумит в трубах вода, наполняя водохранилища..

Мы смотрим, но видим лишь аккуратные финские домики, рассыпавшиеся у подножий холмов.

— Но где же этот зеленый уютный город?!

— До конца пятилетки город будет. Фактически он уже существует, — говорит Вахтанг, указывая на финские домики.

Что ж, мечта начала претворяться в жизнь. Год спустя здесь, видимо, мало что останется без изменения.

36936930
170133

**Критика и
литературоведение**

РОМАН Чабуа Амирэджоби «Дата Туташхиа» — значительное явление в грузинской литературе семидесятых годов. Он ввел в нее высоконравственного героя, общечеловеческие идеалы которого нам особенно близки и понятны. Роман отличает острый, мастерски построенный сюжет, который держит читателя

в напряжении с первой до последней страницы. Видимо, именно все это и делает нравственные поиски Дата Туташхиа опытом читателя, у которого этот роман вызвал большой интерес.

Ниже мы приводим беседу критика Кобы Имедашвили с автором романа «Дата Туташхиа» Чабуа Амирэджоби.

«ДЕЛИТЬСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ И НОВЫМ...»

КОБА ИМЕДАШВИЛИ: — Чабуа Ираклиевич, я помню Ваши первые рассказы, но не знаю некоторых предпосылок, обусловивших их появление. Расскажите о первых Ваших шагах в литературе, о том, кто направлял Вас и стоял рядом?

ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ: — Моим литературным дебютом был маленький — на одиннадцати машинописных страницах — рассказ «Почему ты не повременил», который я отнес в «Мнатоби» Арчилу Сулакаури.

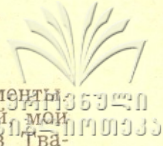
На вопрос: когда мне прийти за ответом, — он сказал: «Через две недели». Потом взглянул на рассказ, увидел мою фамилию и, встав, собираясь уходить, спросил: «Вы который Амирэджоби?».

Я пожал плечами, улыбнулся. Арчил сел за стол и так внимательно начал читать, что даже забыл обо мне.. Прочитав рассказ до конца, какие-то места просмотрел еще раз и, помолчав, сказал:

— Да ты, брат, оказывается, писатель! Подожди здесь немного. Забрав рассказ, он вышел. Минут через сорок вернулся с резолюцией покойного Симона Чиковани на оригинале: «Опубликовать в первом номере». Это было в январе 1960 года.

К. ИМЕДАШВИЛИ: — Ваш роман «Дата Туташхиа» оказывает на читателя очень сильное влияние. Более того, эта книга довольно активно навязывает ему свою философию, свою мораль, свои концепции. Каково Ваше мнение об этом произведении как читателя? Думаю, этот вопрос Вас не удивит. Ведь истинный творец в то же время должен быть самым строгим ценителем своего создания. Так как же Вы относитесь к реакции читателя на Ваш роман?

Ч. АМИРЭДЖИБИ: — Я ждал успеха «Дата Туташхиа», но такого — нет. Это имеет свое объяснение. Я никогда не делаю секрета из того, над чем ра-

ботаю, и с удовольствием даю читать другим даже незаконченные фрагменты. В частности, в процессе работы над романом помимо случайных читателей мои ближайшие друзья — покойный критик Нодар Чхеидзе, писатель Реваз Тварадзе и художник Реваз Тархан-Моурави — знакомилсь со всем, что я им предлагал. Их интеллекту, вкусу и чувству меры я вполне доверял, и наши взгляды на роман полностью совпадали. И все же я испытываю некоторую неудовлетворенность, ибо считаю, что, разрабатывая такую проблематику и на таком литературном материале, можно было сделать значительно лучшую книгу. Но, как говорится, что есть — то есть.

К. ИМЕДАШВИЛИ: — Из всех современных грузинских писателей у Вас, наверное, одна из наиболее сложных биографий, насыщенных драматическими событиями. Чтобы не дать повода для обиды кому-либо, тут же отмечу, что в данном случае имею в виду внешний драматизм явлений. Вам хорошо известно, что, даже не выходя из дому, можно преисполниться шекспировскими страстями. И все же думаю, что Ваша биография в определенной степени предопределила те или иные действия Ваших героев. Интересно, что бы Вы сказали о характере этой взаимосвязи. Но только, пожалуйста, не думайте, что во мне заговорило любопытство обывателя. Как литературоведа, меня интересует процесс трансформации конкретного факта, биографии писателя, любого личного явления в художественную реальность.

Ч. АМИРЭДЖИБИ: — Можно сказать, что неопровержимой истиной признано определяющее значение жизненного опыта автора. Источником же этого опыта считали сложную биографию. По моему мнению, такой взгляд несколько преувеличен. Любая биография обогащает опытом лишь тогда, когда человек наделен способностью видеть явления, воспринимать их, анализировать, обобщать и делать нужные выводы. Жюль Верн всю жизнь провел в своем рабочем кабинете. Его опыт почерпнут из книг. Но по сей день он является любимым писателем миллиардов читателей. Лев Толстой никогда не был в заключении, но с беспощадной правдой написал о встрече в тюрьме Масловой и Нехлюдова. Опыт, конечно, обязательный фактор, но его можно приобрести, имея любую биографию, при наличии у человека перечисленных выше качеств.

Биографическое сходство автора и его героев — явление обычное. Всегда лучше писать о том, что знаешь досконально.

К. ИМЕДАШВИЛИ: — Несколько вопросов, касающихся Вашей творческой лаборатории: как работаете, где, в какое время? В какой последовательности и как писался роман «Дата Туташхиа»?

Ч. АМИРЭДЖИБИ: — У меня нет какой-либо определенной системы работы. Недавно просидел дома десять дней, проработав 160 часов. До этого целый месяц не подходил к рабочему столу. Когда пишется, не считаюсь ни с какими обстоятельствами — работаю и ночью, и днем. Но меня не беспокоят неожиданные отвращения, когда кто-нибудь или что-нибудь вынуждает прекратить работу. Пожалуй, ничего не удавалось написать в один прием. Обычно начинаю писать, когда уже все видится в целом. Пишу кусок, который в данный момент интересует и доставляет удовлетворение. «Дата Туташхиа» писался кусками, без какой-либо последовательности. Когда считаю, что все написано, приступаю к работе над композицией, ищу наиболее верное расположение материала. Процесс подгонки, переделки, сокращения и дополнения — самая трудоемкая, сложная и кропотливая работа.

К. ИМЕДАШВИЛИ: — В роман включены предваряющие главы эпитафии, стилизованные под древнегрузинскую летопись и создающие его мифологический план. Как возник этот текст о символическом герое Туташха?

Ч. АМИРЭДЖИБИ: — Необходимость эпитафий почувствовал, только когда книга уже почти была закончена. Почему-то все время казалось, что без них основная идея романа не обретет для читателя обобщенного характера. Впервые я эти свои опасения высказал Тархан-Моурави. Но он не согласился со мной. С сомнением отнесся к моему мнению и Тварадзе. Но когда я прочел первые два эпитафия, оба согласились, что они необходимы. Это ободрило меня, и я написал еще три эпитафия, а потом все пять включил в книгу.

К. ИМЕДАШВИЛИ: — В «Дата Туташхиа» чувствуется удивительная гармония между именем героя и его характером. История литературы знает различные принципы выбора имени героя. А как «крестили» своих героев Вы?

Ч. АМИРЭДЖИБИ: — Подбор имени героя для меня чисто подсознательное явление. Когда характер того или иного, даже второстепенного героя ясен до конца, на ум приходит сразу же несколько имен. При их подборе обращаю внимание на фонетические данные, иногда предпочитаю аллитерацию, иногда —

лаоборот. В ходе поиска имени героя подсознательно ищешь фонетический, если можно так сказать, музыкальный адекват его характера.

К. ИМЕДАШВИЛИ: — Ваш роман — типичный образец нашей литературы семидесятых годов. В нем, как и в ряде других произведений, получили воплощение и развитие тенденции, наметившиеся в ней в шестидесятые годы, характеризовавшие поэзию и прозу того периода, — это и поиски интеллектуального порядка, и выдвигание на передний план этической проблематики, и раздумья над судьбами как личности, так и народа.

В Вашем романе дала о себе знать также одна важная особенность грузинской литературы 60—70-х годов — я имею в виду использование символов или мотивов мифа (следует также сказать, что все это не ново для грузинской литературы; те же тенденции имели место в ней и в 20—30-е годы). Какую роль, по Вашему мнению, играют мифологические или библейские символы, мотивы и модели в современной грузинской литературе?

Очевидно, здесь же следует напомнить, что все сказанное выше характерно и для современного мирового литературного процесса, и грузинская литература не стоит в стороне от него, хотя и в этом отношении проявляет себя по-своему. Как эта тенденция сказывается в «Дата Туташхиа»?

Ч. АМИРЭДЖИБИ: — Любимый миф, прежде всего, обобщенная действительность. Миф о святом Георгии, как известно, символ самопожертвования ради народа, принесения себя в жертву ради других, во имя победы справедливости.

Сам Дата Туташхиа и другие герои романа были задуманы трехплановыми образами: личность — народ — человечество. Это так называемые обобщенные художественные образы. Для большей выразительности в романе параллельно с основным сюжетом я использовал также обобщенный образ святого Георгия. Это — известный прием в литературной технике. В «Дата Туташхиа» интерпретированный мной миф святого Георгия я разделил на пять частей. Первая часть параллельна общей проблематике. Каждая глава имеет свой эпиграф. В этих частях мифа динамика характера мифологического героя Туташхиа совпадает с динамикой главного героя романа.

К. ИМЕДАШВИЛИ: — На мой взгляд, «Дата Туташхиа» принципиально отличается от Ваших рассказов. Я имею в виду не качественное отличие, а иное — художественное мышление. Видимо, рассказы явились своего рода подготовкой к роману. Хочу, чтобы Вы хотя бы кратко остановились на роли этих рассказов в Вашей творческой биографии, на том, как сказались на Вас работа над «Дата Туташхиа». Ведь в течение десятилетнего периода создания романа Вы общались с интереснейшими людьми — его персонажами.

Ч. АМИРЭДЖИБИ: — Почти в течение десяти лет до того, как я взялся за перо в качестве профессионального литератора, художественная литература интересовала меня главным образом с точки зрения литературных приемов. В ходе такого чтения я осваивал их, так как у меня не было навыков их использования, не было профессионализма. Мои рассказы, в основном, относятся к тому периоду, когда я только овладевал ремеслом, если угодно, учился писать. В каждом из моих рассказов нетрудно заметить, что меня интересует какой-либо один или два приема. Этот так называемый подготовительный период завершился тремя-четырьмя, говорят, неплохими рассказами: «Мой дядя сапожник», «Бадейка дяди Шота», «Исповедь быка» и «Георгий Бурдули». После этого я счел себя достаточно подготовленным для работы над большим произведением и начал писать «Дата Туташхиа». Это было в 1964 году. Писал десять лет. Одновременно работал, но это не мешало мне — задуманное воплощалось.

Когда писатель работает над большими, сложными проблемами, это значит, что он еще раз и очень тщательно проверяет то, что знает, ищет то, чего не знает, и за всем этим следует переоценка некоторых ранее признанных ценностей. Конечно, работа над «Дата Туташхиа» многое изменила во мне — и как в писателе, и как в человеке.

К. ИМЕДАШВИЛИ: — «Дата Туташхиа» — роман с весьма сложной структурой; это затрудняет его жанровое определение. Именно поэтому в альманахе «Критика» было высказано несколько противоположных мнений об этом произведении. По-моему, «Дата Туташхиа» — роман-парабола, поскольку его главные герои (Дата, Мушни, Сегеди) и эпизоды не однозначны, они всегда имеют переносное значение, указывая на «другую» действительность. Следует также отметить, что отдельные герои романа пользуются известной автономностью, их характеризуют самостоятельные философско-этические концепции. Благодаря всему этому «Дата Туташхиа» приближается к полифоническому роману, блестящие образцы которого создал Достоевский.

Ч. АМИРЭДЖИБИ: — Романистика сама является одним из жанров художественной прозы, и я не думаю, чтобы определение «роман-парабола», «роман-полифония» или какое-либо еще были бы исчерпывающими. Но они характеризуют произведение. В рамках того или иного литературного жанра могут быть созданы и создаются сочинения, для которых характерны, например, параболность, полифонизм, документальность, символика или некоторые из перечисленных здесь признаков, а то даже и все. Естественно, писатель не может заведомо задаться целью оснастить произведение этими характеризующими его признаками. Его задача — создать художественный адекват моделируемой действительности, и для достижения этого пригодны все элементы литературной техники, при условии соблюдения чувства меры и вкуса.

Если роман читается как обобщение: личность — народ — человечество, прошлое — действительность — будущее, можно сказать, что его характеризует параболлизм. Если же он содержит противоположные, автономные характеры, объединяющиеся в контрапункте, роман характеризует и полифонизм. И такие признаки можно искать бесконечно.

К. ИМЕДАШВИЛИ: — «Дата Туташхиа» пользуется большой популярностью. Его заповсем читают и 14—15-летние юноши, и старики, перевалившие за 70, — люди разных вкусов, разной подготовки и жизненного опыта. Конечно, их привлекает в романе не одно и то же.

Правда, популярность книги не всегда бывает вызвана ее высокими идейно-художественными достоинствами. Известны случаи, когда блестящие образцы литературного творчества никогда не были популярны. Признание, которое получил «Дата Туташхиа», — тот случай, как мне кажется, когда читатель не ошибся.

Резонанс романа настолько широк, что перешагнул сферу чисто литературную. Роман экранизирован, и первые серии уже сняты. Но экранизация — процесс, в ходе которого литературное произведение зачастую утрачивает ряд своих достоинств, и с этим писателю, видимо, приходится смириться. Я смотрел четыре серии семисерийного телевизионного фильма, который скоро выйдет на экраны, и они мне понравились. Каково Ваше мнение о нем?

Ч. АМИРЭДЖИБИ: — Называя ту или иную книгу хорошей, подразумевают соответствие ее содержания форме. Иными словами, то же содержание в другой форме обрело бы иные качества. Отсюда и потери при экранизации, которые, естественно, имеют место и в экранном варианте «Дата Туташхиа». Но к чести режиссеров-постановщиков Лордкипанидзе, Габескирия и всей постановочной группы фильма надо сказать, что эти неизбежные потери сведены до минимума. Четыре снятых серии получили высокую оценку заказчика, специалистов и присутствовавшей на просмотрах общественности. У меня как автора романа и сценария имеются определенные замечания, но в целом фильм мне нравится. Нравится режиссура, работа художника-постановщика Кахи Хуцишвили, оператора-постановщика Левана Намгалашвили, изысканная музыка наших известных композиторов Джансуга Кахидзе и Бидзины Квернадзе. Хотя, пользуясь случаем, хочу заметить, что песня Нано меня не удовлетворяет: видимо, для этого фильма песня-соло неорганична. Хотя картина еще не закончена, право на одно пророчество все же оставляю за собой: это будет значительное достижение грузинского актерского искусства.

К. ИМЕДАШВИЛИ: — В грузинской критике и литературоведении утвердилось мнение, что грузинская литература 60—70-х годов (и не только грузинская литература) качественно отличается от литературы предыдущего периода. Но существует и другая точка зрения, противоположная сказанному выше. Каково Ваше отношение к этому вопросу?

Ч. АМИРЭДЖИБИ: — Книга, художественная литература сопутствуют мне с детства. В пятнадцать-шестнадцать лет я, можно сказать, был уже квалифицированным читателем. Прочитав рассказы Гурама Рчеулишвили, «Я, бабушка, Илико и Илларион» Нодара Думбадзе, «Волны стремятся к берегу» Арчила Сулакаури и первые произведения других писателей шестидесятых годов, я убедился, что отношение авторов к объектам отражения существовало иначе, и в грузинской прозе намечался качественно новый этап развития. Хотя это вопрос очень сложный, я все же попробую высказаться на этот счет. Мне не раз приходилось присутствовать на дискуссиях и беседах, где одна сторона придерживалась мнения, что грузинская проза шестидесятых годов качественно отличается от ее более раннего периода, а другая утверждала — качественное отличие означает новое литературное течение. Зарождение новых литературных течений происходит только после больших социальных преобразований. Поскольку таковых за последние 50 лет не происходило, рождение новых ли-

тературных течений исключено. Эта мысль, на мой взгляд, содержит несколько демагогических оттенков. Во-первых, качественное отличие не означает нового течения. Во-вторых, за последние десятилетия произошли большие социальные сдвиги. В-третьих, оппонент пользуется запрещенным приемом, стараясь втянуть противника в спор, в котором без предварительной и специальной подготовки разобраться действительно трудно.

К. ИМЕДАШВИЛИ: — Судя по Вашим же словам, «Дата Туташкна» отнял у Вас много творческой энергии. Немало сил пришлось потратить Вам и на экранизацию романа, которая еще не завершена. Много времени и энергии потребовала также работа над его переводом на русский язык, который Вы сами и осуществили¹. Недавно отрывок из романа был переведен на польский язык и напечатан в Польше. Видимо, он будет еще переводиться и на другие языки, что неизбежно займет у Вас определенное время. Но ведь наступит же миг нового творческого наполнения, когда художник не может больше молчать. Что будет тогда? Если не секрет, скажите, какие цели и желания видятся Вам в будущем?

Ч. АМИРЭДЖИБИ: — Помню, в первые годы своей писательской деятельности у меня произошел такой диалог с одним писателем:

Я: — Почему Вы пишете?

ОН: — Для умиротворения. Что-то накапливается и беспокоит. Напишу и успокоюсь.

Я: — Неужели одно только стремление добиться умиротворения и заставляет писать?

ОН: — А что еще?!

Я: — Желание поделиться с другими своими мыслями.

ОН: — Значит, Вы пишете для того, чтобы навязать другим свои взгляды?

Я: — Хотя бы и так! Если Вас заставляет писать жажда умиротворения, то после завершения произведения положите написанное под подушку и живите спокойно!

А я отношусь к числу тех людей, по глубокому убеждению которых писатель должен поделиться с читателем чем-то новым, значительным или чем-то увиденным им с новой точки зрения. Пишу новый роман, и если написанная мною книга ответит этим требованиям, свою задачу я буду считать выполненной.

К. ИМЕДАШВИЛИ: — Хочется пожелать, чтоб эта Ваша позиция всегда наполняла Вас энергией, вдохновением и жаждой писать новые книги, которые ждет от Вас читатель.

Спасибо за беседу.

¹ См. журнал «Дружба народов», №№ 11, 12 за 1976 год и №№ 3, 4 за 1977 год.

НОВЕЙШАЯ РЕФОРМА ГРУЗИНСКОГО СТИХА

В КОНЦЕ XII века, когда на фоне церковной поэзии и одописания поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в силу своей версификации, системы поэтических образов и всей структуры явила новый тип поэзии, обозначился резкий поворот от обычного пути эволюционного развития грузинского стиха.

В XVIII веке многовековое господство руставелевского стиха было нарушено Давидом Гурамишвили, который, разорвав кольцо эпигонства, обогатил грузинский стих легкими напевами народных песен, еще не известными тогда версификационными формами.

Третью реформу грузинский стих пережил в первой половине XIX века, когда поэзия Николоза Бараташвили стала прямой реакцией на искривление магистральной линии версификации, на засилье восточных мелодий. Приобщившись к новой, передовой европейской культуре, поэт наметил перед грузинским стихом новые перспективы.

Три больших поэта второй половины XIX века — Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели и Важа Пшавела первоначально встали на путь, проторенный двумя ближайшими реформаторами. Доведя до конца начатую Д. Гурамишвили демократизацию стиха, они сделали высшим назначением поэзии приближение ее стихотворных форм к жизненным потребностям народа.

Только самый молодой из них — Важа Пшавела украсил свои изумительные видения, свои общечеловеческие думы и идеалы жемчужинами, рассыпанными в горском фольклоре.

До начала XIX века у истоков грузинского стиха стояла эта «святая троица». В 90-е годы прошлого столетия самый популярный в Грузии того времени поэт А. Церетели создал даже свою школу. Поэзия же Важа Пшавела в то время еще не была настолько понятна литератур-

ной общественности, чтобы оказать влияние на развитие грузинского стиха.

Путь, пройденный им с самого начала вплоть до конца XIX века, широко рассмотрен мной в очерке «Пути развития грузинского стиха», опубликованном в № 4 этого журнала за 1973 год, поэтому не буду останавливаться на этом вопросе.

На арене грузинской поэзии в первом десятилетии XIX века действуют три поколения. Бок о бок со старшим поколением встала революционно-демократическая школа. Одновременно первые неуверенные шаги делают И. Гришашвили, А. Абашели, Г. Табидзе.

С самого начала все три поколения поэтов находились в одном поэтическом русле. Поэты революционно-демократического направления были взращены на лирике И. Чавчавадзе и А. Церетели. Назревание революционной ситуации придало их поэзии больше политической остроты и пафоса; хотя поэтическое слово и обрело функцию оружия борьбы, структура стиха в основном осталась неизменной. Поэты нового поколения, появившихся на арене в конце 90-х годов прошлого века, все еще испытывают влияние школы А. Церетели. Сборники стихов, периодическая пресса той поры, в сущности, дышат эпигонской поэтикой.

Но уже в 900-е годы общественная мысль Грузии приходит к выводу, что в сфере литературного мышления надо идти в ногу с ходом международных событий, обратить взор в сторону новых течений литературы, уже утвердившихся как в Западной Европе, так и в России.

В 1909 году Важа Пшавела переводит «Ворона» Эдгара По. В массовом порядке начинают переводиться на грузинский язык стихи символистов России и Западной Европы, печатаются произведения, механически переносившие технику иностранной поэзии и на фоне того времени воспринимавшиеся как новшество. Во всей своей художественной це-

лостности входит в обиход сонет. Этот процесс обогащения мира грузинской поэзии путем умножения ее выразительных средств в основном обязан двум обстоятельствам. В начале века народно-освободительное движение, перешагнув национальные рамки, соединило и сблизило прогрессивно мыслящих людей и народы. Кругозор грузина стал более широким, на повестку дня встал вопрос необходимости приобщения к новшествам мировой культуры. В 60—80-е годы прошедшего столетия выработанным поэтическим формам, достигшим своего зенита, начало угрожать однообразие, стих подчинил себе дух эпитонства.

Такова ретроспективная картина явлений, подготавливавших фундамент процесса обновления грузинского стиха, подгонявших его.

В 1910—1914 годах грузинский читатель получил несколько стихотворных сборников молодых поэтов. Среди них особенно выделялись первые книги Г. Табидзе, И. Гришашвили и А. Абашели.

Стремление осилить господствующий шаблон в первую очередь выразилось в обращении молодых авторов к прежним традициям. Отчетливо проступили черты личности и поэзии Н. Бараташвили.

Его печальный образ не случайно ассоциировался в стихах Г. Табидзе с его же «Роковым черным вороном». Выход обоих поэтов на литературную арену был подготовлен сходной национально-политической ситуацией.

Безудержное желание разорвать удушную атмосферу, устремиться к свободе, к чему-то недостижимому было передано в стихах Г. Табидзе в стиле и манере Н. Бараташвили.

Некоторые поэты, обратившись к символике Бесики, оживили мотив цветка, как образ любимой женщины из сада печали. Традиции любовной лирики Бесики развил в своих стихах И. Гришашвили.

Для поэзии того времени еще более характерной становится восприятие любви, как прекрасного мучения, когда неразрешимые противоречия сумбурного мира приводят человека к потере веры и он ищет наслаждения в безнадежной любви. Этот мотив, получивший отражение в ранних стихах Г. Табидзе и И. Гришашвили, затем обрел великолепное воплощение в лирическом шедевре Г. Табидзе «Снег» (1916, «Я люблю прикосновение холода и мук любви»).

В его стихах нас восхищает необыкновенно интимный тон, порою вытесняющий описательность из лирики той поры.

Особым новшеством явилась передача переживания посредством магического воздействия музыки. Это было отзвуком требования символистов, к которому органически примыкало направление, ставившее во главу всего музыкальное совершенство стиха. Как следствие этого

возникают самоцельные аллитерации, порой носящие налет формализма.

Значительные изменения претерпевает тропика. Наряду с простыми образами, ставшими шаблонными, создаются оригинальные эпитеты, сравнения, метафоры. Обычными стали символы, условность. Так, в стихах Г. Табидзе тяжелое настроение передано эпитетом **черный** (черная книга, черная буря, черная бодрость). Показательны необычные заголовки первых книг И. Гришашвили и А. Абашели: «Поцелуй мечты» и «Смех солнца».

Для писательской манеры И. Гришашвили характерным становится предельная конкретность, предметность действия («Ну, иди же, поцелуй! Вот так, так! Ах!»).

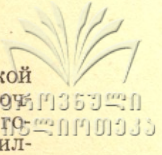
Образы же, созданные А. Абашели, напротив, более абстрактны, лишены конкретно-реалистического содержания, чрезмерно нагружены красками.

Оба пути были новаторскими.

Вышеуказанные изменения в стиле, в художественном осмыслении происходящего, естественно, оказывали воздействие на версификацию, что, в первую очередь, отражалось на внешней стороне стиха, начиная с его графики и кончая композицией. Вместо распространенной строфики появляются двух-, трех- и многострофные строфы.

Обычным явлением стали ломка строк, частая смена размера, каталектика, перебои ритма, возросшее число комбинаций рифмы. Властно входят в поэтическую практику повторы, как основа поэзии вообще. Эти формально-художественные изменения стиха не остались незамеченными литературной критикой того времени. В журнале «Золотое руно» (1913 г., № 5) читаем: «Никогда наш стих не был так обработан в смысле формы, как сейчас». Отдельные представители литературной критики (Кита Абашидзе, Вахтанг Котетишвили и другие) уже в десятые годы ощутили рождение нового стиха, новой поэзии.

Представителями старшего поколения замечен приход новой смены. А. Церетели приветствует появление талантливой молодежи, благославляет путь Г. Табидзе, И. Гришашвили, А. Абашели, не скрывая в то же время своего отрицательного отношения к самоцельному новаторству. Созданные в 1910—1914 гг. отдельные произведения Г. Табидзе («Я и ночь», «Горы Гурии», «Без любви», «Пустыня», «Где?»), И. Гришашвили («Генацвале», «Ты, божество»), А. Абашели («Смех солнца» и другие) служат доказательством процесса неуклонного обновления и коренного изменения грузинского стиха. Поиски новаторских форм и приемов носили в отмеченный период мирный характер эволюционного развития. Старые рубежи укрепляли такие титаны, как Акакий Церетели и Ва-

жа Пшавела. Выросшая под их крылом молодежь не решалась подать голоса. Но все ошутимее становилась невозможность дальнейшего существования этой мирной атмосферы. Неодолимый процесс развития был прерван двумя трагическими событиями, последовавшими друг за другом, — смертью Акакия Церетели (январь 1915 года) и Важа Пшавела (июль того же года). Наступила пора «междоусарствия» в поэзии, которую тогдашняя пресса назвала «литературным трауром».

Если до конца 1914 года в обновлении грузинского стиха принимало участие все поколение, то затем ситуация изменилась. Процесс эволюционного развития неожиданно прервался восклицанием Г. Табидзе: «Мне изменили старые рифмы», ставшим водоразделом между старой и новой поэтикой. После выхода в свет (1914) первой книги Г. Табидзе его стих быстро подвергся перелому. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить внесенное в эту книгу стихотворение «Вчера ночью ветер дул» и опубликованное после ее выхода в свет стихотворение «Какую грустную сказку рассказывал ветер». Различие налицо уже в названиях. Первое — результат обычного, эмпирического восприятия, второе — образец метафорического мышления.

Если в стихотворении «Свечи» (1914) имеются в виду горящие далеко в морском пространстве реальные свечи, на свет которых торопится моряк, то в стихотворении «Свеча» (1915) семантика слова свеча освобождена от реального содержания: «Как знамя я высоко несущу свечу — твою душу, свечу».

Галактион Табидзе осваивает прием переноса качеств и высокое искусство переосмысления скрытых явлений. С позиции такого понимания и умения он и исправляет свои ранее написанные стихи, руководствуясь при этом принципом: искусство не простое приукрашивание реальной действительности, а новая действительность, выросшая из реальности.

В 1915 году Г. Табидзе публикует стихотворение - манифест «Агс роетикე», ставшее в грузинской поэтике того времени сигналом к перелому. Обновление грузинского стиха возглавил сам Галактион.

1914 — 1915 годы были отмечены значительными событиями политического и культурно-литературного характера. Первая мировая война, одевшая в траур многие грузинские семьи, сказала глубокое воздействие на психику человека, заставила произвести переоценку ценностей. В то же время, как общее несчастье, она сблизила народы, создала предпосылку для культурного обмена. Ускорила мировая война, в частности, и освоение тех новшеств, которые в те го-

ды были характерны для европейской поэзии. Этот процесс, начавшийся почти десять лет назад, в 1914 — 1915 годах, неожиданно ускорился и углубился.

В этот же период упрочились контакты грузинских писателей и общественных деятелей с представителями русской и европейской культуры: Тициан Табидзе учится в Московском университете, Паоло Яшвили возвращается в круг мастеров искусств Парижа; тогда же Константин Бальмонт посещает Грузию, где читает лекции и отрывки из своего перевода «Витязя в тигровой шкуре». Грузинская общественность с большим вниманием следит за всеми культурными мероприятиями.

Первый же год войны оказал определенное влияние на грузинских писателей. Сказался он и на лирике, которая, как известно, живет текущими событиями. В силу этого перед поэтами встала задача передачи духовного мира человека, испытывавшего воздействие войны.

К первому поколению молодых поэтов присоединяются будущие предводители группы «голубороговцев» Т. Табидзе и П. Яшвили, появившиеся на писательском поприще в десятые годы. К этому времени они уже по-настоящему подготовлены для служения искусству. 1915 год стал для них вехой, означавшей отход от старого стиля, преодоление бесцветности эпигонского мышления, прямолинейности ритма, слащавой мелодичности, с одной стороны, и упорный поиск новых художественно-выразительных средств в русле европейского модернизма, с другой.

1915 год знаменует начало творческого пути Т. Табидзе и П. Яшвили. Их поэтический образцам недостает еще крепости и аромата настоящего вина. Вместе с тем, они с поразительным постоянством придерживаются в своем творчестве символистского направления, будучи не в силах вырваться из его плена. Полную творческую победу Т. Табидзе и П. Яшвили, так же как и член их группы, в последующем известный советский поэт Г. Леонидзе, одержали в первой половине двадцатых годов, совпавших с установлением Советской власти в Грузии.

Этот же год явился поворотным пунктом на пути поэтического совершенствования И. Гришашвили и А. Абашели. Внимание привлекает яркость поэтических мазков, полет фантазии, взлет версификации у И. Гришашвили, использование густых, темных красок, версификационные эксперименты, повышение удельного веса рифмы у А. Абашели.

Однако все эти качества — лишь отдельные штрихи их поэзии, а не система, способная кардинально изменить направление их творчества.

Этапное значение 1915 года проявилось хотя бы и в том, что в отличие от вышедших на творческую арену в начале века поэтов, ориентировавшихся на поэзию А. Церетели, поколение, пришедшее в литературу в 1915 — 1916 годах (Валериан Гаприндашвили, Колау Надирадзе и другие), начинает действовать уже на новой почве. Минуя поэтическую школу Акакия Церетели, они берут курс на модернизм.

К этому времени стих Акакия уже исчерпал себя. Его школа фактически перестала существовать. Нарастала необходимость обновления грузинского стиха, стоявшего перед новой реформой.

В стихотворении Г. Табидзе «Когда в Цицамури убили Илью» безошибочной интуицией большого поэта уловлены приемы новой литературной эпохи:

**Когда в Цицамури убили Илью,
С ним величавый кончился век.**

Возглавлявший эпоху шестидесятников Илья Чавчавадзе, завершив начатое им дело, выполнил свой долг перед родной литературой. Но после его кончины в 1907 году новая литературная эпоха не сразу вступила в свои права. Еще живы были Акакий Церетели и Важа Пшавела, новые художественные принципы и идеалы еще витали где-то в дымке будущего.

**Настал год восьмой,
Но грядущий пример
Маячил мне тенью
Лишь в снах вожделенных, —**

писал Г. Табидзе.

И все же день кончины И. Чавчавадзе можно считать датой зарождения новой литературной эпохи.

Распространение марксизма в Грузии, развернувшаяся здесь классовая борьба, углубление национального самосознания, широкие интернациональные стремления, свежие литературные веяния вывели грузинских писателей на новый путь развития, в отрыве от которого нельзя рассматривать процесс обновления грузинского стиха. И поэзия, так же как и проза того времени (М. Джавахишвили, Н. Лордкипанидзе и др.), дышит идеями нового столетия, устремляясь в новое стилевое русло.

Стихотворение «Ars poetique» Г. Табидзе, название которого перекликается с известным стихотворением Поля Верлена, созвучно лозунгу символистов «Музыка, музыка прежде всего» (несколько позже Г. Табидзе перефразирует его, выдвинув девиз: «Поэзия прежде всего»). Расширение и углубление этого стихотворения представляет «Вагнер», в котором поэт говорит о прелестях дис-

сонанса. В то же время Галактион воисит в грузинский стих диссонанс как особый вид неточной рифмы и сознательное отклонение от музыкального ряда классического стиха.

Нарушение точности рифмы, ее ритмическая равномерность характеризовали поэзию нового поколения. И. Гришашвили признавался: «Не нравится мне рифма Бесики — «гази» или «рази». Т. Табидзе писал: «Я разбит, как моя рифма».

Расширив границы рифмы, Г. Табидзе вдвинул акустику ее в глубь строки, отшлифовал и возвысил музыку рифмы. Рифма стихотворений «Цветы персика» и «Синие кони» была подобна внезапно налетевшему урагану. Подчинив себе все резервы стиха, рифма шла к освоению всего комплекса его возможностей.

Многообразнее стала ритмика, увеличилось число размеров стиха. Если в своем первом поэтическом сборнике поэт фактически ограничивался несколькими размерами, то 55 стихотворений, написанных в 1915 году, содержат 19 размеров и видов, в частности, гетерометрические размеры (нарушение изосиллабизма) и верлибр, являвшийся в то время новшеством грузинской метрики.

Впоследствии версификационное мастерство Г. Табидзе станет сигналом для метрического обновления всей грузинской поэзии.

Как уже отмечалось, его поэтический язык характеризовался полным персонифицированием. И нельзя не согласиться с утверждением, что «красивые сравнения и метафоры Г. Табидзе возвращают грузинскую литературу к ее лучшим временам». Здесь совершенно ясно сказано и о том, что реакция Г. Табидзе, да и всего нового поколения поэтов в данный период была направлена только против обезличивания стиха и поэтического шаблона того времени.

Именно с целью преодоления трафарета Г. Табидзе и поэты его поколения обратились к богатым традициям национальной поэзии, взяв в качестве ориентира не выявленные потенциальные возможности грузинского стиха. В его кладовых они обнаружили нетронутые ресурсы (в виде ритмических форм, музыкальных красок, языковых художественных конструкций) выявления духовного мира современника.

Период с конца 1914 и в особенности с 1915 года в тематическом отношении явился абсолютно новым этапом в творчестве Г. Табидзе. Именно в это время следует искать истоки множества мотивов, впоследствии развитых и углубленных автором, сделавшихся благодаря этому достоянием не только его, но и всей грузинской поэзии. Один из мотивов творчества Г. Табидзе — присущее

Илье Чавчавадзе своеобразное переживание национальной боли («Опять зазеленели поля и луга, кожу, грущу и сожалею»).

Мотив Мери, представший перед нами в одноименном произведении Г. Табидзе, с новой точки зрения отражал нежную лирику и как путеводитель сопровождал автора на всем его жизненном пути.

В грузинскую поэзию Галактион Табидзе привнес мотив цветов персика, в символике которых подразумеваются страницы кровавой истории. Затем этот мотив обогащается в его новых стихах.

В 1915 году были написаны «Синие кони». Их вечный бег впоследствии становится символом всего творчества Галактиона Табидзе.

Это высокое качество его поэзии — «полностью новая поэтика», которую он внес в грузинский стих и утвердил в нем, не осталась незамеченной критикой того времени.

Таким образом, обновление грузинского стиха, начавшееся «когда в Цикамуре убили Илью», кардинальные изменения, обновившие его внутренний мир, к концу 1915 года вылились в систему на правах стихотворной реформы.

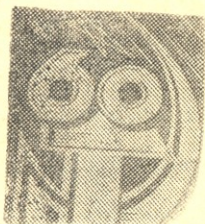
Но на этом процесс дальнейшего развития грузинского стиха, естественно, не приостанавливается. В 1916 году Г. Табидзе обогащает национальную поэзию все новыми и новыми шедеврами, поэтическими штрихами и художественными нюансами. В то же время набирает силу и творческая группировка «голубороговцев», с чьим именем связаны заметные изменения грузинского стиха. Несколько позднее метаморфоза его основы про-

исходит на базе новой, социалистической действительности, и Г. Табидзе предстает в роли основоположника грузинской советской поэзии. Но все это было уже последующим этапом развития грузинского стиха.

С конца 1914 года, когда начал ломаться традиционный стих, до рубежа 1916 года грузинская поэзия сконцентрировала столько ценностей, обрела так много нового, что ее количественные достижения переросли в качественные показатели, позволившие сформулировать это явление как очередную реформу грузинского стиха.

Этот процесс, как уже отмечалось выше, с самого начала подготавливался всем поколением поэтов, но с конца 1914 года роль его знаменосца взял на себя Галактион Табидзе. В этот период его собратья по перу в сущности не могли противопоставить ничего равного такому его лирическим шедеврам, как «Синие кони», «Луна Мтацминды», «Мери», а также «Цветы персика», «Тень Акакия», «Смирение», «И. А.», «Свеча», «Родина» и другие. Г. Табидзе стал новым реформатором грузинского стиха. В ту пору в Грузии не было другого поэта, способного оспаривать это имя.

Толчок к реформе грузинского стиха, проходившей в десятки годы под знаком сохранения национальной самобытности, исходил от международной литературной ситуации, приведшей в движение дремавшие в его недрах ресурсы. Но отдельные проявления эпигонства не были органичны для грузинского стиха, в результате реформы которого грузинское стихосложение стало эстетически возвышенным национальным феноменом.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

И ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Максим Горький справедливо замечал, что талантливейшие представители этой плеяды — Артур Рембо, Поль Верлен, Стефан Малларме — сами оказались жертвами буржуазного болота, что, бунтуя против аморализма буржуазии, они сами превратились в мистиков, в поэтов упадка, «заклятия смертью». Их манифесты, статьи, стихотворения стали провозвестниками и истоками мирового символизма.

Поэзию Верлена, Бодлера, Малларме приняли и подхватили голубороговцы, также как творчество русских символистов — А. Блока, А. Белого, В. Брюсова, К. Бальмонта, которые были духовными их родственниками и «братьями ближними». И все же грузинский символизм не был простым перепевом европейского и русского. У него, несомненно, была собственная боль и собственная почва. Поэтому неслучайно Тициан Табидзе вел борьбу против реалистов и реализма, с одной стороны, а с другой — требовал восстановления «духа древнегрузинской литературы». Голубороговцы объявили Руставели, Бесики, Важа Пшавела своими предшественниками.

Голубороговцы, как уже было сказано, поставили своей целью обновление грузинского стиха «в радиусе мировой поэзии». Этим самым они наладили связь с модернистской «всемирной поэзией».

«Важа Пшавела был последним грузинским поэтом, на котором иссякло лоно грузинской почвы. В дальнейшем, как не может родиться второй Кахабери, так не может появиться на свет второй Важа Пшавела... Миссией «Рогов» было и остается вывести грузинскую поэзию на мировой радиус»¹.

Грузинские символисты, в частности голубороговцы, взяли курс на Европу, где большинство из них получили образование. Во время пребывания за рубежом они приобщились ко «всем сторонам» жизни буржуазной Европы, могли лично «беседовать» и «совещаться» со всеми известными представителями модернизма, получить от них первое благословение. В «Латинском квартале и кофейнях» Парижа встречались, разговаривали и спорили они с последователями импрессионизма и экспрессионизма, декадентами — художниками и писателями.

Но в тот период у голубороговцев не было стройной общественно-социальной концепции. Они становились на сторону то одной политической группировки, то другой. Сразу после выхода на литературную арену голубороговцы резко выступили против Ильи Чавчавадзе и его поколения. Они иронически упоминали об их поэтических и патриотических заслугах, а когда их космополитически-символистская теория была подвергнута критике (Ф. Махарадзе, Д. Касрадзе, Ал. Церетели, Т. Хускивадзе, Ш. Арагвиспирели), отступили от своей позиции и уже во втором номере «Голубых рогов» заявили: «Голубороговцы, как школа, утверждают себя школой национальной».

В 1917 году они приветствовали Февральскую революцию, стараясь сочетать вопрос своей поэтической эмансипации с революцией. В 1923 году Тициан Табидзе писал в газете «Баррикада»: «Мы открыто заявляем, что были и будем на стороне революции. Не знаем, какие формы примет революция, не знаем, на

¹ Т. Табидзе. «Мечтающие газели», XII—1923, № 10, с. 16.

какие компромиссы она пойдет, — но для нас непреложным фактом является, что пролетариат с его негибимым стеновым хребтом не проиграет битву, и поэзия — тот воздух, которым он должен дышать. Возможно, во время первых столкновений будут непомерные претензии — хотя бы на создание пролетарской поэзии, но и у поэзии есть своя внутренняя диалектика, и она сама обретет свое истинное лицо.

Голубороговцы связали с революцией вопрос о приоритете своей школы. В поэзии этот вопрос всегда стоял очень болезненно: «Никто не боролся столько за эмансипацию поэзии, никто не боролся столько за патриотические идеалы, как голубороговцы».

«Голубые роги» были и остаются первой школой левого направления в грузинской литературе». «Восемь лет эта школа ведет свою жестокую борьбу за овладение новыми путями. Мы и сегодня никому не уступим позиций поэзии, потому что прекрасно ощущаем в литературе повсеместное изменение жизни, новый ритм существования и революцию. Нашей главной целью было укрепление грузинской культуры и выведение ее из этнографических рамок на арену мировой культуры и творчества. Старая армия грузинского искусства и сегодня продолжает беззаботно существовать, как будто в мире ничего не изменилось. Мы еще раз объявляем войну всему устаревшему, заплесневевшему, отставшему»¹.

Но до тех пор, пока голубороговцы оставались на позициях символизма, их связь с революцией, с новым искусством носила лишь поверхностный, декларативный характер. Они на словах усвоили отрицание старого, правнесенное революцией. Пафос отрицания старого в политике они по внешним признакам перенесли на свою борьбу со старой литературой. Однако стоило им понять, что принципы отрицания старого у революции и у «Голубых рогов» были различны, тон их утверждений изменился.

«В самой группе «Голубых рогов», которые сотрудничают вместе вот уже 7 лет, нет полного единства взглядов»², — писал Тициан Табидзе.

Когда мы говорим, что грузинские символисты разделили теорию «искусства для искусства» и подчинили этой цели свою организационную деятельность и художественное творчество, или же отмечаем, что они, претендуя на создание «новой поэзии», отрицали прежнее реалистическое наследие, противопоставляли мистические, божественные мотивы и темы общественно-гражданским мотивам в литературе, — это отнюдь не означает, будто даже в их раннем творчестве начисто отсутствовали патриотические и общественные настроения или революционные мотивы и темы, будто они были поэтами, наглухо замуровавшими себя в «башне из слоновой кости». Для них с самого начала характерно было стремление к обновлению, неутомимые поиски неистрепанных форм и средств образности. На этом пути они протягивали руку тем, кто возглавлял социальные преобразования, — революционерам, уподобляясь и в этом отношении своим духовным предтечам и собратьям. Так французские символисты протянули руку французской революции, так русские символисты приветствовали и воплощали в своих произведениях революцию 1905 года, Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года. Достаточно вспомнить посвященные революции стихотворения Блока, Брюсова, Белого. Но это не изменяет того основного положения, что они были символистами и реалистические принципы изображения действительности подменяли символистскими моделями.

Такой же путь прошли и грузинские символисты. Но в творчестве членов этой корпорации начиная с 1925 года заметен определенный перелом. В этот год в их среде рождается лозунг «возвращения к земле», и все же, до тех пор, пока в Грузии существовали литературные группировки и школы, они оставались, по существу, на позициях «Голубых рогов». Здесь же следует отметить и то обстоятельство, что лучшие их художественные произведения созданы в годы Советской власти, что патриотическая лирика, ранее представленная довольно скромно, в Советской Грузии сразу же расправила крылья.

Внутренняя противоречивость грузинского символизма становится особенно очевидной начиная с 1925 года, ставшего в определенной мере переломным для всей грузинской литературы. В этом году было принято известное постановление ЦК большевистской партии «О политике партии в области художественной литературы». За ним последовал созыв Первого съезда грузинских писателей в 1926 году, начался процесс консолидации отдельных литературных группировок и школ. Эти же годы были отмечены активизацией контактов литераторов с советской действительностью.

Обострение интереса к явлениям современности, появление отдельных революционных мотивов в поэзии голубороговцев еще не означало мгновенного и

¹ Т. Табидзе. Баррикада, 1924, № 1.

² Там же.

окончательного отрицания ими прежних эстетических воззрений. Они оставались верны эстетическому кредо «Голубых рогов» и в то же время пытались приспособить эти взгляды к нуждам и запросам революционного искусства.

С позиций модернизма на платформу новой жизни в те годы стали переходить Г. Леонидзе, Т. Табидзе, П. Яшвили, В. Гаприндашвили, К. Надирадзе, С. Клдиашвили, Р. Гветадзе, Ш. Алхайдзе, Н. Мицишвили и другие.

Таким образом, к концу двадцатых годов голубороговцы оставляют старые позиции и становятся на путь реалистического отображения грузинской советской действительности. Воздействие новой обстановки на творчество этих поэтов постепенно становится все более очевидным. И соответственно с этим возрастает их вклад в грузинскую советскую литературу.

Голубороговцы выпустили в свет журналы: «Голубые роги» (редактор Паоло Яшвили, Кутаиси, 1916 г. Вышло два номера), «Мечтающие газели» (№ 1 вышел в свет в феврале 1919 года, редакторы В. Гаприндашвили и С. Цирекидзе, А начиная со второго номера его редактировал В. Гаприндашвили. Было выпущено одиннадцать номеров этого «альманаха» в 1919—1924 гг.), «Лучник» (редактор С. Цирекидзе, 1920 г., Кутаиси. Вышло два номера: № 1 и № 2—3).

Кроме того выходили газеты: «Баррикада» (1920—1922, 1924 г. Ежедневная литературная газета «Голубых рогов», Тбилиси, редактор Т. Табидзе), «Рубикон» (1923 г., еженедельный орган Всегрузинского союза новой литературы, Тбилиси), «Бахтриони» (1923 г., Тбилиси, редактор Георгий Леонидзе), «Лашари» (1923 г., Тбилиси, еженедельный орган Всегрузинского союза новой литературы, вышел всего один номер).

В корпорацию «Голубые роги» входили: П. Яшвили, В. Гаприндашвили, Т. Табидзе, С. Цирекидзе, С. Клдиашвили, К. Надирадзе, Ш. Алхайдзе, Н. Мицишвили, Р. Гветадзе, Г. Леонидзе, И. Кипиани, Л. Меунаргия, А. Арсенишвили, Ш. Кармели. В перечисленных выше журналах и газетах помимо членов этой корпорации принимали участие Галактион Табидзе, Иосиф Гришашвили, Нико Лордкипанидзе, Лели Джапаридзе, Аристо Чумбадзе, Диа Чианели, Акакий Пагава, Г. Джафаридзе, Павле Ингороква, Терентий Гранели, Константин Чичинадзе, Григол Цецхладзе, Ладо Мачавариани.

Старания и самоотверженные искания голубороговцев по обновлению и возвышению поэтических форм грузинского стиха не прошли бесплодно и бесследно. Они сумели расширить границы грузинского стиха, открытием новых стихотворных размеров, форм и способов изобразительности продвинуть вперед его техническую сторону.

Нельзя не согласиться с мыслью Тициана Табидзе, который писал: «Несмотря на то, что мы были оторваны от реальной действительности и оказались неспособными правильно разобратся в социально-политических событиях, на фоне тогдашнего обнищавшего грузинского стиха новая поэтическая школа все же сыграла большую роль. Мы первыми ввели в грузинский стих слова, которые были изгнаны из него или вообще не употреблялись ранее. Впервые был написан настоящий сонет, терцины, триолеты. Рифма получила новый размах, мы по-новому использовали аллитерации и ассонансы, переводы Бодлера, Верлена, Рембо, Лафарга и других французских и русских поэтов, расширили тематическую и образную сферу, грузинский стих обрел новое звучание».

Все это было поиском новых дорог, путей обновления грузинского стиха. Позднее в поэзии голубороговцев мистический экстаз воспарения в небеса постепенно утих, и в конце концов все завершилось «возвращением на землю», приближением к корням грузинской патриотической литературы. И начался стремительный взлет их поэзии. Если сравнить самобытную и возвышенную лирику этих поэтов конца 20-х годов с их же ранними, ограниченными модернистскими шорами стихами, различие резко бросится в глаза.

Ранний диагноз голубороговцев не оправдался: будто отрицание традиции освобождает фантазию поэта от всяких ограничений и открывает ее неограниченными возможностями выразительности. Случилось обратное: поэтическая фантазия этой талантливнейшей молодежи со всей силой смогла раскрыться лишь тогда, когда они отбросили искусственную, нарочито усложненную структуру стиха и отряхнули с себя химеры мирового мистицизма.

* * *

«Всегрузинский Союз писателей» был организован в 1917 году. После установления Советской власти в Грузии эта писательская организация не претерпела особых изменений ни в идейном отношении, ни в организационном плане. С первых же лет победы Советской власти в Грузии бок о бок с этим Союзом оказалась так называемая социал-демократическая школа писателей.

У «Всегрузинского Союза писателей» были свои официальные печатные органы: журнал «Ломиси», который впоследствии был преобразован в газету

того же названия, газета «Иверия» (редактор Л. Киацели), газета «Грузинское слово» (редактор В. Котетишвили), журналы «Кавкасион» и «Новый Кавкасион» (редактор П. Ингороква). Наиболее последовательными выразителями «чисто национальной» позиции Союза были журналы «Корабль» (редактор А. Абашели), «Иллион» и «Колокольная Грузия», редактируемые К. Гамсахурдиа.

Все литературные объединения и группы этого периода обладали собственным классовым и идеологическим кредо, которое они открыто, во всеуслышание проповедовали в «манifestах», провозглашенных в журналах и газетах или в своих собственных произведениях.

Пролетарские писатели оценивали и характеризовали назначение литературы, исходя из классовой, революционной точки зрения, мерили литературные произведения мерилom классовости, партийности.

Их исходными принципами были запросы и требования Советской власти, и потому они объявили служение ей долгом и призванием литературы. В основу своего творчества они положили традиции революционной, реалистической литературы, сознательно встав в ряды строителей новой жизни.

Реалистами, по существу, являлись и члены «Академической ассоциации». Их символом веры была грузинская национальная реалистическая литература. Но благодаря провозглашенной ими «чисто национальной» позиции они фактически оказались изолированными от новой, советской действительности, с недоверием и подозрительностью относясь к интернационалистской по своей сути и направленности национальной политике Советской власти.

Грузинские символисты по этому вопросу занимали позицию, отличную от тех, и от других. Призыв Ильи Чавчавадзе и его единомышленников о том, что литература должна служить народу, был высмеян голубороговцами. Согласно их эстетической концепции, литература «служит не кому-либо», а только и только сама себе. «Литературное творчество — удел избранных, занятие для сверхчеловека, божественное прозрение», и, мол, преступно и противоестественно «пачкать» его земными потребностями. Так голубороговцы решительно отмежевались и от реалистической литературы, и от тех, кто стоял на «чисто национальной почве». Но так как не существует и не может существовать литературы беспартийной, безыдейной, то и голубороговцы оставались проповедниками декадентских воззрений в грузинской литературе того периода.

Вообще литературные группировки 20-х годов четко выражали интересы и принципы определенных классовых и социальных сил той эпохи. Не случайным, а predetermined соотношением этих сил было и то, что в течение некоторого времени голубороговцы и «Всегрузинский союз писателей» выступали единым фронтом.

В октябре 1921 года была созвана Третья всегрузинская конференция писателей, имевшая функции съезда. Был избран новый состав Совета: А. Абашели, С. Тавадзе, В. Рухадзе, Л. Киацели, И. Экаладзе, К. Макашвили, Г. Табидзе, И. Агладзе, И. Гришашвили, В. Котетишвили, К. Гамсахурдиа, Т. Табидзе — в качестве членов и М. Абрамишвили, П. Ирети — в качестве кандидатов. Председателем Совета был избран К. Макашвили, заместителями — Л. Киацели и И. Гришашвили.

Начиная с февраля 1921 года, когда в Грузии победила Советская власть, перед широчайшими слоями грузинской литературы как самый актуальный встал вопрос о сотрудничестве с этой властью.

Благороднейшую традицию грузинской литературы составляет тот непримиримый революционный дух, который выработался в ней на протяжении всей истории, особенно в XIX — XX веках, когда трудящиеся массы Грузии шли в передовых рядах борцов против царизма. Для грузинской литературы, главные, передовые деятели которой вышли из недр трудового народа и которая была естественным выразителем революционных унастроений трудящихся масс, — для этих передовых рядов грузинской литературы новая, Советская революционная власть не могла быть чуждой или неприемлемой.

Идейная позиция «Всегрузинского Союза писателей» и «Академической ассоциации», настороженное отношение этой группы к Советской власти в 1921—25 годах нашли наиболее завершенное выражение на страницах газеты «День поэзии». По этой же газете можно проследить и путь идейного перевооружения этой литературной группы после съезда Союза писателей Грузии.

«День поэзии» был органом «Всегрузинского Союза писателей», появление первого номера которого датируется 1920 годом. В передовой статье газеты от 7 мая читаем: «По решению Второй конференции грузинских писателей 7 мая было назначено традиционным Днем поэзии. В этот день в Тбилиси и по всей Грузии состоится манифестация поэтов и писателей».

К сожалению, в первых номерах «Дня поэзии» часто можно было встретить завуалированные антисоветские тенденции, а иногда и прямые выпады против Советской власти.

Позитивный разговор о революционной Грузии, содержавший объективную оценку Советской власти и революционной литературы, начался в «Дне поэзии» лишь с 1926 года. Все это говорит о том, что формирование и зарождение советской литературы в Грузии происходило в условиях острой идейной борьбы.

В «Дне поэзии» 1927 года читаем: «Разве для грузинской литературы непонятна индустриализация, которая сейчас стоит как вопрос номер один? Разве для грузинских писателей не ясно, что наш обнищавший народ должен приобщиться к новой культуре, новому строительству?..»

Но сегодня время деклараций уже прошло, сегодня начинается органическое включение в строительство новой культуры...».

Новые задачи, вставшие перед грузинской литературой, и прежде всего задача отображения новой действительности Советской Грузии более конкретно и широко были сформулированы в «Дне поэзии», вышедшем в 1928 году.

«Всегрузинский Союз писателей», а сейчас его преемница и наследница «Федерация советской литературы» — 5 мая провел День поэзии. Прежде всего следует отметить, что организационно грузинская литература объединена на почве Федерации, где нет места разделительной политике и все вопросы решаются на основе взаимного соглашения; ни одна литературная группировка не является здесь угнетенной и имеет возможность проявить свое творческое лицо. На этом съезде перед грузинскими писателями выступил с докладом председатель ЦИК Грузии тов. Филипп Махарадзе, чей доклад представлял собой продолжение выступления, сделанного два года назад на таком же съезде. В докладе была подчеркнута та роль, которая возлагается на грузинскую литературу, призванную органически включиться в новую общественную жизнь.

На этом съезде все группы получили возможность опубликовать свои декларации, высказать свои взгляды о роли литературы на фронте культурной революции.

В 1927 году был проведен и съезд пролетарских писателей, на котором также активно были поставлены вопросы культурной революции. Вообще «Ассоциация пролетарских писателей» проявляла возросшую активность и, «как литература, являющаяся выразительницей восходящего класса, она постепенно укрепляла свои позиции» и создавала больше художественной продукции.

«Грузинская литература с самого начала отставала ту точку зрения, что только рабочий класс, пролетариат могут вывести литературу на широкую жизненную дорогу и создать новую социалистическую культуру. Грузинская литература органически включилась в этот творческий процесс и с каждым днем делает этот союз все прочнее и теснее. Для демонстрации этого устраивались, в частности, и «Дни поэзии», — говорил Ф. Махарадзе.

Таким образом, начиная с 1926 года, с Первого съезда «Всегрузинского Союза писателей», становится очевидным факт консолидации грузинской литературы под флагом советского социалистического искусства. Началась непримиримая борьба за укрепление идейных и художественных позиций советской литературы, что наглядно проявилось в художественной продукции грузинской литературной прессы. Так, даже газета «День поэзии» становится на путь сотрудничества с Советской властью.

* * *

В этот период защитницей антиреалистической литературной позиции выступает группа футуристов, которая в 1922 году обнародовала свой «Манифест». Этот документ, по сути дела, представлял собой подражание манифестам итальянских и русских футуристов.

В Грузии футуризм как литературное течение формируется после установления Советской власти, хотя его литературные истоки можно разглядеть и ранее, даже в литературной группе голубороговцев, в одном из заявлений которой есть такие слова: «На протяжении четырех лет новая школа, школа голубороговцев, уже успела проявить свой творческий путь, и он определенно склоняется к футуризму».

А еще ранее, в 1919 году, редактор «Мечтающих газелей» В. Гаприндашвили приветствовал вождя русских футуристов Крученых и требовал, чтобы грузинские поэты-голубороговцы следовали за русскими футуристами. Но организационно футуризм как литературная школа противопоставляется грузинскому символизму и оформляется в виде самостоятельного направления в 1922 году.

23 апреля 1922 года грузинские футуристы устраивают свой первый вечер в зале Государственной консерватории, а в мае того же года выпускают манифест, под которым стояли подписи Н. Чачава, А. Белиашвили, Д. Гачечиладзе, В. Жгенти, С. Чиковани и других. Этот манифест представлял собой по существу компиляцию из манифестов русских и итальянских футуристов.

44136930
32-110133

Грузинские футуристы механически заимствовали целый ряд положений из манифестов итальянских и русских футуристов и пытались приспособить их к условиям Советской власти. Несмотря на то, что передовая часть русских футуристов к этому времени уже отказалась от старых принципов футуристической школы, их грузинские последователи все же начинали свой путь по старой тропе, объявляя общественности о своем существовании.

Эта школа также испытала значительную эволюцию. Первый журнал был основан футуристами в 1924 году и назван «H₂SO₄». Уже в этом названии содержалось подтверждение преданности футуристически-заумническим принципам. В программном заявлении, помещенном в этом журнале, грузинские футуристы претендуют на положение единственных представителей «революционной школы». Их основные положения сводились к следующему: «1. Грузинское искусство совершенно отделилось от современности. Между грузинским государственным строительством и творчеством пролегла межа. 2. Коммунистическая революция уничтожила политическую романтику, созданную феодальными и мелкобуржуазными мыслителями. Коммунистическое строительство уничтожило старую психику. Грузинская литературная традиция должна быть отвергнута, как искусство, созданное старым, феодальным и буржуазным вкусом. 3. Пролетарские поэты, которые имеют только претензию на революционность, не являются выразителями социалистически-революционного искусства, потому что они находятся под влиянием старого и не смогли порвать пуповину, связывающую их с литературным наследием. 4. «Наша дада» — футуризм и конструктивизм — открывается началом, полностью соответствующим задачам революционного и коммунистического строительства».

Таковы были основные аргументы грузинских футуристов в 1924 году. Исходя из них, можно сказать, что субъективно они стремились защищать и отстаивать позиции Советской власти в литературе, во имя чего и боролись с символистами и другими националистически-буржуазными литературными группами того периода. Но объективно грузинский футуризм был фактором, мешающим процессу развития советской литературы, поскольку его позиция была в принципе ошибочной. Особенно чуждыми для советской литературы были язык и стиль этих писателей. И потому, каковы бы ни были субъективные устремления и претензии этой группы, по существу ее практическая деятельность, литературная продукция отмечались признаками декадентской литературной школы.

Грузинскими футуристами было выпущено несколько литературных журналов и газет. Помимо «H₂SO₄», следует назвать журналы «Литература и прочее», «Левизна» и газету «Современность». Напечатанные в них произведения могут служить красноречивыми примерами литературного жонглирования. Ясно, что такого рода литература была чужда принципам советского искусства.

Итак, такие литературные группы первых лет Советской власти, как «Академическая ассоциация», «Голубые роги» и футуристы, по существу тематикой, мотивами и идеями своего творчества проповедовали теорию «искусства для искусства» и чинили помехи развитию советской литературы.

* * *

Декадентским литературным группам с самого начала противостояла реалистическая школа, писатели, борющиеся за советскую литературу. Среди них в первую очередь следует упомянуть, с одной стороны, группу пролетарских писателей, а с другой — тех представителей старых литературных поколений, которые порвали с прежними позициями и встали на путь советской литературы.

Остановимся подробнее на этих группах. Достаточно просмотреть манифесты и декларации, опубликованные в литературных органах пролетарских писателей в те годы, и сравнить их с манифестами и декларациями символистов, «Академической ассоциации», футуристов, чтобы существенная разница между ними стала очевидной. В отличие от декадентских литературных школ, пролетарские писатели отстаивали реалистические принципы в литературе. Их наиболее передовая часть выступала и в защиту принципа критического освоения старого литературного наследия.

В 1921—1925 годах группа пролетарских писателей издавала несколько литературно-художественных журналов и газет. Эти органы прессы, несмотря на то, что не были полностью застрахованы от ошибок левацкого характера, пытались быть последовательными и стоять на позициях советской литературы.

В передовой статье выпущенного в 1922 году журнала «Горн» (литературно-художественный ежемесячный журнал «Ассоциации пролетарских писателей») подчеркивалась классовая сущность и природа литературы и выдвигалось требование служить делу социалистического строительства, диктатуры пролетариата. В этой статье мы читаем: «В эпоху диктатуры пролетариата истинной поэзией может быть только поэзия пролетарская, коммунистическая, выполняющая роль проводника диктатуры этого революционного класса».

После этого журнал определяет свои обязанности и функции, которые представляются ему следующим образом: «Пересмотреть и оценить содержание и форму грузинской поэзии предшествующих эпох с тем, чтобы эта историческая сокровищница была использована для создания новых форм грузинской пролетарской поэзии, чтобы даже идеи грузинской поэзии прошлого в новом преломлении и истолковании оказались полезными для грузинского пролетариата. Второе — привлечь и включить в процесс поэтического творчества грузинской пролетарской литературы передовых грузинских рабочих с тем, чтобы совместными коллективными усилиями были созданы новые грузинские образы и формы пролетарской поэзии. Третье — дать грузинскому читателю образцы пролетарской поэзии из всех областей литературы: лирики, баллетристики, драмы как оригинальной, так и переводной. Одним словом, «Горн» будет грузинской кузницей пролетарской литературной, художественной критики и поэзии»¹.

Во втором номере журнала «Горн» была сформулирована в виде декларации программа Ассоциации.

«В Грузии и до нас существовала, по словам слабых душ, пролетарская революционная литература постольку, поскольку существовало революционное биение пульса пролетариата в политической и экономической борьбе. Но после признания диктатуры пролетариата и со дня утверждения советского строя пролетарская литература у нас оформляется организационно и расправляет крылья идейно, так же как любое иное творчество пролетариата в различных сферах советской системы.

Пролетарская литература является новым и в то же время несущим классовый характер явлением нашего времени. Она родилась в процессе борьбы рабочего класса, ее рост и дальнейшее развитие зависит от той исторической необходимости, которая ведет человечество гигантскими шагами к высочайшей общественной форме — коммунизму.

Мы видим, что в Грузии пока еще слаб промышленный пролетариат. Он как будто только сейчас становится на ноги и крепнет. Поскольку этот последний укрепляется и растет, место мастерских и кустарных предприятий занимают фабрики и заводы, оснащенные достижениями современной техники, поскольку все более растет и воздействие всего вышеперечисленного на пролетарских писателей и поэтов, постольку растет и крепнет пролетарская литература.

Мы стараемся не отстать от него, сейчас не время оглядываться в прошлое, над Грузией сегодня сияет новое солнце и греет ее своими животворящими лучами. Пусть павшие духом оплакивают свою немощность и бессилие. Сегодня настало время господства пара и электричества. При помощи их энергии человечество должно проникнуть в тайны природы, по суше вместо карет несутся паровозы; в морях и океанах плавают корабли, размером с гору; в воздухе проводят железнодорожные пути. Грузия тоже ждет этих лучей культуры XX века.

Мозолистые руки ждут работу. Стремление жизни вперед порождает новые идеи и мысли, а новые мысли рождают новые чеканные слова, эти же последние — новый стиль и форму. Вот в таком процессе находится сейчас пролетарская литература.

Современная грузинская литература со своим декадентством, из которого логически вытекают футуризм, символизм (по-нашему: «Голубые роги») и тому подобные направления, является беспорядочным показателем распада общества, и мы смотрим на нее, как на неприемлемую для рабочего класса форму. Идеология всех этих направлений основана на крайнем индивидуализме и отрицании общественных идеалов, она враждебна духу коллективного творчества и сознанию пролетариата.

Мы убеждены, что ни одно из вышеперечисленных направлений не может стать основой для художественного творчества пролетариата, поскольку пролетарская литература, как классово-идеологическое явление, в ходе истории обретает общечеловеческий характер как в смысле формы, так и содержания.

Она едина. В то же время она идет путем создания новых форм и методов и старается использовать все те достижения, которые существуют в современной буржуазной литературе.

Буржуазная литература прошла периоды различных «школ», а пролетарская литература только сейчас создает собственную школу. Она находится в поиске.

Общественная жизнь порождает новые формы в литературе, мы считаем художественный материал — слово, звук, образы, краски и музыкальность — лишь способом выражения художественной мысли и идеи.

Раз и навсегда отвергаем мы в литературе мысль о том, будто может существовать и существует «искусство для искусства» — всякое искусство, отор-

¹ «Горн», 1922, № 1.

საქართველოს
წიგნების კავშირი

ванное от жизни, является фикцией, и тот, кто утверждает обратное, находится вне границ разума.

Все наши товарищи, пролетарские поэты и писатели, могут совершенно свободно избирать методы и формы своего творчества, что будет безусловно приемлемо для растущей пролетарской литературы.

Наши лозунги:

1. Использование всех достижений, существующих в грузинской и иностранной литературе прошлого и настоящего;
2. Привлечение и соучастие вместе с грузинскими писателями в творческом процессе грузинских рабочих, с тем чтобы коллективными усилиями создать для пролетарской литературы новые методы, формы, стиль;
3. Дать грузинским читателям образцы художественной литературы из всех областей — лирики, беллетристики и драмы, как оригинальной, так и переводной.

Мы, пролетарские поэты и писатели, сознаем и в то же время во всеуслышание заявляем, что пролетарская художественная литература, особенно у нас, еще очень молода и ни по форме, ни по содержанию пока не является совершенной, но мы тем не менее утверждаем, что именно она является единственной настоящей литературой, которая берет исток в нашем переменчивом времени и которой по силам развиться и покорить вершины культуры.

Ассоциация пролетарских писателей Грузии¹.

«Ассоциация пролетарских писателей Грузии» была создана 17 декабря 1921 года. Ее возглавили С. Тодрия, С. Эули, И. Лисашвили, И. Вакели, Р. Каладзе, П. Самсонадзе, Н. Зомлетели. Эта группа пришла в грузинскую литературу из стана Коммунистической партии Грузии и принесла с собой боевой пафос и романтику революции. Правда, творчество этой группы в художественном отношении не всегда находилось на должной высоте, но по своим идейным принципам она твердо стояла на позициях Советской власти и вела ожесточенную борьбу против декадентских и антисоветских группировок и литературных школ. Как мы видели выше, таких группок и школ в то время было в грузинской литературе немало.

Как было отмечено, 18 марта 1922 года появился на свет журнал «Ассоциации пролетарских писателей Грузии» «Горн» (редакторы С. Тодрия, С. Эули, Р. Каладзе). Этому журналу предшествовал выпущенный той же Ассоциацией 1 августа 1921 года сатирический выпуск «Бомба», который сатирическими средствами выступал с критикой пережитков старой жизни и возглашал здравницу новой, Советской Грузии.

И все же первым журналом, наиболее полно выразившим политический и эстетический облик Ассоциации, был «Горн», в его художественной продукции находила верное отражение литературная политика партии, защищались принципы марксистской эстетики, ленинской теории партийности литературы.

В этом журнале наряду со старыми пролетарскими писателями И. Вакели, С. Эули, Н. Зомлетели, П. Самсонадзе, И. Лисашвили были широко представлены рабочие—писатели с фабрик, заводов, шахт, деревень. Из их числа в дальнейшем в литературе осталось лишь одно—два имени, но интересен сам по себе тот факт, что представители трудового народа массовым порядком шли в литературу и несли в своих неотесанных, неотделанных строчках столько искренности и непосредственности, что эти стихи и сейчас напоминают о романтике и вере тех дней. И что самое главное, на творчестве этих рабочих-поэтов были явственно заметны следы большого и непосредственного влияния поэзии И. Евдошвили, Ч. Ломтатидзе, Н. Чхиквадзе, Г. Кучишвили.

Примерно тех же позиций придерживался журнал «Знамя», который начал выходить с 1923 года в качестве литературного приложения к газете «Коммунисти». В газете и ее приложении делалась попытка объединения всех передовых грузинских писателей, велась борьба за утверждение позиций советской литературы.

Следует отметить, что этот журнал сыграл положительную роль в деле зарождения и развития грузинской советской литературы. Именно здесь увидели свет первые советские поэмы, рассказы. Здесь возродился жанр романа. Здесь же были опубликованы произведения передовых грузинских поэтов того времени.

¹ «Горн», 1922, № 2, с. 1—2.

Продолжение следует

В НЫНЕШНЕМ году исполняется 140 лет со дня рождения выдающегося грузинского писателя и мыслителя, вождя народно-освободительного движения Грузии, основоположника новой грузинской литературы и современного литературного языка, великого сына грузинского народа — ИЛЬИ ГРИГОРЬЕВИЧА ЧАВЧАВАДЗЕ.

В Грузии развернута широкая подготовка к достойной встрече этой знаменательной даты. Создана республиканская юбилейная комиссия, в которую вошли многие известные деятели литературы, искусства, науки.

В предъюбилейный период журнал «Литературная Грузия» предполагает широко освещать творческий подвиг бессмертного грузинского художника и крупнейшего общественного деятеля.

В связи с этим редакция нашего журнала начинает публикацию серии статей из фундаментального исследования широко известного грузинского критика и литературоведа, академика Академии наук Грузинской ССР, действительного члена Академии педагогических наук СССР—Георгия Николаевича Джибладзе.

Ведущий специалист по изучению истории художественно-эстетической мысли, академик Г. Н. Джибладзе создал ряд капитальных трудов, имеющих большое значение для изучения грузинской, русской и западноевропейской литератур, литературной критики, публицистики, эстетических воззрений и теории литературы.

Предлагаемая читателю монография Г. Н. Джибладзе об Илье Чавчавадзе, которую «Литературная Грузия» будет печатать в сокращенном виде, является плодом многолетнего труда ее автора. Это крупное исследование, получившее высокую оценку научной общественности Грузии, является наиболее полной и научно углубленной работой об Илье Чавчавадзе.

Монография академика АН Грузии Г. Н. Джибладзе подытоживает все то, что достигнуто в деле изучения и современного осмысления великого наследия Ильи Чавчавадзе. Названная работа, по нашему мнению, поможет русскоязычному читателю лучше понять роль и значение этого классика грузинской литературы.

Георгий ДЖИБЛАДЗЕ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

60-Е ГОДЫ XIX столетия были одной из поворотных эпох в истории России и Грузии: именно в этот период, по классической характеристике В. И. Ленина, социализм и демократизм были объединены в одно целое. Эта эпоха принесла с собой совершенно новые идеи. В философии господствовал материализм, в эстетике — утилитаризм, в литературе — реализм, в социологии — утопический социализм; была объявлена борьба самодержавию и крепостничеству, просветительству, как программа действий, сложилось в виде цельной системы. Утратила всякую основу узкая ограниченность в рамках какой-либо одной отрасли: жизнь предоставляла общественным деятелям широкое поле для приложения своих сил и способностей, требуя от них многосторонности и энциклопедических знаний. Не удивительно поэтому, что некоторые из них были одновременно представителями различных отраслей знания.

Илья Чавчавадзе в этом отношении может быть назван подлинным сыном своей эпохи.

Сфера деятельности этого выдающегося представителя и идейного вождя своего народа, глашатая общественной мысли Грузии 60-х годов прошлого века была несбычайно обширной: поэзия, проза, драматургия, история, языковедение, право, экономическая наука, публицистика, грузинский театр, Общество по распространению грамотности, Земельный банк, периодика («Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии») и «Иверия»), педагогика, литературная критика, перевод. Во всех этих областях Илья Чавчавадзе оставил глубокий след как мыслитель, художник и общественный деятель.

Даже при самом поверхностном обзоре его поэтического творчества, особенно в 60-е годы — а именно этот период был наиболее плодотворным, — поражает широкий круг интересов, яркость художественного вдохновения и предельная ясность идей поэта. Уже в студенческие годы у Ильи Чавчавадзе формируется мировоззрение, которое затем получило столь широкое развитие в

его литературно-публицистическом наследии; тогда же разрабатывает, он и программу, легшую в основу всей его практической деятельности. Эта просветительская программа была составлена с учетом конкретно-исторических условий Грузии того времени, и в соответствии с ней во второй половине XIX века развернулось национально-освободительное движение грузинского народа.

Если попытаться выделить в таком сложном явлении, каким было вообще просветительство в России, в Европе и в Грузии, наиболее важные детерминанты, нетрудно заметить, что они сводятся главным образом к трем основным признакам: борьбе против феодализма и крепостничества; борьбе за просвещение, за европейские формы жизни, за самоуправление; вере в народ, главным образом в крестьянские массы, уверенности в том, что за отменой крепостничества обязательно последует, всеобщее благополучие.

Все эти три признака и характеризуют Илью Чавчавадзе как просветителя. Именно как просветитель он «...верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий»¹.

В. И. Ленин с гениальной прозорливостью отмечал, что «...Просветители вовсе не ставили вопросов о характере пореформенного развития, ограничиваясь исключительно войной против остатков дореформенного строя, ограничиваясь отрицательной задачей расчистки пути для европейского развития России»².

По этому пути шел и Илья Чавчавадзе; следует заметить, однако, что иногда он нарушал кредо просветителей в вопросе о будущем, и здесь уже мы видим его оригинальную точку зрения. Просветительским характером мировоззрения Илья Чавчавадзе следует объяснить и то обстоятельство, что он всегда выступал от имени всего народа, всей нации, а не от имени какого-либо класса или сословия, именно так, как вообще «просветители не выделяли как предмет своего особого внимания ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще»³.

Все эти характерные черты совершенно четко и ясно представлены в творчестве, мышлении и практической деятельности Илья Чавчавадзе; причем все это согрето чувством патриотизма, горячей любовью к родине. Илья Чавчавадзе ненавидел, пригвождал к позорному столбу, осмеивал все то, что заслуживало осуждения и порицания; его идеалом было самоотверженное служение народу, и с характерной для него масштабностью этот идеал выражен в стихотворении «Мое перо», в котором поэт как просветитель объявляет борьбу злу (подразумевается крепостничество), говоря: «Бросать в народ благое слово дано нам право», т. е. чести просвещение, служить «судьбе Грузии» — всему грузинскому народу, и никогда не сходить с избранного в юности пути:

..О, моя Грузия, всегда была ты с нами,
И с нею шлется, друзья, поверьте, нет доли краше.
Пусть говорят: «Он о грузинах твердит худое,
Он не таит пороков наших, в нем дышит злоба».
То шум невежд! И только сердце поймет родное,
Что в злых словах любовь таится, любовь до гроба»⁴.

(Перевод С. Шервинского)

В этом смысле и с полным сознанием своей патриотической целенаправленности объявил Илья Чавчавадзе жестокую борьбу крепостничеству, царскому самодержавию с его бюрократическим аппаратом, а также вообще всякому насилию и угнетению в «Рассказе нищего» (1859), «Человек ли он?» (1859—1863), «Видении» (1859), «Нескольких картинах, или случае из жизни разбойника» (1860), «Записках путника» (1861), «У виселицы» (1879) и в целом ряде других произведений. Острым глазом художника-реалиста Илья Чавчавадзе заметил, что в результате социальной несправедливости и беззакония разрушен мост, связывавший некогда разные сословия, и в шедевре грузинской прозы «Отарова вдова» (1887) показал трагедию, возникшую на этой почве. Писатель глубоко прочувствовал и осознал наиболее болезненные вопросы своего народа, проник в самую сущность их, создал яркие художественные образы, полные огромного общественного значения, и как в зеркале показал их своим современникам. Для этого требовались гражданская смелость и бескорыстие — черты, которыми в полной мере обладал Илья Чавчавадзе. На его примере еще раз

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 540.

² Там же, с. 541.

³ Там же.

⁴ И. Чавчавадзе. Мое перо. В кн.: И. Чавчавадзе. Избранные сочинения, т. I. Тб., 1957, с. 54.

подтверждается та несомненная истина, что гений всегда первым замечает перемены в развитии общественной жизни. Именно эти перемены подсказали Илье Чавчавадзе образ мохевца Лелт Гуния, который заставил писателя гла- боку задуматься о судьбах своей родины. Эти перемены вложили в уста великого мыслителя слова: «Жизнь меняется, того, что было вчера, сегодня уже нет, она идет вперед и приносит обновление»¹. Это обостренное социальное чутье и тонкая наблюдательность позволили ему еще в 1860 году создать незабываемый образ измученного рабочего, услышать в его тоскливом напеве скорбную историю жизни несчастного горемыки, удел которого «труд во имя хлеба в горестях и муках».

Наряду с художественным воплощением живых картин реальной действительности Илья Чавчавадзе, так же как и Акакий Церетели, обращался к далекому историческому прошлому своей родины, оживлял самые героические ее страницы, с тем чтобы пробудить у своих современников чувство патриотической гордости, внушить им твердую уверенность в своих силах, в своем светлом будущем. К числу таких произведений относятся историческая поэма «Дмитрий Самопожертвователь» (1878) и миниатюрный рассказ «Николоз Госташабишвили» (1880). В обоих произведениях автор создает образы самоотверженных борцов за родину: первый из них, царь Дмитрий, жертвует собой ради благополучия народа, второй, Николоз Госташабишвили — уже немолодой, но отважный витязь побеждает в поединке могучего кизилбаша и как истинный рыцарь, победив, дарует ему жизнь.

За какую бы тему ни брался Илья Чавчавадзе, он всегда находил возможность подчинить свой художественный замысел требованиям современности. Так же поступил он и в отношении такой, на первый взгляд отвлеченной темы, как отшельничество.

В поэму «Отшельник» поэт сумел вложить очень глубокий смысл. Это было смелое и сильное утверждение неизбежности катастрофы аскетического идеала, страстная проповедь жизнеутверждающей идеи о том, что человек — общественное существо и ему не скрыться от общества даже в Бетлемском монастыре, а если ему все же удастся окончательно покинуть людей, то он обречен на неминуемую гибель.

Как художник-реалист, отображающий предметы и явления не в форме абстрактного созерцания, а в форме живой действительности, Илья Чавчавадзе был блестящим мастером создания типов и характеров. В грузинской литературе и в сознании самого народа навсегда сохранились неповторимые живые образы Луарсаба Таткаридзе, Дареджан, Датико, Габро, разбойника Како, Отаровой вдовы, Арчила, Кесо, Георгия, Матери грузина, Дмитрия Самопожертвователя, мохевца Лелт Гуния, нищего, Чриашвили, Петре и многих других. Лирический же герой его поэзии, олицетворяемый самим автором, не только обладает богатым духовным миром и философским настроением, но и преисполнен глубоких раздумий над судьбами своей родины. Его стихотворения отличаются силой чувства и мысли, но, пожалуй, мысль в них все же превалирует. Это явление также имеет свои причины, нуждающиеся в пояснении.

Как видно из истории литературы других народов, творчество большинства поэтов начиналось и завершалось лирикой. Илья Чавчавадзе в этом отношении исключение. Правда, одно из самых ранних его стихотворений «Граам Кварели» написано с определенным лирическим настроением, но и оно все же в первую очередь произведение патриотическое, а не лирическое. У лирики в поэзии Илья Чавчавадзе своеобразный характер, она отличается от творчества не только древних грузинских лириков, но и современных поэтов. Возможно, причину этого следует искать в той теории лирики, последователем которой нам представляется Илья Чавчавадзе. Он придерживается совершенно оригинальной точки зрения в вопросе о сущности и значении лирики, полагая, что, хотя вне ее поэзии не существует, только она одна еще не охватывает всей поэзии. Лирика по самой природе своей имеет более узкие рамки, нежели поэзия вообще. Как отрасль литературы, поэзии, она подразумевает отображение жизни, но если поэзия является частной отраслью литературы, то сама лирика, как жанр поэзии, также представляет собой частную отрасль, находясь примерно в таком же отношении к литературе вообще, в каком отдельная человеческая личность относится ко всему обществу как целому. Это объясняется тем, что одна только лирика не может во всей полноте отобразить жизнь, а именно в этом и состоит назначение поэзии.

Что же в конце концов представляет собой лирическая поэзия, что является ее предметом и какое объяснение по этому поводу давал Илья Чавчавадзе?

¹ И. Чавчавадзе. Избр. соч., т. II, 1948, с. 269 (на груз. яз.).

В незаконченном критическом отрывке «Цискари» с 1857 года по 1862 год мы находим вполне завершённую концепцию лирической поэзии, которая во многих отношениях примечательна и заслуживает внимания. По-видимому, основательное изучение поэтических произведений, публиковавшихся в журнале «Цискари» в течение пяти лет, привело Илью Чавчавадзе к определенным выводам, которые и по сей день не утратили своего значения. Их анализ, несомненно, содержит широкий круг литературных интересов, тем более что вопрос лирической поэзии тесно связан и с современным состоянием литературы.

Что же представляет собой с общей точки зрения лирика, как род литературы?

Илья Чавчавадзе вполне справедливо поясняет, что лирика «является одним из видов поэзии» и «занимает среднее место между музыкой и поэзией»¹. Поэтому лирическое стихотворение «всегда представляется в большей мере имеющим песенный характер, и без этого оно кажется неполным; создается впечатление, будто ему чего-то недостает, если не спеть его; здесь музыка словно помогает поэзии, а поэзия — музыке»². Совершенно очевидно, что лирика действительно является одним из видов поэзии; как говорит Илья Чавчавадзе, она действительно занимает среднее место между музыкой и поэзией, потому что ей не хватает необходимой для поэзии полноты и, несмотря на всю свою гармоничность и звучание, она все же не достигает высот музыки. Лирическое стихотворение неизменно вызывает у читателя музыкальное чувство, и каждое лирическое стихотворение, если оно в поэтическом отношении совершенно, имеет свои музыкальные ноты, которые можно прочесть так же, как гениальный Глинка прочитал музыку лирических стихотворений Пушкина. Лирика — внутренняя песня души; в стихотворении эта песня выглядит скромно, но стоит ей заговорить на языке музыки, как она сразу же полностью выявляет себя. Возможно, это не всегда ощущается, но несомненно, что при чтении каждого подлинно лирического стихотворения мы начинаем беззвучно петь в душе эту песню, ноты которой поэт в своем стихотворении перенес на бумагу с помощью слов. Так дополняют друг друга лирическая поэзия и музыка. Не может быть никаких сомнений в том, что именно эти моменты имел в виду Илья Чавчавадзе, когда, определяя место лирики, говорил о музыкальном характере лирического стихотворения, его некоторой незавершенности, о взаимозависимости поэзии и музыки.

Именно в этом следует искать и сам предмет лирической поэзии. Илья Чавчавадзе разяснил этот вопрос с такой полнотой, что для его понимания будет вполне достаточно привести следующие слова поэта: «Предмет такой (т. е. лирической. — Г. Д.) поэзии — это состояние души самого поэта в разных случаях и обстоятельствах; выражение минутного чувства, минутного впечатления; одним словом, сам поэт здесь рисует лишь свое чувство, движение и восприятие своего сердца. Для него не существует внешняя природа, а если и существует, то в его руках она гибка и мягка подобно свече; стоит ему согреть ее теплом своего сердца, и он отображает на ней то, что почувствовал сам, а не то, что имеется в природе, как непременное ее свойство. Это направление заняло у нас настолько господствующее положение, что не только известные, прославленные поэты, но и те, кто бездарно слагают пару рифм, тоже являются последователями такой поэзии»³. Из этого отнюдь не вытекает отрицательное отношение к лирической поэзии вообще: такое понимание слов Ильи Чавчавадзе было бы грубой ошибкой. Здесь только подчеркивается, что лирическое выдвигает на первый план субъективное, выражает настроение художника, причем иногда в его зависимости от внешнего мира, то есть слабее, а внутреннее «я» выражается сильнее. Поэтому лирик, каким бы он ни был, к какому бы направлению он ни принадлежал, не может избежать этого главного предмета. Поскольку главный предмет остается без изменений, стихотворения лириков разных времен часто похожи друг на друга, хотя, разумеется, лирика Ренессанса и классической эпохи, и тем более современная, совершенно новая советская лирика не могут быть одинаковыми.

Лирика господствовала в литературе всех народов, и грузинская литература в этом отношении не составляет исключения. В истории грузинской поэзии известно большое число лирических шедевров, но Илья Чавчавадзе полагает, что создание подлинно великой поэзии невозможно без эпопеи; по его мнению, величие автора «Витязя в тигровой шкуре» и в том, что только его гений «смог создать эпопею, хотя и в его поэме встречается немало лирических пассажей;

¹ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. III, с. 459 (на груз. яз.).

² Там же.

³ Там же.

бесталанность наших писателей, пытавшихся создать нечто подобное, в том и состоит, что все они в конечном счете переходили к лирике»¹.

Таким образом, становится совершенно очевидным, что Илье Чавчавадзе широкое эпическое полотно представлялось более сложным, более значительным явлением, нежели произведение чисто лирическое; эпопея, как жанр, требует большого таланта и мастерства. Возможно, здесь была бы уместной некоторая аналогия с сопоставлением беллетристики и драматургического искусства. Ведь драма, по убеждению самого Илья Чавчавадзе, относится к сложнейшему виду искусства; в статье «По поводу новых драм», написанной позднее, в 1890 году, прямо сказано, что «...создание драмы гораздо труднее всех других поэтических произведений, и не каждый писатель, даже талантливый, решается взяться за нее»².

Если это так, если эпическое труднее лирического, то не изменил ли Илья Чавчавадзе своего мнения? Или, возможно, мы имеем дело здесь только со случайным высказыванием? Нет, в другом месте той же статьи автор снова, причем более пространно повторяет свою мысль, указывая, что «среди наших поэтов только гений Руставели сумел создать эпопею, и до настоящего времени никого не видно кроме него. Хотя в грузинской литературе имеются некоторые поэты, пытавшиеся подражать Руставели, ни у одного из них не оказалось необходимого таланта и знаний, чтобы успешно идти по пути, указанному Руставели. Они часто начинали с повествования (в данном случае имеется в виду эпопея. — Г. Д.), но в конце концов все же сворачивали к лирике...»³.

В чем же причина этого?

Илья Чавчавадзе утверждает, что «причина такого явления — слабость талантов»⁴. Независимо от нашего отношения к этому категорическому заявлению, нельзя не заметить, что оно направлено против чрезмерного увлечения лирикой, против засилия лирических произведений, а не против грузинской поэзии вообще, которая по праву занимает достойное место в мировой поэзии и неизменно заслуживает высокую оценку самого Илья Чавчавадзе. Именно он первым дал основательный анализ сущности древней поэзии, по глубине и широте охвата принципиально отличающийся от поэтических разысканий Мамуки Бараташвили в «Чашники» («Проба»), анализа версификации, проделанного Иоаном Багратиони в «Калмасоба», и общего ретроспективного экскурса Соломона Додашвили в «Кратком исследовании». Илья Чавчавадзе первым теоретически осветил основную идею и форму выражения древней поэзии.

Говоря о специфике идейного содержания древней поэзии, он выделяет в нем следующие основные моменты: «а) жалобы, стенания, порицание бренного мира; скорбь по поводу ничтожности человека, суетности его жизни, устремление взгляда с надеждой в небеса, где ожидают справедливого суда и вечное успокоение; б) любовь более платоническая, вероломство и непостоянство земной любви; если мы не встретимся здесь — то будем на небе братом и сестрой; в) женщина либо ангел, либо чаще демон, несущий гибель мужчине; г) природа в их руках — чистый воск: что захотят, то и вылепят из нее; является ли природа прекрасной — в соответствии с их (т. е. древних поэтов. — Г. Д.) чувствами; она, как объект, для них не существует»⁵.

Что же касается специфики формы, то эта последняя определяется И. Чавчавадзе как «фигуральность и аллегория под влиянием персидской литературы». Именно в такой форме, по его мнению, древняя поэзия выражала свою идею.

Однако Илья Чавчавадзе не ограничился только анализом идейного содержания и особенностей формы древней поэзии. Он первым в грузинской критике сделал попытку показать ломку форм древней поэзии в новое время на примере творчества Давида Гурамишвили, Александра Чавчавадзе, Григола Орбелиани и Николоза Бараташвили и охарактеризовать каждого из них. «Давид Гурамишвили, который как будто впервые попытался, разумеется, лишь в некоторых случаях, ввести элементы европеизма в грузинский стих, в его звучание; Александр Чавчавадзе, который чаще других пытался распространить этот европеизм, но и у него имеются фигуральные стихи; Григол Орбелиани, продолжатель европеизма; Н. Бараташвили, блестящий представитель, европеизма; нынешние писатели, которые подражают этому европейскому звучанию, но в направлении своих мыслей, своими идеями походят на древних»⁶.

¹ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. III, с. 457.

² Там же, с. 186.

³ Там же, с. 459.

⁴ Там же, с. 457.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Это последнее соображение еще более четко и ясно повторяется в третьем отрывке той же статьи, где автор упрекал современных ему поэтов за их сходство с древними поэтами. «Внимательно рассмотрев стихотворения, созданные за шесть лет, — писал Илья Чавчавадзе, — мы обнаружили, что новые поэты «Цискари», за исключением некоторых, тесно связаны с древними поэтами, причем связь эта — не выражение исторической преемственности, а самое обыкновенное сходство: нынешние поэты повторяют почти то же самое, что говорили старые, столь похожи друг на друга их мысли, их направление»¹. Илья Чавчавадзе не мог разделить эту линию современных ему поэтов, отказался следовать по их пути. Он избрал совершенно другое направление, которое в России и Европе называлось реализмом (заметим здесь же, что в грузинской драматургии уже были сделаны первые шаги в этом направлении). Сегодня можно не разделять всех положений Ильи Чавчавадзе в оценке древней и новой литературы, но несомненно, что им был избран правильный путь. Он не только изучил направление литературы того времени, но и открыл новые дороги для грузинской лирики, расширил ее границы, повел ее от эпикуреизма к его полной противоположности — к обществу, оставив при этом лишь один краешек для сближения с эпикуреизмом. Этим нисколько не была принижена самобытность лирики. И. Чавчавадзе привнес в нее как бы больше внутренней стойкости, дав ей из «узколичного» перерасти в «общественно-личное».

К числу таких лирических стихотворений Ильи Чавчавадзе относятся обе «Молитвы» (1858), «На чужбине» (1858), «Одинок, плыву в житейском море» (1858), «Пусть я умру...» (1858), «Страдал и я» (1858), «Элегия» (1859), «На берегу Куры» (1859), «К Алазани» (1859), «Темно вокруг, и на душе темно» (1860), «С тех пор, как я тебя люблю» (1861) и «Мое перо» (1861). Все они составляют лирическое наследие Ильи Чавчавадзе, и чтобы показать, как переходит «узколичное» в «общественно-личное», для иллюстрации можно привести одно из них:

С тех пор, как я тебя люблю, в томительном волненье,
О, родина, я потерял и сон мой и покой!
Мне внятно сердца твоего тревожное биенье.
Так ночь за ночью, день за днем с тобою я душой.

(Перевод М. Талова)

Эту поэзию, это высокое чувство долга в прошлом столетии вызвала к жизни новая действительность.

Илья Чавчавадзе, спустя шестнадцать лет после создания Николозом Бараташвили стихотворения «Могила царя Ираклия», гениально выразил заключенные в нем боли и страдания в своем стихотворении «Грузинке-матери», в котором развернул всю программу действий шестидесятников:

Что пользы плакать над давно забытым,
Жестокой дланью времени убитым.
Что проку над былой грустить бедою,
Пора идти нам за иной звездой.
Пора глядеть нам в будущие годы,
Ковать судьбу грузинского народа².

(Перевод В. Звягинцевой)

С самого же начала своей литературной деятельности Илья Чавчавадзе повел борьбу за то, чтобы дать народу это будущее; в 1861 году в апрельском номере журнала «Цискари» была напечатана его статья «Несколько слов о переводе князем Ревазом Шалвовичем Эристави «Сумасшедшей» Козлова». Это было такое же большое событие в грузинской литературе, каким для русской литературы явилась первая пространная статья Виссариона Белинского «Литературные мечтания», опубликованная в 1834 году в «Молве». Статья Ильи Чавчавадзе громом грянула в грузинской литературе начала 60-х годов; она потрясла старые основы, открыла новые горизонты и поставила перед обществом совершенно новые задачи. Лед тронулся, старые верования пошатнулись, вместо старых идолов должна была возникнуть новая литературная ипостась. На публичный суд была вынесена целая программа, вдохновленная новыми идеями. Главной задачей литературы было объявлено отображение непосредственной жизни народа, его нужд и страданий; была признана необходимость реформы языка, как естественное следствие развития жизни; прошлое и настоящее самой лите-

¹ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. III, с. 458.

² И. Чавчавадзе. Избранное. Тб., 1952, с. 40.

ратуры предстало совершенно в новом виде. Не только литература — сама нация почувствовала, что на арену общественной жизни выступил живой, полный энергии, молодой тергдалеули (испивший воды Терека), подобно тому, как в России широко распахнул двери в литературу разночинец. Появилась целая фаланга общественных деятелей во главе с Ильей Чавчавадзе: в эту плеяду входили Акакий Церетели, Кирилл Лордкипанидзе, Георгий Церетели, Нико Николадзе и другие. Стал выходить новый, совершенно оригинальный журнал «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»), который начертал на своем знамени «служение народу» и начал проповедовать принципы утилитарной эстетики, теснейшую связь между наукой и искусством, распространение идей Белинского и Чернышевского, постановку вопросов развития родного языка с точки зрения их общественной значимости. О том, насколько все это было важно, можно судить хотя бы по той борьбе, которая развернулась вокруг этих вопросов.

В историческом развитии грузинского литературного языка современная филология различает три основных периода (древний, средний и новый) или же два (древний и новый)¹. Первое деление принадлежит академику Корнелию Кекелидзе, второе — академику А. Чикобава. Древний период определяется с V до конца XI века, второй — с XII века до наших дней (А. Чикобава); по другому делению первый период — до XI—XIII веков, второй — до конца XVIII века, а третий — с начала XIX века до наших дней (К. Кекелидзе). Во всяком случае, XIX век — это пора нового грузинского языка, и самыми великими его представителями, утвердившими народные основы нового литературного языка как теоретически, так и в художественной практике, были Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела и Яков Гогешвили.

Дальнейшее развитие полностью подтвердило правоту Ильи Чавчавадзе в борьбе против риторики Антония Первого, против «теории трех стилей»; прав он был, и когда изъясил из правописания лишние буквы, когда в вопросах литературного языка противостоял так называемым «отцам», утверждая, что язык является сокровищем народа. Илья Чавчавадзе писал: «Три священных сокровища достались нам от предков: отчизна, язык и вера. Если мы не сможем позаботиться о них, то что же за люди мы будем, какой ответ дадим потомству? Мы ничего не можем сказать о других, но сами мы даже родному отцу не позволили бы коснуться родного языка, сравнить его с лицом земли. Язык — это нечто божественное, общественное достояние, человек не должен касаться его своей грешной рукой»².

Так же прав был Илья Чавчавадзе, доказывая: «...где нет мысли, там язык, каким бы он ни был хорошим, совершенно бесполезен... мысль, и только одна мысль дает языку его значение»³. «Язык человека растет и развивается подобно отдельной личности; во время этого роста язык меняется, как и мы, люди, меняемся обычно в процессе роста; часто бывает, что законы, нужные в одно время, в иное время становятся негодными, но этот новый язык не похож на старый язык, как новый человек не похож на старого человека»⁴, «...закон языку дает сам язык, а не какая-нибудь теория»⁵, «народ, а не отдельные теоретики, законодатель языка»⁶. Все эти теоретические принципы Илья Чавчавадзе осуществлял в своих сочинениях; этот новый язык он использовал и в переводах иностранной литературы.

В грузинской литературе переводческие традиции восходят к литературной практике Эквтиме и Георгия Мтацмидели — афонских, хотя значительно раньше, в V веке, уже был известен грузинский перевод «Святого писания», как это установлено академиком Корнелием Кекелидзе⁷. В X, XI и XII веках переводы на грузинский язык получают широкий размах; наряду с религиозной литературой переводятся поэтические и прозаические произведения и в широком объеме — философские книги. Достаточно назвать хотя бы только переводы Иоанна Петрици. В XIII веке в результате опустошительных нашествий монголов переводческая работа почти прекращается по причине бедствий, которые переживала страна, и возобновляется только с начала XVI века, когда целая плеяда грузинских поэтов приступила к развитию национальной литературы. Из этих поэтов для иллюстрации можно назвать имена Серапиона Кеделаури, Теймураза Первого,

¹ Подробно по этому вопросу см.: К. Кекелидзе. История древней грузинской литературы, т. I. Тб., 1951, с. 27—34; А. Чикобава. Общая характеристика грузинского языка (Толковый словарь грузинского языка), т. I. Тб., 1950, с. 18—28.

² И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. III, 1953, с. 26—27.

³ Там же, с. 38.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 40.

⁷ К. Кекелидзе. История древней грузинской литературы, т. I. Тб., 1951, с. 383—384 (на груз. яз.).

Вахтанга Шестого, Сулхана-Саба Орбелиани и многих других. В XIX веке снова возрождается переводческая деятельность, переводятся как прозаические, так и поэтические и драматические произведения; вспомним переводы Александра Чавчавадзе (Вольтера и Пушкина), Николоза Бараташвили (Лейзевица), Георгия Эристави (Мицкевича), Дмитрия Кипиани, Сардиона Алекси-Месхишвили. Этому содействовал единственный существовавший в то время грузинский журнал «Цискари». В 60-х годах прошлого века переводы на грузинский язык осуществляются значительно чаще. «Тергдалеули» переводят главным образом лучшие образцы русской литературы. Вопросы перевода становятся предметом специального обсуждения, о чем свидетельствует опубликованный И. Евлаховым в 1846 году перевод нескольких отрывков из «Витязя в тигровой шкуре», вызвавший негодование Д. Чубинашвили. Развернувшаяся на страницах газеты «Кавказ» в 1846 году полемика между Чубинашвили и Евлаховым представляется значительной еще и потому, что обе стороны отстаивали совершенно справедливое мнение. Перевод не подразумевает перевода отдельных слов — это было бы проявлением бездарности и беспомощности; при переводе необходимо сохранять достоинства и отличительные черты оригинала.

Этот основной тезис в 60-х годах XIX столетия отстаивали и «тергдалеули», добавив к нему другие, не менее важные принципы — мы прежде всего имеем в виду принцип выбора объекта перевода. Илья Чавчавадзе в своей первой критической статье «Несколько слов о переводе Ревазом Шалвовичем Эристави «Сумасшедшей» Козлова», опубликованной в 1861 году, изложил некоторые соображения по вопросам теории перевода, особо подчеркнув, что переводчик должен нести ответственность за выбор переводимого произведения. Кроме единственного случая, когда Илья Чавчавадзе перевел объемистый роман «Иза», избранные им для перевода на грузинский язык произведения привлекают внимание именно этой стороной.

Молодой поэт, которого постоянно волновали наболевшие вопросы современного состояния и дальнейших судеб грузинского народа, обращался, естественно, к творчеству таких поэтов, как Гете, Шиллер, Вальтер Скотт, Байрон, Томас Мур, Пушкин, Гейне, Рюккерт, Лермонтов, Андре Шенье, причем выбирал такие лишь лирические или эпические произведения, которые в наибольшей мере откликнулись, непосредственно или аллегорически, на злободневные вопросы современности. Сравнивая оригинальные стихотворения Ильи Чавчавадзе с переведенными им произведениями, нельзя не заметить одну общую черту, объединяющую и связывающую их. Произведение Гёте «Проповедник Беда», которое двадцатилетний И. Чавчавадзе в 1857 году перевел в Петербурге, по своему идейному содержанию роднится с его собственными настроениями того времени. В мире господствуют соблазн и обман, люди даже не прислушиваются к божественной проповеди, вдохновленной любовью к ним; слепой пастырь Беда остается обманутым и осмеянным, и лишь бездушные камни вместо людей восклицают в ответ на его проповедь: «Аминь!». Такое же одиночество, такая же разобщенность между добрым проповедником и массами волновали и поэтическую музу Ильи Чавчавадзе; поэтому нельзя считать случайными его слова:

Но, родина! Да будет мук тебе ясна причина.
О том я пламенно скорблю, что мой пытливый ум
Средь сонма всех твоих сынов еще не встретил сына,
Кому бы я поведать мог рои тревожных дум!¹

(Перевод М. Талова)

¹ И. Чавчавадзе. Избранное. Тб., 1952, с. 75.

Продолжение следует

КАЗНОХРАНИТЕЛЬ НАЦИИ

21 ФЕВРАЛЯ 1953 года в возрасте девяносто лет скончался выдающийся сын грузинского народа, крупнейший ученый и общественный деятель Эквтиме Такайшвили. 24 февраля тело его предали земле Вакнийского кладбища, где погребены многие опочившие ученые Грузии. Десять лет спустя, в связи со столетием со дня рождения, благодарная родина решила сделать местом вечного упокоения Эквтиме Такайшвили Дидубийский пантеон.

...Тихим и ясным было утро 10 марта 1963 года. В тот день Союз писателей Грузии совместно с Академией наук республики совершали церемонию перенесения праха Эквтиме Такайшвили. Честь перенести его прах выпала нам четверым: Акакию Гавриловичу Шанидзе, Ираклию Виссароновичу Абашидзе, Исидорэ Самсоновичу Долидзе и автору этих строк.

К нашему приходу гроб уже был извлечен из могилы. Акакий Гаврилович попросил, чтобы подняли крышку.

— Мы отвечаем перед народом! Во избежание какого-либо недоразумения следует взглянуть на останки, — сказал он.

С благоговением подняли мы крышку гроба... Сердце мое колотилось от волнения, я ничего не смог увидеть... Акакий Гаврилович со скорбным лицом стоял, склонившись над гробом, и долго глядел на прах. Ираклий Абашидзе смотреть отказался.

Машина готова была тронуться, когда Акакий Шанидзе снова попросил поднять крышку.

— Почему вы так спешите, дайте мне возможность побыть с ним подольше, — проговорил он.

Мы вторично подняли крышку. Акакий Шанидзе какое-то время молча, задумчиво стоял над открытым гробом. Наконец наша маленькая процессия двинулась к Дидубийскому пантеону.

Когда мы достигли ворот пантеона, нас встретило несколько человек — ближайших родственников усопшего. Гроб установили у края новой могилы. Акакий Гаврилович попросил, чтобы еще раз подняли крышку. Он низко склонился над прахом, точно тайно шептал

ему какое-то напутствие. Мне на мгновение почудилось, будто Эквтиме глядит на Акакия благодарными глазами. Вероятно, все мы унеслись мыслями куда-то вдаль, и, вероятно, наше скорбное молчание продолжалось долго. Голос могильщика вернул нас к действительности:

— Послушайте, батона, сколько же еще мы будем так стоять?

Медленно опустился гроб с останками Эквтиме Такайшвили в вечную обитель. Боготворимая им грузинская земля мягко укрыла его. Мы в последний раз простились со столетним старцем, «Казнохранитель нации» лег в дидубийскую землю, ту самую, где не раз стоял он перед прахом других выдающихся сынов своей отчизны.

После печальной церемонии мы прибыли на квартиру племянницы Эквтиме — Н. Такайшвили и ее супруга П. Деметрадзе. Все понимали, что в тот вечер разойтись по домам иначе просто невозможно. Взволнованные, напряженные, мы наконец смогли дать волю своим чувствам. Говорили торопливо, перебивая друг друга, и все разговоры были об одном — вспоминали Эквтиме, встречи с ним, беседы...

Воспоминания перенесли нас в Тбилисский государственный университет.

Трудно представить себе ту атмосферу, которая царил в актовом зале университета во время памятной встречи с одним из его основателей, уже престарелым ученым Эквтиме Такайшвили. От этого человека, отягченного невгодами, трудами, лишениями нелегкой жизни, исходила величайшая духовная энергия. Его горящие глаза с надеждой и восторгом глядели в зал, полный народа.

Перед ним был весь научный совет университета, лекторы, студенты, а он глядел и все не мог поверить в те величайшие перемены, которые испытала за истекшие двадцать пять лет вся грузинская культура и — грузинский университет.

Благодаря академику Нико Кецховели, ректору университета, в тот день я удостоился чести стоять близ легендарного старца.

Я слышал, как Эквтиме дважды спросил ректора:

— Нико, кто эти люди?

Ему, очевидно, хотелось еще и еще раз слышать ответ.

— Ученые, преподаватели университета, аспиранты, студенты, батоно Эквтиме, — с многозначительной улыбкой почтительно отвечал ректор.

Эквтиме обеими руками опирался на кафедру, желая скрыть охватившее его волнение, и все не мог унять дрожь. Произнес краткую вступительную речь, он обратился к собравшимся словами великого Акакия Церетели:

Бирюзовый, изумрудный,
Край родимый, край живительный!
Я большой к тебе вернулся,
Будь отрадой мне целительной.

Я прошу лишь о немногом:
Схорони в земле любимой,
Бирюзовый, изумрудный,
Край ты мой, о, край родимый!

(Перевод С. Шервинского)

В зале в те минуты, вероятно, никто не дышал!..

Участники той встречи по сей день помнят каждое слово, произнесенное Эквтиме, по сей день звучит у них в ушах его голос.

...Вспоминали многое. Говорили о том, что надо бы сделать еще для увековечения памяти великого ученого и общественного деятеля. В одном все мы были твердо уверены: любовь Эквтиме Такайшвили к родной земле была столь сильна и высока, что любой уголок ее был для него так же свят, как Мтацминда.

...Прошло почти двенадцать лет с той поры, и однажды я осмелился спросить Акакия Шанидзе:

— Батоно Акакий, почему тогда вы заставили нас трижды поднимать крышку гроба Эквтиме Такайшвили и почему так долго глядели на останки?

— Мы переносили прах очень большого человека, большого ученого и общественного деятеля Грузии, мы вчетвером как бы олицетворяли тогда весь грузинский народ. Это было не просто, — ответил Акакий.

Несколько десятилетий назад при кафедре патологической анатомии Тбилисского государственного медицинского института был создан музей головного мозга усопших выдающихся деятелей Грузии. Мозг каждого из них помещен в герметически закупоренный стеклянный сосуд. На каждом сосуде лаконичная надпись из двух слов:

«Нико Николадзе». «Андриа Размадзе». «Закария Палиашвили». «Иванэ

Джавахишвили». «Галактюн Табидзе». «Эквтиме Такайшвили». «Шалва Дадияни». «Иванэ Бериташвили». «Николаэ Мухелишвили».

Какое мизерное пространство занимают они! Покров для святых мощей, искусно вышитый некогда Тamar-царицей, целиком укрыл бы все это пространство...

Стоишь в этом необыкновенном помещении, и сердце у тебя замирает от волнения, и рвется душа, и трепет объемлет тебя, потому что — кто же дал такое право: рукой касаться божественной сути!.. Поразительно, как возникает, мужает и живет в этих вот двух полушариях мозга, столь невеликих по объему, великая мечта и страстное стремление, скорбь и радость, сомнение и надежда, любовь и ненависть, неумная и беспредельная творческая мысль!..

Зав. кафедрой профессор Тamar Деканосидзе и академик Ираклий Татишвили благоговейно рассматривают сосуд с заключенным в него мозгом Эквтиме Такайшвили и характеризуют его. «Несмотря на некоторые значительные изменения, кровоснабжение головного мозга престарелого ученого протекало в пределах нормы...» — заключает Тamar Деканосидзе. Здесь, на кафедре, имеются подробные справки о мозге каждого из вышепоименованных выдающихся деятелей. В соответствующих актах зафиксированы вес мозга, его объем, форма, визуальная характеристика...

Вес и объем мозга... Да простится науке эта дерзость!

Что могут сказать нам эти сухие показатели, когда лишь в коре больших полушарий головного мозга насчитывается до четырнадцати миллионов нервных клеток, а общая длина капиллярной сети достигает тысячи двухсот километров!..

Сколько еще тайн природы остаются неизвестными!

Восторг и грусть одновременно охватывают тебя, когда слышишь, что в мозгу Иванэ Джавахишвили не обнаружено никаких возрастных изменений, несмотря на титанический труд ученого на протяжении всей его жизни.

И если Иванэ Джавахишвили в последние годы свои выглядел глубоким старцем, он, по уместным в данном случае словам Байрона, «постарел от великих дел, но не от великих лет».

Когда мы с профессором Тamar Деканосидзе и академиком Ираклием Татишвили ставили на место прозрачные сосуды, у меня мелькнула мысль: пусть мозг Иванэ Джавахишвили и мозг Эквтиме Такайшвили покоятся рядом. Эти два человека и при жизни стояли рядом и вместе закладывали фундамент Тбилисского университета...

Баски и грузины

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в Басконии сохранились пережитки культа воды, подтверждающиеся также на Кавказе. В связи с этим русский басколог Ю. Зыцарь считает допустимым, что грузинский термин **ибер** в основе связан с местной грузино-кавказской почвой. Ср. **Ипарн**, **Пари** (в Сванетии) и груз. **бари** («долина») и другие¹. Профессор Р. Лафон сравнивал баскское **ибар** (прибрежный лесок) с груз. **бари**. В слове **ибар** «б» оглушено и получено **ивар**, а в **пар-и** начальный гласный «и» выпадает. Такие звуковые изменения оправданы фонетическими закономерностями не только картвельских, но и баскского языков. Ср. баскское *pide//bide*—**путь, дорога**, баск. *gog-i*—**красный**—*i-gagg*, *khag-i*—*khag*—**пламя**, *a-gogg*, *khogg*, *gogg*—**сухой, твердый, глухой** и т. д. Так что сравнение пиренейских и грузинских этнонимов имеет прочную основу и невозможно, чтобы это сходство было случайным, так же как не должно быть случайным сходство таких слов, как баск. **арагон**, **арга** и груз. **Араги**, **Аргвети**².

Таким образом, европейский этноним (**ибер**) связан с названиями реки, воды и соответственно поставлен вопрос о существовании культа воды на Пиренейском полуострове. В связи с этим вспомним то, что было сказано выше относительно анализа разновидности грузинского этнонима **ибер**—**табал**; в пиктографических надписях табалов их страна обозначена идеограммой, которая расшифровывается как **вода**, а в целом название страны — как **страна вод**, название же населения этой страны — как **люди страны вод** или **морей**; следует отметить также, что **ибер** было и названием реки в Восточной Грузии: так, например, Плиний Секунд в том месте своей «Естественной истории», где речь идет о племенах, населяющих бассейн реки Мтквари (Куры), считает реку Ибер их границей с месхами в направлении к Кераунским горам. Под названием «Кераунские горы» была известна часть Кавказских гор. На основании этого сведения предполагают, что границей с месхами, по направлению на север, во второй половине I века н. э. была река **ибер** — приток реки Мтквари³.

Пиренейский этноним **ибер** этимологически связывают с древнейшим названием африканского народа берберов. Считают, что здесь имеет место «ливийское удвоение» этнонима **бер**. В **ибер-е** же предшествующий «и» считается артиклем, засвидетельствованным в ливийском языке. В качестве основы выделяется **бер**. Эту этимологию защищал Шульцен, примыкавший к гипотезе о пе-

¹ Ю. В. Зыцарь. О родстве баскского с кавказскими. — «Вопросы языкознания», 1955, № 5, с. 54—55.

² Там же.

³ С. Какабадзе. Из древнейшей топонимики Грузии. — «Сансторио моамбе», II, 1925 (на груз. яз.).

реседелении иберийских племен из Ливии. В слове **бербер** усматривал и-бер и Н. Марр¹.

Из всего вышесказанного естественно вытекает следующий вывод: если европейская **Иберия** и кавказская **Иберия** — одно и то же название, тогда надо исключить «западное происхождение» этого термина и исходить из той этимологии, которая получена в результате анализа названий исторически известных грузинских племен, о чем говорилось выше.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СООТНОШЕНИЕ ДВУХ ИБЕРИЙ

Каково соотношение между западной и восточной Ибериями, существуют ли родственные друг другу грузинские и пиренейские иберы или же здесь — простое совпадение названий? Этот вопрос поставили еще греческие и римские авторы античной эпохи: писатели, ученые, государственные деятели... В последующие века по этому вопросу высказывали свое мнение также древнеармянские и древнегрузинские авторы. Этот вопрос с особой остротой был поставлен в европейской науке нового времени.

Таким образом, исследование исторических, этнографических и лингвистических взаимоотношений азиатских и европейских иберов входит в круг международных научных проблем.

Древнегреческие и римские писатели признают, что между азиатскими и европейскими иберами, несомненно, существовали родственные связи, однако спорным считался вопрос о первоначальном местопребывании иберов. Некоторые помещали первоначальную родину иберов на западе, на Пиренейском полуострове, откуда в незапамятные времена тронулась одна этническая волна этой группы племен и поселилась на Кавказе. Другие же полагают, что европейские иберы пришли с Кавказа. Назывались и различные причины миграции. Некоторые же считали, что между двумя Ибериями не существует никакой связи и сходство названий совершенно случайное.

Расхождения между вышеупомянутыми точками зрения следующим образом сформулированы в сочинении римского историка и государственного деятеля I—II веков н. э. Аппиана, по происхождению грека: «Азиатских иберов одни считают предками, другие — колонистами европейских иберов, третьи — только одноименным народом, потому что они не сходны ни по обычаям, ни по языку»².

Аппиан здесь, как видим, — только пассивный наблюдатель, ничем не выражающий своей собственной позиции по интересующему нас предмету.

Хронологически первое сведение о миграции иберов из Азии принадлежит древнеримскому писателю и ученому, основателю римской публичной библиотеки Варрону (II—I вв. до н. э.), сочинение которого, правда, до нас не дошло, но на него ссылается римский натуралист Плиний (I в. н. э.). Вот что говорит Плиний: «Варрон уверяет, что иберы, и персы, и финикияне, и кельты, и пунийцы расселились по всей Испании»³.

Причиной переселения древних испанцев (европейских иберов) на восток некоторые авторы считали набеги вавилонского царя Навуходоносора (жил в 604—561 гг. до н. э.) на западные страны: он, по их мнению, захватил в плен часть иберов и переселил в Азию — на восточное побережье Черного моря. О нашествиях Навуходоносора впервые сообщил греческий автор, географ и историк Мегасфен (IV—III в. до н. э.) в своем сочинении, описывавшем путешествие в Индию. Сочинение это сохранилось лишь во фрагментах, включенных в свои произведения авторами последующей эпохи.

Сведения Мегасфена повторяет Страбон. На него ссылается и Иосиф Флавий (I в. до н. э.), а также «отец церковной истории» Евсевий Кесарийский (III—IV вв. н. э.): «После того как Навуходоносор, который был сильнее Геракла, собрал войско, он достиг страны ливийцев и страны иберов, победил их, разгромил и покорил: часть их он переместил по правую сторону Понта и поселил там»; «Мегасфен в четвертой книге своей «Индии» рассказывает об упомянутом выше вавилонском царе,

¹ N. Mar. Der japhetische Kaukasus.— «Избр. работы», I, 1933, с. 216.

² Ср.: В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, I, Санкт-Петербург, 1893—1900, с. 529.

³ «Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе». Собрал и перевел с подлинников К. Ган. Часть I, Тифлис, 1884, с. 101.

что отвагой и подвигами тот превосходил Геракла, — причем настолько, что, как он говорит, завоевал большую часть Ливии и Иберии¹.

И Страбон, и Флавий отмечают, что Навуходоносор перевел свое войско из Испании на берега Понта.

Академик И. Джавахишвили обращает внимание на вышеупомянутые слова Евсевия Кесарийского и подчеркивает, что в данном эскизном интереснее то, что Мегасфен, автор III века до н. э., говорит о переселении иберов с такого далекого юга. Данный факт подтверждает, что в те времена действительно существовала подобная легенда. Как известно, это событие, переселение или приход грузин в Закавказье, более поздняя версия сказания приписывает уже Александру Македонскому. Сведение Мегасфена отражает более древнюю стадию этого предания, тогда как датировка самого факта подразумевает уже не III, а VI век до н. э.².

Из сообщения Евсевия видно, что Навуходоносор перевел в Грузию (на берега Понта) не свое войско, как это подразумевается у Страбона и Флавия, а часть народа, покоренного им в Африке и Испании, которую он и поселил по правую сторону Понта.

В связи с этим Мар-Аббас-Катина (I в. до н. э.) в своем сочинении «Древняя история армян» приводит слова Абидена о том, что Навуходоносор со своим войском напал на иберов (здесь имеются в виду европейские иберы. — Ш. Д.), покорил их и часть из них поселил на правом берегу Понта, на западе.

На рассказ Мар-Аббаса-Катины ссылается более поздний автор — армянский историк Моисей Хоренский (V в. н. э.) в своей «Истории Армении»; его же повторяют и другие армянские авторы, использовавшие сочинение Хоренского³.

Сведения о переселении вавилонским царем части населения Испании в Грузию Мар-Аббас-Катина и Моисей Хоренский почему-то приписывают Абидену, а не первоначальному автору, Мегасфену. Эта ошибка объясняется легко⁴.

Следует отметить, что Навуходоносор никогда не бывал на Западе. Наука находит определенное объяснение вышеупомянутой легенде, засвидетельствованной в древних источниках. Можно полагать, что в основе сведений Мегасфена лежат другие исторические перипетии, другое повествование о военных походах Навуходоносора.

Историк XIII—XIV веков н. э. Никифор Ксантопулос, автор «Церковной истории», состоящей из 18 книг, считал, что иберы Грузии — «переселившаяся часть иберов Испании»⁵.

Познакомимся теперь с теми авторами, которые говорят о родстве иберов, не называя, однако, причин миграции.

Дионисий Периегет, географ I—II веков н. э., отмечал, что между Каспийским и Черным морями «живет восточный народ иберы, которые некогда гризли с Пиренеев на восток и вступили в ожесточенную войну с иракцами»⁶.

Византийский автор VII века Максим Исповедник полагал, что западноевропейские иберы — пришельцы с Кавказа.

Вспомним слова римлянина Присциана (V—VI вв. н. э.), на которые мы ссылались и выше: «...собственно «Hiberes» называется племя, выселившееся от иберов, которые живут за Арменией».

Интерес представляют также сведения, приводимые Евстафием (XII в. н. э.): «Перешеек между Каспийским и Черным морями, где находится восточная Иберия, Периегет изображает громадным и представляющим обширные районы»⁷.

«Пора теперь сказать и о том, как приняли христианство в те же времена иберы. Одна невинная и добродетельная женщина, по провидению божьему, была взята в плен иберами. Эти иберы жили у Понта Эвксинского, а происходят они от тех иберов, которые живут в Испании»⁸.

В середине X века был составлен исключительно ценный толковый словарь энциклопедического характера, известный под названием Свида. Помимо разъяс-

¹ «Хроники» Евсевия в полном виде дошли до нас в армянском переводе. Текст был переведен на немецкий язык И. Карстом, а оттуда на грузинский — акад. С. Каухчишвили (Georgica, I. Тексты с грузинскими переводами издали и снабдили комментариями А. Гамкрелидзе и С. Каухчишвили, 1961, с. 30).

² И. Джавахишвили. Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, 1950, с. 57, 250 (на груз. яз.).

³ Л. Г. Меликсет-Беков. Родство грузин с испанцами, Тифлис, 1911, с. 23.

⁴ Там же, с. 25.

⁵ Georgica, VII, 1967, с. 99.

⁶ Латышев, I, с. 184.

⁷ Гав, I, с. 135.

⁸ Georgica, I, 1561, с. 229—230.

нения непонятных в те времена слов, здесь можно найти статьи о некоторых выдающихся личностях и географических пунктах. В этом словаре сказано: «Иберы — название племени, а Иберия — страна. Есть также и другая Иберия, западная, которую называют Испанией. Во времена Константина Великого приняты крещение внутренние инды, иберы и армены»¹.

Нельзя также оставить без внимания сведения об иберах, сохранившиеся в сочинении византийского историка XI века Михаила Аталиата. По происхождению Аталиат был из Малой Азии и занимал большие должности (руководитель верховного суда при государственном совете, руководитель военного суда, гатрикий, магистр и проэдрок). В его сочинении подробно говорится об иберах. Познакомимся с отрывками из труда Аталиата: «Иберы пришли из страны кельтов, поскольку, собственно, настоящая Иберия и сама Кельтская Иберия расположены в западных частях Рима (т. е. Римской Империи. — Ш. Д.) вдоль западного океана. Ныне край этот называется Испанией. Жители Иберии, отважные и сильные, долгое время воевали против римлян и в битвах с ними проявили большую стойкость и мужество; с трудом покорили их римляне, которым потребовалось для этого проявить огромную отвагу и неопишуемые усилия, так что с течением времени им удалось заключить договор и даже перемешаться с ними посредством браков и взаимного переселения; поэтому величайший из всех государей и преисполненный всяческих добродетелей Константин выделил из них, из западных иберов, немалую часть и переселил на восток, в ассирийский край, и отсюда название Иберии получила та страна, которая их приняла. Раньше в этой стране жили ассирийцы, потом — мидийцы, а спустя долгое время — армены. И никто не найдет сведений о том, что в прежние времена иберы упоминались в древних «историях». Упоминаются они только с того времени, как поселил их здесь Константин»².

В связи с этим сообщением Аталиата необходимо сделать следующие замечания: неверно, будто Иберия и иберийцы упоминались в древних исторических источниках только со времен Константина (IV в. н. э.). Выше мы убедились, что Иберия была известна в сочинениях гораздо более ранних писателей. Разумеется, не соответствует истине и утверждение, будто бы Константин Великий переселил иберов из Испании в Грузию. Сведения Аталиата имеют ценность в другом отношении: мы знакомимся с распространенной в византийском мире XI века версией о родстве испанских и грузинских иберов³.

Небезынтересно будет познакомиться с одним сведением Иоанна Цеце (XII в. н. э.). По отцу, как он сам отмечает, Цеце был греком, а со стороны матери имел иберийско-кавказское происхождение. Жил он в Константинополе, где получил основательное филологическое и грамматическое образование. Он оставил после себя богатое литературное наследие. В одном из его сочинений говорится следующее: «Иберийские ткани. Серы и тохары — племя, живущее недалеко от Индии. Они изготовляют прекрасные и удивительные ткани, более драгоценные, чем в древности; западные же иберы, а также кораксы изготовляли самые лучшие ткани, но теперь делают плохие, как отмечают многие: из Тебеды (привозят), а серских (тканей) не знают, как другие (говорят)». Анализируя эти отрывочные сведения, профессор С. Каухчишвили отмечает, что «здесь говорится о шелковых тканях. В связи с этим упомянуты «западные иберы». Можно было бы выдвинуть следующую гипотезу: 1. Упомянутые наряду с иберами «кораксы» известны по самим же древнегреческим источникам как жители Закавказья, то есть как представители грузинского племени; 2. Следовательно, упомянутые наряду с ними «иберы» должны быть не «западными», а «восточными» иберами; 3. Известно, что еще в VI веке в византийских источниках говорится об иберийском (т. е. грузинском) шелке»⁴.

В заключение следует отметить, что в Древней Греции и Риме были и такие авторы, которые не находили никакого родства между западными и восточными иберами. С одной стороны, заслуживает внимания наивное соображение Страбона, высказанное гипотетически. Выдающийся географ сообщает, что в тех местах, где живут грузины (т. е. кавказские иберы), водопады несут золото, снеженное золото собирают корзинами и длинноворсыми шурами (отсюда — и миф о золотом руне). Но поскольку в западной Иберии тоже имеются золотоносные пески, отсюда и происходит идентичность наименования.

На этом можно закончить обзор древнегреческих и римских источников по интересующему нас предмету. Как мы выяснили, многие греческие и римские авторы (Аполлодор, Варрон, Плиний, Страбон, Присциан, Аппиан, Евсевий Кесарийский, Абден, Максим Исповедник, Никифор Ксантопулос, Ев-

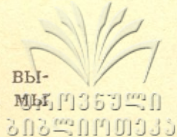
¹ Geographica, IV, 1952, с. 318.

² Geographica, VII, 1966, с. 21—22.

³ Там же (примечание С. Каухчишвили).

⁴ Там же, с. 31.

стафий, Дионисий Пернегет, Сократ Схоласт, Свидя, Аталиат, Цеце и др.) высказали свои соображения о взаимоотношении двух Иберий. Ознакомились и с древнеармянскими источниками (Моисей Хоренский и др.).

* * *

Возникает вопрос: было ли известно в Древней Грузии, что существует вторая Иберия на Западе?

Грузинские источники со всей определенностью указывают на то обстоятельство, что предки современных грузин хорошо знали о существовании западных иберов.

Интересующие нас сведения, относящиеся к периоду до VIII—IX веков, еще не выявлены, но несомненно одно: с этого времени в письменных памятниках говорится об испанской «Иберии».

Первые сведения о западных иберах содержатся в древнейшем грузинском переводе сочинения Василия Кесарийского (329—379) «Шестоднев». Это сочинение переведено в VIII—IX веках с арабского языка.

Сочинение греческого автора Василия Кесарийского (или Василия Великого) «Шестоднев» с раннего средневековья пользовалось большой популярностью во всем мире. Здесь подробно комментируется то место из Библии, которое касается сотворения мира, возникновения живой и неживой природы и человека. Вместе с тем этот памятник сообщает нам некоторые научные данные того времени. В «Шестодневе» мы имеем дело не с узкоцерковным, а в первую очередь со светским памятником, который представляет собой своего рода учебно-научное пособие, и как таковое он преимущественно давал возможность для общего образования, расширял кругозор и удовлетворял естественную потребность человека — составить определенное представление об окружающем его мире (Сперанский). Комментарий Василия посвящен философо-богословским вопросам, что и обусловило широкое распространение этого памятника в литературе христианских народов.

Сочинение Василия Кесарийского неоднократно переводилось на грузинский язык. В «завещании» перевода Георгия Мтацмидели, выполненного в середине XI века, отмечено, что в предшествовавших столетиях существовали и другие переводы сочинения Василия.

Не так давно одна из редакций перевода была обнаружена в двух списках в иерусалимской коллекции грузинских рукописей — среди микрофильмов этой коллекции, которые Центральная библиотека Академии наук Грузинской ССР приобрела у библиотеки американского конгресса (издал с пространным исследованием проф. Илья Абуладзе).

В этом раннем грузинском переводе сочинения Василия Кесарийского в том месте, где разъясняется библейская космогония, сказано, что первоначально не существовало моря — моря, которое сегодня плещется вокруг горы Гадира, не было и той ужасной бездны, избегаемой моряками, которая примыкает к Британскому острову и западным грузинам, а возникло оно и распространилось позднее.

Возникает вопрос: а как представлено интересующее нас место в более позднем переводе XI века (Георгия Мтацмидели)? И здесь эквивалентом «иберов» названы «западные грузины».

Обратим внимание на то обстоятельство, что в греческом оригинале имеем «западная Иберия», а в латинском переводе осуществлена замена «occidentales Hispānos ambit», то есть «западная Иберия» заменена термином «Испания». Такое осмысление имеем и в других случаях.

Предложенный древними грузинскими переводчиками для обозначения Испанской Иберии термин «западные грузины» красноречиво свидетельствует о том, что они этой формулой признают единство и родство между западными иберами и восточными иберами.

Таким образом, в версиях грузинского перевода сочинения греческого автора ясно видно, что в Грузии VIII—IX веков было выработано убеждение в идентичности древних иберов. Несомненно, что, называя европейских иберов «западными грузинами», авторы выражали общественное мнение того времени, а посему в этом следует усматривать своеобразное отражение национального сознания.

Следует также добавить, что распространенные в средние века взгляды и точка зрения по вопросу этногенеза грузин, безусловно, отражают сохранившееся по инерции мировоззрение более ранних эпох, так смело и неприкрыто выявившееся в выполненных с педантической точностью грузинских переводах.

Иберы Пиренейского полуострова обозначены термином «западные грузины» и в грузинской версии «Liber Generationis».

В связи с этим памятником нужно отметить следующее.

Как известно, в Византии и в зависящих от нее в культурном отношении странах «с древнейших времен утвердилось мнение, что после потопа человекство размножилось от трех сыновей Ноя — Сима, Хама и Яфета. Каждый из трех братьев занял определенную часть земли, где от них впоследствии произошли другие народы. Поэтому в средневековой Византии появляются такие писатели, которые исследуют генеалогию известных в то время народов, то есть кто из них происходит от Сима, Хама или Яфета, где обитал тот или иной народ и на каком языке говорил»¹. Вот на этой основе были разработаны «Liber Generationis» и «Diamerismos», которые получили большое распространение в цивилизованном мире: их переводили и снабжали соответствующими комментариями. В III веке сочинение такого характера создал Ипполит Римский. Существуют многочисленные редакции этого сочинения, созданные в последующие века.

Вопросам национальной генеалогии уделяли особое внимание и в древней Грузии. Теоретический интерес к проблемам классификации народов и их географического размещения особенно заметным становится здесь с конца X и до начала XII века, когда протекает процесс политического объединения грузин. Это прекрасно засвидетельствовано в сочинении известного историка XI в. Леонтия Мровели, который исследует происхождение и родство коренного населения Кавказа, и в частности — грузин. В исследовании этих вопросов Леонтий Мровели имел предшественника в лице Эвтиме Атонели (Мтацмидели).

Эвтиме Мтацмидели (955—1028) был родоначальником афонской литературной школы и «одним из крупнейших деятелей культурного прошлого Грузии, оставившим особенно глубокий след в истории грузинской литературы» (К. Кекелидзе). Он перевел с грузинского на греческий «Мудрость Балавара», которая послужила в дальнейшем основой для перевода этого произведения на европейские языки. Этот роман в средние века в литературе христианских народов пользовался огромной популярностью и принадлежит к числу шедевров мировой литературы. Кроме того, Эвтиме обогатил древнегрузинскую литературу переводами греческих сочинений. Нет такой области духовной литературы, в которой он не перевел бы того или иного сочинения (библиология, апокрифы, экзегетика, догматика и полемика, аскетика и мистика, гомилетика, литургия, церковное право). Эвтиме Мтацмидели своей литературной деятельностью стоит на грани двух периодов истории грузинской литературы. Этим объясняется, что его наследие носит как древние традиции, так и новые тенденции. Он больше известен как переводчик, но весьма своеобразный: в процессе подбора материала и его перевода Эвтиме всегда учитывал интеллектуальные потребности и уровень развития своих соотечественников и поэтому или добавлял к переводимому оригиналу что-либо или изымал из него. Таким образом, почти ни в одном переведенном им сочинении оригинал не оставлен без изменений. В своих переводах он давал новую редакцию того или иного сочинения, в значительной степени «огрузинивая» иностранные памятники. Как и следовало ожидать, будучи широко известным и популярным среди византийцев деятелем, он ясно показал грекам творческие способности грузин, уровень и диапазон грузинской культуры и то почетное место, которое по праву принадлежало его отечеству среди передовых христианских народов².

Часть хроники вышеупомянутого Ипполита Римского включена в сочинение Епифания Кипрского (сконч. в 403 г.), представляющее собой объединение двух редакций сочинения Ипполита.

Перевод Эвтиме Мтацмидели выполнен не позднее последней четверти X в. и представляет собой своеобразную редакцию сочинения Епифания. Переводчик в оригинале опустил несколько глав, но зато добавил материал, которого нет в оригинале³.

В этой добавленной части для нас в данном случае особенно интересно, что вместо «кельтиберов» здесь употребляется термин «кельтгрузины».

Как выяснено, Эвтиме в основу своей работы положил труд Епифания, но не оставил его без изменений, не перевел слово в слово, а кое-где включил сведения как из хроники Ипполита, так и из других аналогичных списков, установить которые в наши дни невозможно. Особого внимания заслуживают сведения о грузинских племенах и их соседях. Эти сведения многочисленнее и шире, чем данные греческих источников⁴.

Для нас в данный момент интересно то, что Эвтиме Мтацмидели термином **грузины** передает греческое «иберес». Как отмечает академик К. Кекелидзе, под этим греческим термином Епифаний должен подразумевать грузин, так

¹ К. Кекелидзе. Классификация народов и вопросы их географического размещения в древнегрузинской литературе. — «Этюды», 1956, с. 568.

² К. Кекелидзе. История грузинской литературы, I, 1960, с. 212.

³ К. Кекелидзе. Вопросы классификации народов. — «Этюды», I, с. 172.

⁴ Там же.

как в месте обитания Сима он перечисляет халибов, апсиров, моссиников и иберов. Грузины должны также подразумеваться под этим термином и в армянском переводе хроники Ипполита, где среди потомков Яфета отмечены: Алванк, Халк, Вирк, Егурацик.

Выше в соответствующем месте отмечалось, что в результате вторжения на Пиренейский полуостров большой волны кельтов произошло этнологическое смешение и возникло иберийское племя кельтиберов, которые, так же как и иберы, упомянуты среди потомства Яфета.

Обратим внимание на то обстоятельство, что, как мы видели выше, кельтиберов Пиренейского полуострова Эвтиме Мтацмидели назвал «западными кельтгрузинами». Это тоже весьма важное указание на то, как понимали в древней Грузии взаимоотношение жителей двух Иберий.

А теперь перейдем к одному из наиболее важных фактов.

В древней Грузии возникла идея организовать экспедицию в Испанию, чтобы ознакомиться с жизнью «западных грузин».

Первые достоверные сведения по этому вопросу сохранились в сочинении известного грузинского писателя XI века Георгия Мтацмидели «Житие Иоанна и Евфимия», написанном в 1042—44 годах. Георгий Мтацмидели, настоятель Иверского монастыря, — один из наиболее выдающихся деятелей грузинской литературы XI века: его перу принадлежит большое число литературных памятников, главным образом переведенных с греческого или редактированных произведений. Он был также выдающимся историком. Вышеуказанное оригинальное сочинение Георгия Мтацмидели рассказывает об основании Афонского грузинского монастыря, о его внутреннем распорядке и содержит исключительно интересные сведения из истории не только Грузии, но и Греции, как это отметил в свое время американский кавказолог профессор Р. Блэйк.

Для целей нашего исследования особый интерес представляет упомянутый в произведении Георгия Мтацмидели Иоанн Мтацмидели — Атонэли (отец Евфимия Мтацмидели), который основал Афонский иверский монастырь и был одним из видных деятелей грузинской литературы.

Афонский иверский монастырь был основан в 980—983 годах. Этот замечательный центр грузинской литературы с самого начала был носителем национальной идеи в Греции. Вскоре он стал тем источником, который питал течение передовой культуры в Грузии, и если грузинская литература достигла исключительно высокого развития в XI—XII веках, то немалую роль в этом сыграл и Иверский монастырь, где были собраны лучшие силы грузинской культуры, поставившие своей целью познакомить соотечественников с богатым наследием литературы Запада. Здесь была переведена и переписана большая часть тех литературных сокровищ, которыми по праву гордится история древней грузинской литературы. На Афоне же была основана и сформировалась особая литературная, грамматическая и каллиграфическая школа, оставившая неизгладимый след в истории.

Послушаем теперь Георгия Мтацмидели, который знакомит нас с одним эпизодом из жизни Иоанна:

«По смерти Торникия блаженный отец наш Иоанн решил, взяв своего сына и нескольких учеников, убежать в Испанию: он с начала же тяготился раздорами и смутой, но временно терпел все это, чтобы построить для Торникия (усыпальницу) и спасти его душу. Иоанну доводилось слышать, что грузины — немало грузинского племени и народа — живут в Испании, и потому он отправился в Испанию, и искал, на чем поехать туда, а так как тот, который в то время княжил в Авиде, был большой любимец отца Иоанна, то отец Иоанн этому своему другу открыл свое намерение. Но он воспротивился и, сколько мог, не отпускал его; когда же увидел, что отец Иоанн тверд в намерении, то сбывил ему свою волю следующими словами: «Святой отец, небезызвестно тебе, как высоко ставят цари твои личные качества, если я отпущу тебя, великое зло постигнет меня; поэтому я напишу царям, и как они повелят, так поступи и ты». Он написал царям, и они приказали отправить их (Иоанна и его спутников) в столицу. И когда они прибыли (в столичный город), цари приветствовали их с великим почетом и с большим сожалением говорили им так: «Святые отцы, мы очень ценим вашу святость, и что за причина, что вы убегаете от нас и отправляетесь в чужую страну?». Блаженный Иоанн в ответ сказал: «Благочестивые и самодержавные цари! Я был убогий светский человек, имеющий всевозможные грехи; я желал отправиться куда-либо на чужбину, чтобы, живя в бедности, спасти душу свою. Но не знаю, как случилось, что, узнав о месте моего уединения, прибыл ко мне родственник мой Торникий; вследствие этого приключились раздоры, и я собрал вокруг себя народ. И потому желаю освободить себя от всех этих неприятностей, чтобы пеших о душе своей». Долгое время и в большом почете цари держали Иоанна у себя и с великим трудом убедили его возвратиться обратно в свой монастырь. Цари отпустили Иоанна с большими дарами».

Как видно из текста, Иоанн прибыл в город Абидос (Абидос был расположен около Дарданелльского пролива в Малой Азии), но цари оказали ему сопротивление и не отпустили; таким образом экспедиция Иоанна Афонского, которая отправилась в Испанию и найти «живших там грузин», потерпела неудачу. Точно неизвестно, когда Иоанн Афонский отправился в Испанию. Следует обратить внимание на то место из «Жития Иоанна и Евфимия», где сказано:

«После смерти Торникия в 13-м индиктионе пожертвовали Афонской лавре двадцать восемь литр (золота)»¹. 13-й индиктион по вычислению К. Кекелидзе здесь соответствует 988 году². В это время Торникия уже не было в живых. Отъезд Иоанна должен был произойти именно в это время, так как по «Житию» 985 год как бы находится между кончиной Торникия и отъездом Иоанна. Вместе с тем, со своей стороны, смерть Торникия непосредственно является последующим фактом в произведении (ср. вышеприведенные слова из текста): «По смерти Торникия блаженный отец наш Иоанн решился...». Этот отъезд описывается в произведении как факт, имевший место непосредственно после смерти Торникия.

Вернувшись обратно, Иоанн вскоре заболел и уже не смог поправиться: в 1005 году он скончался. Болел долго, следовательно, эта поездка должна была состояться если не непосредственно после 985 года, то во всяком случае до конца X века.

По вычислению Мосе Джанашвили, отъезд Иоанна должен был произойти в 976—988 годах³.

Последним сочинением, переведенным с греческого, в котором упоминаются «испанские грузины», является «Житие Амвросия Медиоланского». Здесь заслуживает особого внимания идентификация Грузии и Испании.

Начиная с этого времени и до XVIII века в грузинских источниках «испанские грузины» не упоминаются.

Возникает вопрос: как объяснить то обстоятельство, что с XI до XVIII века в грузинских оригинальных или переводных сочинениях прекратился разговор с европейских иверийцах? Разве грузин в эти века не должен был интересоваться вопросом этногенеза и классификации народов?

На этот вопрос можно ответить хотя бы даже и предположительно.

По данному предмету в специальной литературе высказаны определенные соображения. В эту эпоху, то есть в XII—XVIII веках, произведения исторического характера в Грузии переводились не так интенсивно, как в предыдущих веках.

Разумеется, «такая скудность переводных исторических сочинений объясняется не тем, что у грузин не был развит вкус к истории, что они были лишены исторического чутья. Против этого говорит та исключительно ценная и богатая оригинальная историческая литература, которую они посвятили описанию церковной и политической жизни своей родины⁴. В агиографических же сочинениях, переведенных с греческого, интересующий нас вопрос вообще не пользовался большой популярностью. Исторические сочинения, переведенные с греческого на грузинский язык, носили преимущественно экзотический характер и постольку имели учебное назначение. Учебные же пособия этого типа в основном были переведены в Грузии уже к X—XI векам. Вот одна из предположительных причин, почему с конца XI века и в последующие времена в Грузию перестают проникать новые памятники, в которых был бы поставлен интересующий нас вопрос.

Это — с одной стороны.

¹ Р. Сирадзе. Первое упоминание «испанских грузин...». — «Мнатоби», 1971, № 3 (на груз. яз.).

² К. Кекелидзе. Этюды из истории древнегрузинской литературы, II, с. 225. (на груз. яз.).

³ М. Джанашвили. Иверийцы в Испании (по рукописи XI века). — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 27, Тифлис, 1900.

⁴ К. Кекелидзе. История грузинской литературы, I, с. 500 (на груз. яз.).

Продолжение следует

Игра слов в языке художественных произведений

ЯЗЫК художественных произведений отличается от всех других разновидностей национального языка системой признаков. Одной из существенных характерных черт языка художественных произведений является такое употребление, когда конкретное высказывание как бы реализует одновременно либо два значения слова, либо значения двух разных слов-омонимов. В таких случаях контекст обуславливает присутствие обоих значений в сознании читателя. В одних случаях одно из значений может быть контекстуальным, впервые употребленным в данном языке данным его носителем. В связи с нулевой отмеченностью либо очень низкой частотностью данного контекстуального значения в сознании читателя всплывает и то значение словесного знака, которое характеризуется максимальной частотностью. Само контекстуальное значение, в виду минимальной предсказуемости его в речи, кроме предметно-логического значения, характеризуется также и особой эмоционально-экспрессивной выразительностью, конституируемой непредсказуемостью данного языкового явления в высказывании. Контекстуальным значением могут обладать разнообразные части речи: имена существительные, глаголы, наречия, прилагательные. Оно является удобным и емким способом передачи поэтической мысли:

Тревога жиреет и жиреет, —

говорит В. Маяковский в стихотворении «Я и Наполеон». Абстрактное существительное **тревога** с логической точки зрения не способно жиреть. Жиреть могут животные и люди. Интуитивное понимание контекста подсказывает нам, что знак **жиреть** в данном словесном окру-

жении может иметь значение **становится сильнее, больше; расти**. С точки зрения содержания, логического смысла, контекстуальное значение и основное значение звукоряда **жиреть** разные сущности, а с точки зрения звуковой презентации данных значений они идентичны. Контекстуальное значение выражает индивидуальное мировоззрение, оно навязывает читателю субъективное видение предмета или событий¹. Своей непривычностью оно привлекает внимание читателя, так как мотивированное сочетание ранее не сочетавшихся слов дает значительный эффект². Должно быть, этот эффект, непосредственно апеллирующий к чувствам и эмоциям читателя, является результатом открытия новых связей и отношений самих предметов, процессов и явлений действительного мира.

Та деривативная связь, которая существует между контекстуальным и основным значениями знака, несущественна для отграничения данных значений как в ракурсе логической дефиниции, так и в ракурсе номинации разных предметов объективной действительности. Особенно следует отметить, что реализация двух значений знака в вышерассматриваемом примере основана не на особенности семантической связи между ними (жиреть — становиться тучным; толстеть; жиреть — расти, становиться сильнее; общая сема — становится больше), а на соотношении частотности этих

¹ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1945, с. 89.

² Ю. С. Языкова. Особенности поэтического слова... — «Вестник Ленинградского университета», 1963, № 8. Серия литературы, истории, языка, вып. 2, с. 98.

двух слов-омонимов: частотность знака **жиреть** в основном значении настолько высока, что при его зрительном или слуховом восприятии в сознании среднего носителя языка всплывает данное значение. Однако основное значение противоречит контексту, который читателю навязывает свое, контекстуальное значение; происходит своеобразное сравнение двух возможностей, и, в конечном итоге, языковое, узуальное значение отодвигается на второй план, и контекстуальное, ocasionальное значение утверждает себя в согласии с логикой высказывания. Следует отметить, что в подобных случаях, хотя и происходит реализация двух значений знака, это явление качественно отлично от так называемой игры слов. Общеизвестно, что многие контекстуальные значения были подхвачены языковым коллективом и превратились в языковые значения, фиксированные не только в сознании индивидуума, но и в сознании всех носителей данного языка. Такие значения уже вносятся в толковые словари национальных языков. С превращением контекстуального значения в языковое неразрывно связано увеличение частотности первого.

Одновременная реализация двух значений знака не ограничивается только лишь взаимодействием основного и контекстуального значений. Другая форма подобной совместимости представлена такими случаями, когда в художественном произведении одновременно реализуются два языковых (отмеченных в толковых словарях) значения³. Несмотря на то, что одно из них может быть производным от другого, частотность обоих достаточно высока, чтобы в обычной речи, без специально подобранного по этому контекста они не ассоциировались друг с другом и, таким образом, реализовались однозначно. Подробный анализ каламбуров, основанных на многозначности слова, находим в работе А. А. Щербина «Сущность и искусство словесной остроты (каламбур)»⁴. С точки зрения автора, суть разнообразных каламбуров заключается в столкновении в определенных контекстах минимум двух значений слова или значений двух омонимов и в одновременном их восприятии⁵. В пьесе Б. Ромашова «Великая сила», например, встречаем следующую игру слов:

Милягин: Дядю сняли... Позволь, у него же злот... Николай Спиридоныч... Такая рука...

³ И. Р. Гальперин. *Стилистика*. Москва, 1971, с. 145—146 (на англ. яз.).

⁴ А. А. Щербина. *Сущность и искусство словесной остроты (каламбур)*, Киев, 1958.

⁵ Там же, с. 7.

Медынцев: Теперь **руки-то** не очень помогают... Надо свою **голову** на **плечах** иметь.

А. А. Щербина отмечает, что переносное значение слова **рука** здесь как бы «овеществляется» путем столкновения с переносным значением слова **голова** — «ум». «Сочетание в одном контексте двух переносных значений намекает одновременно и на их соответственные прямые значения». Как видно из цитированного примера, переносное языковое значение знака **рука** воспринимается однозначно до тех пор, пока художник слова преднамеренно не создаст для него соответствующее словесное окружение — сочетание двух переносных значений в одном контексте. Как и в случае взаимодействия контекстуального и языкового значений, так и в случае каламбурного взаимодействия двух языковых значений происходит одновременное восприятие двух значений в одном контексте. В основе этого явления может лежать также и взаимодействие двух значений омонимов. Принципиальной разницы в каламбурном использовании омонимов и значений одного слова мы не видим и в таком понимании многозначности и омонимии в связи с их стилистическими функциями мы следуем точке зрения И. Р. Гальперина, Е. Ризель⁶, А. А. Щербина. А. А. Щербина, в частности, отмечает, что каламбур, основанные на семантических омонимах, близки по своей природе к игре многозначных слов⁸. Анализируемые им примеры являются хорошим подтверждением истинности этой мысли. Вот один из таких примеров:

Силантьев: Какой же я кулак? У кулака пальцы сжаты, а у меня — вот они — растопырены, потому — **держат мне нечего**. (Горький. «Сомов и другие»).

Здесь, так же как и в выше рассмотренном каламбуре, основанном на многозначности знака, происходит «овеществление» былого тропа. В данном случае этому способствует контекст ситуации, в котором присутствует **кулак** — сжатая кисть. Поэтому высказывание: «держат мне нечего» как бы реализует оба значения знака **кулак**: держать в кулаке и держать, прятать добро от народа в тайниках кулака, представителя эксплуатирующего класса.

В свете вышеизложенного трудно согласиться с точкой зрения Д. Н. Шмелева, считавшего, что значения многозначного слова не выступают независимо одно от другого и что они в прин-

⁶ Там же, с. 39.

⁷ И. Р. Гальперин, с. 147; Е. Ризель. *Очерки по немецкой стилистике*. Москва, 1954, с. 203 (на немец. яз.).

⁸ Там же, с. 46.

ципе не могут противоречить друг другу⁹. «Многозначность не может быть препятствием «точному пониманию»¹⁰, — пишет Д. Н. Шмелев, в то время как из-за двусмысленности полисемантического слова в определенных позициях многозначность слова некоторые исследователи считают бичом языка (напр. английского)¹¹. Выше мы рассмотрели преднамеренную «двусмысленность» как многозначного слова, так и слов-омонимов. С нашей точки зрения, тот факт, что оба языковых явления — многозначность знака и омонимия — употребляются писателями для создания каламбурного эффекта, и то, что значения полисемантического слова и омонимы в обычной речи воспринимаются в одном из своих значений, говорят о том, что в принципе семантическая связь между значениями слова не мешает им функционировать в речи так же независимо, как функционируют слова-омонимы. Это объясняется тем, что очень часто тот признак, который лежит в основе переносного значения, бывает несущественным для понятия основного значения. Иногда существующая связь между основным и переносным значениями бывает настолько субъективной, что она существует только для создателя переносного значения, а для большинства носителей языка является вещью в себе. Часто переносное значение по-разному толкуется разными носителями языка. В подобных случаях, хотя переносное и

основное значения и являются значениями одного слова, семантическая связь между ними менее ощутима (ощущается меньшим количеством носителей языка), чем семантическая связь так называемых омонимов. Сравните, например, семантику омонимов кулак — сжатая кисть и кулак — представитель эксплуатирующего класса и основного и переносного (контекстуального) значений звукоряда проливной-ая в стихотворении А. Вознесенского:

**Проклинаю твой, Вселенная, масштаб,
Марсианское сиянье на мостах,
Проклинаю, обожая и дивясь,
Проловная пляшет женщина под джаз.**

Именно такие сочетания, когда «этимологизация» метафорически использованного прилагательного невозможна, некоторые исследователи называют «вещью в себе»¹².

В связи с тем, что в основе переносного, деривативного значения лежат самые разнообразные признаки основного значения, производные значения могут относиться к разным тематическим группам и поэтому, несмотря на существующую семантическую связь между значениями одного слова, могут быть использованы с целью создания определенной двусмысленности в поэтическом контексте, а в обычной речи реализоваться однозначно. В этом аспекте между значениями полисемантического слова и значениями омонимов принципиальной разницы нет.

⁹ Д. Н. Шмелев. Проблема семантического анализа лексики. М., Академия наук СССР, 1973, с. 93.

¹⁰ Там же, с. 94.

¹¹ В. Эквист. Аспекты языка. Лондон, 1951, с. 25 (на англ. яз.).

¹² Е. В. Джанджакова. О сочетаемости слов в современной поэтической речи. — В сб.: «Вопросы языка современной русской литературы». М., 1971, с. 412.

ВСТРЕЧА С ПИРОСМАНИ

СЕРИЯ «Жизнь в искусстве», давно уже ставшая популярной, пополнилась еще одним изданием, посвященным грузинскому художнику Нико Пиросмани. Автор книги Эраст Кузнецов проделал огромную работу по собиранию и систематизации материала, имеющего отношение к жизни и творчеству Пиросмани. Э. Кузнецов с уважением и благодарностью называет имена своих предшественников в деле изучения его биографии и творческого наследия. В отдельных случаях он тактично и убедительно опровергает их, но никогда не присваивает себе чужих открытий и чужих идей. Напротив, он щедро цитирует в своей книге почти всех исследователей Пиросмани — от Кирилла Зданевича до Константина Паустовского, от Ладо Гудиашвили до Георгия Якулова, от Тициана Табидзе до Георгия Леонидзе.

Э. Кузнецов с таким знанием и любовью описывает быт старого Тифлиса, что начинаешь подозревать в нем уроженца или старожилу этого прекрасного города. Поистине кропотливым трудом реставратора писатель вызывает из прошлого облик знаменитых тифлисских духанов с их неповторимым колоритом и очарованием.

«...Удивительный город. Уже не такой, каким полвека назад его видел Пушкин, он стал, быть может, еще удивительнее. На Азию он смотрел Европой, на Европу — Азией».

«...В Тифлисе было где погулять — около ста пятидесяти трактиров, около двухсот духанов, а среди них знаменитые: «Загляни, дорогой», «Сам пришел», «Симпатия», «Тили пучури» («Маленькая вошка»)»...

Э. Кузнецов воздает должное и тифлисским духанщикам, сыгравшим немалую роль в жизни Нико Пиросмани. «Основная масса этих мелких и очень

мелких хозяев сочетала в себе и стремление к наживе, естественное для торгаша, и какую-то широту, подлинный вкус к жизни. Духанщик чаще всего бывал поэтом своего дела и ощущал себя не только хозяином заведения, но и как бы хозяином дома, в который пришли гости».

Описывая старый Тбилиси с его узкими улочками, нависающими ажурными балконами, ремесленными и торговыми рядами, забавными вывесками («Бедный Шио сапоги шиот»), из которых многие были выполнены рукой Пиросмани, автор проявляет незаурядное знание как грузинской, так и русской поэзии, связанной с Тбилиси и ему посвященной. Он цитирует Тициана Табидзе и Бориса Пастернака, Иосифа Гришашвили и Николая Заболоцкого.

Повторяя уже известное о Н. Пиросманашвили, Э. Кузнецов открывает много нового в судьбе и искусстве этого замечательного художника. Однако главная ценность его книги не в обнаружении новых, не известных прежде документов и свидетельств. Как мы уже знаем, все сведения о Пиросмани всегда ближе к легенде, чем к факту, и вообще их крайне мало. Значение книги Э. Кузнецова в том, что он сумел, наконец, сломать стереотип, много лет довлевший в литературе о Пиросмани.

Э. Кузнецов написал книгу о великом художнике, и все в жизни и творчестве Пиросмани освещено этим светом истины, верой в его гениальность.

Не случайно на первых страницах книги так часто встречаются слова «стереотип» и «легенда». Обычно творческий и жизненный путь Пиросмани было принято рассматривать под таким углом: несчастный, бездомный художник - самоучка, не вызывающий никаких чувств, кроме жалости; неприспособленный чужак, разорившийся в результате безответной любви к француз-

своей певичке Маргарите, для которой романтический безумец скупил все цветы в городе.

Э. Кузнецов не спорит с легендой и даже признает за ней право на существование. Но для него не это главное.

Он пишет книгу не о великодушном чуде и безумце и не о загубленном таланте-самоучке. Он пишет книгу о гениальном художнике, о состоявшемся мастере, о творце истинно народном и глубоко национальном. И чтобы эта оценка кому-нибудь не показалась завышенной, Э. Кузнецов подкрепляет ее квалифицированным анализом картин Пиросмани, разбором детальным, подробным, вскрывающим глубокую осведомленность автора в вопросах изобразительного искусства.

Великолепны страницы, отведенные анализу пейзажа у Пиросмани, портретной живописи, изображению животных. Интересен разбор философского содержания его картин.

Ни в коем случае не преуменьшая новаторского значения книги Э. Кузнецова, совершившей крутой поворот во взгляде на искусство Нико Пиросманашвили, мне хочется напомнить об этюде Тамаза Чиладзе, очень небольшом по объему и очень значительном по содержанию, опубликованном в журнале «Мнатоби» в 1972 году (№ 10, с. 156—158).

Целый ряд положений этого лаконичного, но в высшей степени поэтического и пронитивенного эссе совпадает с оценками и основной позицией Э. Кузнецова.

Тамаз Чиладзе писал: «Он (Нико Пиросманашвили.—А. Б.) был творцом, и судьба его походила на судьбу всех творцов: поскольку он творил, очевидно, был счастлив».

Таким образом был сломан укоренившийся стереотип — образ «несчастливого Никалы».

«Несчастный Никала канул в вечность, и пред потомками предстал Нико Пиросманашвили — гениальный грузинский художник, гордость нашего народа», — такими словами кончил Тамаз Чиладзе свой очерк о Пиросмани. И та же верная мысль пронизывает всю книгу Эраста Кузнецова.

«К художнику прикладываются стандартные нормы существования, по которым богатым быть лучше, чем бедным...» — пишет Э. Кузнецов, решительно отвергая этот банальный критерий. Пиросмани родился, чтобы стать художником, и стал им. «Он не мог делить свою жизнь пополам — полдня торговать, полдня писать картины». Пиросмани выбрал свободу — он был свободен от дома, от семьи, имущества и службы, потому что ничего этого у него не было. И все-таки это была свобода. «Мог ли предложить ему большую сво-

боду тот несвободный и уродливый мир, в котором он существовал?» — Эраст Э. Кузнецов справедливо вспоминает Гогена, который тоже отказался от мещанского благополучия и целиком посвятил себя искусству.

Чем же была жизнь Пиросмани, о подробностях которой нам так мало известно? Э. Кузнецов отвечает и на этот вопрос. «Это была жизнь в непрерывном труде и в непрерывном вдохновении, которые и не воспринимались им как труд и вдохновение, а были постоянным, естественным состоянием». Что можно было бы к этому добавить? И можно ли вообще сказать больше о жизни Художника?

Труд и вдохновение, а не скитания и пьяный угар находятся в центре внимания талантливого и вдумчивого исследователя, хотя он знает и с затаенной горечью говорит о бесприютности Пиросмани и его пагубной склонности к хмельному.

Однако в традиционном грузинском застолье, многократно отображенном в известных полотнах Пиросмани, Э. Кузнецов видит черты возвышенные и поэтические. Позволю себе привести соответствующие цитаты из книги:

«Красивый и разумный порядок освещал все, что делалось за столом... Куда-то пропадали корысть, бессердечие, хитрость, они становились веселы, общительны, уважительны друг к другу, щедры и широки... Толумбаш (тамада) как патриарх главенствовал над всеми, тосты его следовали в точном, никогда не нарушаемом порядке, было в них что-то ритуальное, и в каждый надо было вслушиваться, оценивая красоту слова и смысл сказанного... Иногда пели, что, может быть, было чудеснее всего. Кто бы ни собрался, близко ли были знакомы или вовсе не знакомы до сих пор эти люди, — они легко находили общее, каждый быстро отыскивал свое место в сложном многоголосии, и возникла между ними та согласованность, та гармония, которой не было места в их дневной жизни, и казались они друг другу братьями. Пение их было величественно, как церковный хорал, потому что мало на свете поется песен более торжественных, чем «Мравалжамиер», и непонятно было — сидишь ли ты с собутельниками за плохо вытертым столом в сыром подвале, или возносишься к небу...».

Цитата получилась немного длинной, но трудно удержаться и не поделиться с читателем радостью по поводу такой верной характеристики грузинского застолья. В другой раз Э. Кузнецов как бы мимоходом роняет еще одно меткое замечание: «Пиросмани писал не кутеж, а трапезу». Эта короткая фраза говорит нам многое об авторской

трактовке образов и сюжетов Пиросмани.

«Гости, сидящие за столом, обращены к нам лицами, как на сцене, они не едят, не пьют, не веселятся. Они просто сидят, словно в ожидании... Они полны молитвенной торжественности». Как радостно сознавать безоговорочное согласие с автором этих строк. Разве всех нас не захватывала торжественная чинность, которой так и веет от кутежей Пиросмани.

Итак, труд и вдохновение принесли свои бесценные плоды. Э. Кузнецов назвал их «возвышением и очищением». В итоге, в этом и заключается конечная цель всякого творчества и всякого искусства: очистить человека и возвысить его. «Здесь возвышенными и возвышающими оказывались простые зеленые холмы и голубое небо и трава под ногами, а высшей радостью жизни — единение с людьми».

Искусство Пиросмани — высоко нравственно, и, как замечалось неоднократно, несет людям надежду и утешение. Одухотворенность его героев — будь то люди или животные — явна и несомненна. Э. Кузнецов подчеркивает это обстоятельство и заостряет на нем внимание. Даже ортачальских красоток, пишет Э. Кузнецов, Пиросмани наделяет своей собственной духовностью. То есть возвращает бедным женщинам то, что у них отняла судьба.

«Не случайно, его компании оказываются похожими на «Тайную вечерю» или на «Троицу» — не только строгой замкнутостью композиции, статуйностью изображения, но и торжественно-успокоенным настроением, одухотворяющим лица сидящих за столом». Очень важное замечание! И сравнение с «Троицей» убедительно и уместно так же, как свежо и неожиданно. С фресками живопись Пиросмани сравнивалась уже не раз. (Тот же Тамаз Чиладзе называл грузинскую фреску и миниатюру истоками народности Пиросмани). О том же говорит и Э. Кузнецов:

«Как средневековый художник, писавший «Благовещение», «Успение» и «Вознесение» по установленным канонам, Пиросманавили не боялся постоянных тем и сюжетов, вариантов и даже прямых повторов и никогда не повторялся буквально, находя наслаждение в том, чтобы снова и снова возвращаться к одним и тем же композициям, внося в них какие-то новые оттенки, по-разному наполняя устоявшиеся композиционные схемы...».

И снова неожиданное сходство, так верно схваченное и истолкованное: Пиросмани и средневековое искусство с его нескончаемыми сюжетными повторами, не сковывающими художника, а напротив, как бы будившими в нем новые силы и возможности, изобретательность.

И однако Пиросмани — сын своего нелегкого времени, и его герои — его современники, соотечественники, сограждане.

Послушаем Э. Кузнецова: «Ощущение разлаженности мира неожиданно ставит Пиросмани в ряд тех больших художников начала века, которые это ощущение передали». Э. Кузнецов пишет о тревожном предчувствии катастрофы. И тут опять нельзя не вспомнить близкого к этому ощущения, так верно подмеченного Т. Чиладзе: «Персонажи Нико Пиросмани — части когда-то цельного и гармоничного мира, поэтому его творчество — это грусть по утраченной цельности».

«Почва уходила из-под ног, — вторит Тамазу Чиладзе Эраст Кузнецов. — Жизнь старая, прошлая, освященная традициями предков, обгороженная преданиями, рассыпалась на глазах... впереди была только пугающая неизвестность...».

Вот как объясняется тот напряженный и грустный вопрос, который зрители читали в глазах «Жирафа» (которого Э. Кузнецов назвал «духовным» автопортретом художника), и всех живых существ, населяющих мир Пиросмани.

Родословная героев Пиросмани восходит к грузинскому фольклору. Э. Кузнецов выделяет элементы фантастичности в самых реалистических полотнах (например, стол, накрытый посреди дикой, необжитой природы, дворник, похожий на фавна; прежние исследователи ограничивались социальной характеристикой этого образа). Э. Кузнецов пишет о налете таинственности в таких вещах, как известный «Медведь в лунную ночь» и др.

Говоря о национальных корнях искусства Пиросмани, Э. Кузнецов метко замечает, что Пиросмани «дал грузинскому искусству не столько новое, сколько обнаружил давно существующее, исконное — настолько привычное, что уже не замечаемое как факт искусства».

Далее Э. Кузнецов приводит высказывание Давида Какабадзе о Пиросмани как о национальном художнике: «Ни у кого из художников я не знал подобного ощущения Грузии, как у Нико...».

Споры вокруг Пиросмани напоминают Э. Кузнецову те дискуссии, которые в свое время велись по поводу поэзии Важа Пшавела. Нам, так же как и автору книги, соседство этих двух великих имен кажется естественным и оправданным. Не случайно пресловутая легенда сделала Пшавела задушевным другом одинокого художника. Э. Кузнецов цитирует Тициана Табидзе, который назвал и того и другого в числе основоположников грузинского искусства. Именно как основоположника и рассматривает Э. Кузнецов героя своей книги.

С этим высоким критерием подходит он к его творчеству, избегая сравнений и параллелей, набивших оскомину даже у непосвященных людей. Из глубокой убежденности Э. Кузнецова в непреходящем значении искусства Пиросмани рождаются такие оценки, как, например: «Пейзажи Пиросмани — это синтетические пейзажи, картины всей Грузии». (Здесь Э. Кузнецов вспоминает, что Г. Якулов назвал Пиросмани «рыцарем поэтического образа своей страны»).

Далее Э. Кузнецов пишет: «Пиросмани писал не отдельных людей, а весь народ». (Здесь он подкрепляет свое мнение словами Константина Симонова о Пиросмани: «Он... писал свою Грузию, свой народ, писал свое отношение к своей стране и к живущим на ее земле людям»).

Итак, художник народный, глубоко национальный, не чуждый, если верить исследователям, момента социальной критики. Здесь Э. Кузнецов предостерегает нас от опасности свести философскую систему, мировоззрение до уровня обличительного пафоса (весьма похвального, но в данном случае более ограниченного в своей конкретной направленности, чем сложный и глубокий философский замысел художника).

Э. Кузнецов не боится вступать в полемику с таким авторитетом, как К. Паустовский. Речь идет о трактовке картины «Кутеж трех князей». Э. Кузнецов склонен видеть иронию и жалость там, где до него усматривали политическую сатиру. В «Пирушке молочкан» в отличие от К. Паустовского, в свое время охарактеризовавшего эту картину как карикатуру и гротеск, Э. Кузнецов отказывается видеть издевку и презрение, ибо он не верит, что Пиросмани был способен ненавидеть людей.

Не бесспорно, но весьма убедительно новое толкование известной картины «Миллионер бездетный и бедная с детьми». Здесь автор книги хочет видеть не столько социальный конфликт между двумя группами, изображенными художником, сколько его недоумение по поводу неразумного мироустройства, его раздумья над смыслом жизни и бессильем богатства. И опять-таки надо всем парит любовь и сочувствие: «Кто из них несчастнее и чья чаша страданий тяжелее?». Вот счастливая мать, но ей нечем кормить детей, ибо она бедна. Этот человек богат, но все равно несчастен, ибо бездетен.

Э. Кузнецов предлагает не путать личное отношение Пиросмани к богачам и беднякам, к классовому угнетению и революции с объективным содержанием его искусства. Что же, совет дельный, достойный того, чтобы над ним задуматься и не искажать впредь за-

мысла художника в угоду заведомо составленной схеме.

Э. Кузнецов разрушает наше устойчивое представление о том, будто бы Пиросмани писал на обычной клеенке, чуть ли не специально для этой цели снятой со стола. Автор книги считает, что сохранностью своей картины Пиросмани обязан именно точному выбору материала для работы и умению выбирать краски. Технике исполнения картин Э. Кузнецов уделяет большое внимание: анализирует мазок Пиросмани, его палитру, колорит. И здесь опять звучит лейтмотив всего повествования:

«Он был бедный художник — нет, художник нищий в самом крайнем смысле этого слова. Но он был профессионал, сродни средневековым мастерам, заботившимся о добросовестности и долговечности своего труда...».

Подчеркивая, что Пиросмани работал без предварительных эскизов и набросков, Э. Кузнецов отмечает его уверенность и смелость («смелость его письма наивна и в своей наивности гениальна»), импровизационный характер его письма («он не раскрашивает нарисованное заранее — это беда большинства неумелых, он мыслит, как живописец. Работая на черном, он словно извлекает предмет из глубины... Он не знает просто мазка, просто линии, просто пятна: краска, наносимая им на поверхность клеенки, сразу становится частью изображаемого предмета»).

Отметая ярлыки даровитого самоучки и ремесленника, Э. Кузнецов настаивает на титуле мастера, свободного, владеющего неограниченными возможностями, называет его художником эпическим и монументальным.

«Его мировосприятие даже несколько холодновато, отстранено: это отрешенность и торжественность, вообще часто присущие эпическому взгляду, предполагающему некую высокую вселенскую точку зрения, с которой частности жизни, житейские ситуации, личные судьбы уравниваются, растворяются в необъятности масштабов всеобщего».

В числе эпических полотен Пиросмани Э. Кузнецов называет «Свадьбу в Кахетии», «Сбор винограда», «Храмовый праздник в Болниси». Им посвящены лучшие страницы книги, где глубокие профессиональные знания искусствоведов сочетаются с мастерством прозаика. Причем, говоря об эпичности и монументальности этих работ Пиросмани, Кузнецов выводит эти черты не из внешних обстоятельств, а видит в них специфику мышления художника. «Монументализм Пиросманашвили никак не может быть сведен к декоративности». Автор отмечает монументальность языка Пиросмани, его живописной формы. «Потому-то, — пишет он, — его кар-

тины оказываются гораздо меньшими, чем они представляются по репродукциям, — им присуще качество крупной, монументальной формы, не зависящее от физической протяженности произведения».

Анализ эпических полотен Пиросмани дает Э. Кузнецову повод поразмышлять над исторической судьбой, бытом и национальным характером грузин. И здесь, как уже было сказано, каждое слово продиктовано знанием, любовью и уважением к Грузии. В лице автора настоящей книги мы имеем не только великолепного знатока и исследователя, но в первую очередь друга и страстного пропагандиста грузинской культуры.

Из двух тысяч картин, созданных Пиросмани, пишет Э. Кузнецов, сохранилось около трехсот. Но и этого оказалось достаточным для того, чтобы их создатель занял свое место среди великих художников мира.

Поразительная точность «попадания», свойственная Пиросмани, когда-то на-

помнила Г. Якулову формулу Пикассо: «Я не ищу, а нахожу». В связи с этим Э. Кузнецов вспоминает слова Пиросмани, очевидно, не известные Г. Якулову: «Я так хотел сделать, и мне это удалось».

Собственно, этим сказано все о творце, максимально осуществившем свои возможности и оправдавшем свой приход в этот мир: я так хотел сделать, и мне это удалось.

После прочтения книги Эраста Кузнецова «Пиросмани», выпущенной издательством «Искусство», никому не должна показаться странной фраза, завершавшая известную статью К. Паустовского «Жизнь на клеенке», впервые увидевшую свет в 1931 году.

К. Паустовский писал: «Я помню первые оттиски пиросмановских картин. Они были сделаны на обороте листов с рисунками Леонардо да Винчи. Это было вполне достойное соседство».

Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

Достойный ответ грузинских писателей

1 апреля во Дворце писателей состоялось заседание президиума правления Союза писателей Грузии, рассмотревшее вопрос о поведении члена Союза писателей СССР Звиада Константиновича Гамсахурдиа, несовместимом со званием советского писателя.

При обсуждении вопроса выступили писатели Г. Абашидзе, И. Абашидзе, Г. Асатнани, Х. Берулава, А. Гомиашвили, Р. Джапаридзе, Н. Думбадзе, Г. Жоржолани, К. Каладзе, А. Калан-

дадзе, М. Лебанидзе, Э. Маградзе, Р. Маргиани, К. Маргиев, Г. Мерквиладзе, Г. Натрошвили, Ш. Нишнанидзе, И. Нонешвили, Г. Панджикидзе, М. Подхивили, А. Сулакаури, И. Тарба, Ф. Халваши, Г. Цицишвили, В. Челидзе, Т. Чиладзе, С. Чилая, Д. Шенгелая. Они единодушно осудили поведение З. Гамсахурдиа, несовместимое с высоким званием советского писателя и гражданина.

Президиум единогласно исключил его из рядов Союза писателей СССР.

(Грузинформ)

Сдано в производство 4 марта 1977 г. Подписано к печати 11 апреля 1977 г.

6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заназ 808

Тираж 7050

УЭ 08290

26-1977

77-267

ქართული
სახელმწიფო
საბიბლიოთეკო

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა